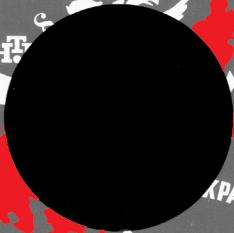

6

2014

РОССИЯ XXI

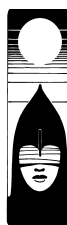
6. 2014 ноябрь-декабрь

Геоглобалистика

Ваге Давтян

Россия на Южном Кавказе:
геополитическая ретроспектива _____ **6**

Национальная доктрина

Феликс Гутнов

Об обычном праве осетин _____ **26**

Ярлыки и мифы

Вера Березина

Формирование образа Петрограда-Ленинграда
в экскурсионной литературе 1920-х годов __ **52**

Геннадий Костырченко

«Эх, Говард!..»: литературная история разрыва
Говарда Фаста с СССР _____ **64**

Страницы истории

*Андрей Ранчин, Андрей Каравашкин,
Елена Коняевская, Анета Николова,
Алексей Пауткин, Петр Савельев,
Нина Трофимова, Александр Шайкин*

Актуальность древнего текста _____ **86**

Ресурсы нации

Евгения Лупанова

Леса Поволжья в правительственной политике XVIII века _____ **106**

Актуальный архив

Роман Гильминтинов

В соавторстве с самим собой: две автобиографии С.Я.Аллилуева **126**

Виктор Тополянский

Анна Ахматова под надзором МГБ _____ **138**

Россия в мире

Нина Хайлова

«Не бояться никаких лишений, верить в себя и свою энергию...»: хозяйственная адаптация русских эмигрантов «первой волны» в Чехословакии _____ **150**

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель «Центра документальных публикаций» РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

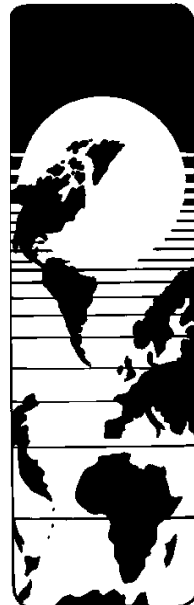
Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

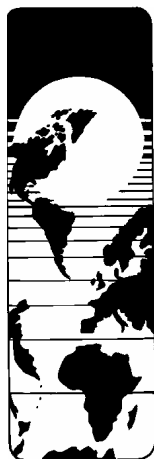
ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

Россия не может определять себя, как Восток, и противопоставлять себя Западу. Россия должна сознавать себя и Западом, Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем.

**Ныне кончаются времена
замкнутых национальных
существований. Все национальные
организмы ввергнуты в мировой
круговорот и в мировую ширь.
Происходит взаимопроникновение
культурных типов Востока и Запада.
Прекращается автаркия Запада, как
прекращается и автаркия Востока...**

Н.А. Бердяев

Ваге Давтян

РОССИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
РЕТРОСПЕКТИВА**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327.2

The basic problems of Russia's presence in the South Caucasus through historical and retrospective analysis are identified. The geopolitical component of Russia's foreign policy toward the region since the XVII century was shown. The configuration of the main political forces in the South Caucasus was analyzed, Russian nowadays influence in the political and economic processes in the region was estimated. The basic geographic, geo-economic and other benefits of the South Caucasus were shown. In particular the transit potential of the region was assessed. Weaknesses of Russian geopolitics in the South Caucasus direction were identified, some recommendations were made.

Ключевые слова: Южный Кавказ; Россия; геополитика; историко-ретроспективный анализ; транзитный потенциал.

Key words: South Caucasus; Russia; geopolitics; historical and retrospective analysis; transit potential.

E-mail: vahe.davtian@gmail.com

Обладая выгодным географическим расположением, Южно-Кавказский регион на протяжении столетий находился в сфере военно-политических и экономических интересов крупных держав. Не меньший интерес он представляет и в наши дни.

Рассматривая Южный Кавказ как геополитическую единицу, располагающую значительным транзитным потенциалом, можно констатировать естественный интерес мегадержав к этому региону. В качестве последних в первую очередь имеются в виду Россия, США и крупные члены ЕС. Говоря о транзитном потенциале Южно-Кавказского региона, следует отметить, что именно он сегодня может рассматриваться как наиболее перспективное и экономически целесообразное связующее звено между Европой и Азией. Являясь ключевым элементом в международном коридоре Европа–Кавказ–Азия, Южный Кавказ вместе с тем выступает как потенциальный конкурент коридору Европа–Россия–Азия, располагающему высокими пропускными мощностями, развитой логистической инфраструктурой и политической стабильностью, чего нельзя сказать о коридоре Европа–Кавказ–Азия из-за существенной политической нестабильности на Кавказе. Обращаясь, в частности, к Южному Кавказу, отметим, что ряд нерешенных вопросов политического характера препятствуют здоровому экономическому развитию региона, а также полноценному становлению и функционированию коридора Европа–Кавказ–Азия. К таким проблемам относятся: Нагорно-Карабахский конфликт, отсутствие дипломатических отношений между Арменией и Турцией, определенная напряженность в российско-грузинских отношениях и пр.

Транзитный коридор

Одной из главных программ, воплотивших в себе идею создания коридора Европа–Кавказ–Азия, а следовательно, восстановления одного из известнейших исторических маршрутов – Великого шелкового пути, является *TRACECA (Transport Corridor Europe–Caucasus–Asia)*, Транспортный коридор Европа–Кавказ–Азия). Коридор берет свое начало в странах Восточной Европы (Болгария, Румыния, Украина), а также пересекает Турцию. Далее маршрут следует через Черное море к грузинским портам Поти и Батуми с дальнейшим выходом на транспортные сети стран Южного Кавказа. Из Азербайджана посредством каспийских паромных переправ (Баку–Туркменбаши, Баку–Актау) маршрут *TRACECA* выходит на железнодорожные ветки государств Центральной Азии – Туркменистана и Казах-

стана, транспортные сети которых связаны с направлениями в Узбекистане, Кыргызстане, Таджикистане и достигают границ с Китаем и Афганистаном. В настоящее время коридор *TRACECA* интенсивно развивается: за 11 лет деятельности финансовые вложения в реализацию инвестиционных и технических проектов в рамках коридора превысили 1 млрд евро¹.

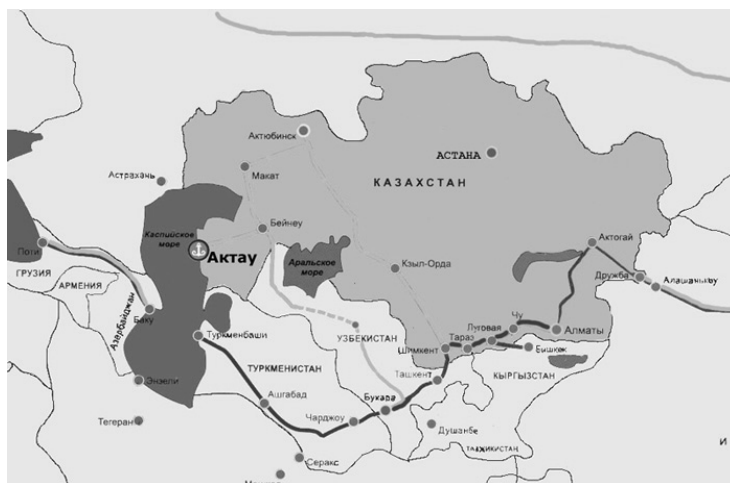

Схема кавказской и центральноазиатской части транспортного коридора TRACECA

Не менее важной и амбициозной является идея создания транзитного коридора «Север–Юг». Межправительственное соглашение о нем было подписано Россией, Ираном и Индией в ходе Второй Евроазиатской конференции по транспорту 12 сентября 2000 года в Санкт-Петербурге. В апреле 2001 г. соглашение было ратифицировано Индией, а затем Ираном и РФ. В мае 2002 года в Санкт-Петербурге представители указанных стран подписали протокол об открытии коридора. В настоящее время к соглашению присоединились также Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Оман, Сирия. Кроме того, поданы заявки на присоединение Турцией и Украиной². Примечательно, что, согласно проекту, армянский участок должен проходить по южной границе страны, попадая в Армению с территории Азербайджана. Последнее сегодня

¹ См.: Бизнес-план создания Международного логистического центра на железнодорожной станции Ахурян Южно-Кавказской железной дороги / Разработчик – ООО «Институт независимых социально-экономических исследований». СПб., 2009. 136 с.

² См.: Там же.

является не совсем реальным ввиду противоречий между двумя государствами. Вместе с тем проект «Север–Юг» в очередной раз подчеркивает геополитическое значение Южно-Кавказского региона в реализации крупных международных проектов.

Таким образом, транспортный и энергетический транзит, который может быть осуществлен через территорию Южного Кавказа, определяет повышенный интерес мирового сообщества к данному региону, что особенно заметно в наши дни, в условиях постоянных поисков новых перспективных путей транзита товаров и энергоресурсов. Следовательно, очевидна развернувшаяся конкуренция между США, Россией, крупными членами ЕС, Турцией, Ираном и др. за политическое и экономическое доминирование в регионе.

Сегодня российский истеблишмент, традиционно воспринимающий Южный Кавказ как сферу своего влияния, считает, что обладает большими правами на доминирование в данном регионе, чем соперники России. Безусловно, подобная позиция не является безосновательной. С целью ее раскрытия проведем краткий историко-ретроспективный анализ присутствия России на Южном Кавказе.

**Трансформация
политической карты
Закавказья: от Петра I
до наших дней**

Выделим следующие исторические периоды, отражающие разные этапы присутствия геополитических интересов России на Южном Кавказе.

Первый этап: XVII–XVIII века. В

этот период приоритетными для России в закавказском направлении были военные интересы, носившие преимущественно завоевательный характер, особенно в условиях военно-политических отношений с Турцией и Персией. Как известно, со времен правления Петра I Россия начала предпринимать непосредственные шаги, направленные на ослабление турецкой и персидской экспансии в регионе. В связи с этим Петром I была определена задача усиления позиций на Каспийском побережье, что, в свою очередь, преследовало цель активизировать торговые отношения с Востоком.

Практическая реализация интересов Российского государства в регионе выразилась в присоединении к России каспийского побережья – территории восточного Закавказья (современного Азербайджана) и Дагестана. С взятием Баку в 1723 году и последующей оккупацией южного побережья Каспия (провинции Гилян) Каспийское море стало практически «внутренним морем» России. Значение этого события состояло в том, что были обеспечены безопасность поселений в Астраханской и других южных

губерниях страны, а также безопасность судоходства и свобода торговли на юге. Тем самым Петр I «прорубил окно в Азию»³.

В период правления Екатерины II Закавказье рассматривалось в качестве форпоста России для противодействия Турции. Именно при этой императрице перед Россией встала необходимость интеграции в черноморском направлении.

Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, подписанному в результате русско-турецкой войны 1768–1774 годов, за Россией фактически был закреплен статус черноморской державы, что позволило уже к концу XVIII в. говорить о начале присоединения Южно-Кавказского региона к России⁴.

При Екатерине II был заключен знаменитый Георгиевский трактат между Россией и Картли-Кахетинским царством (Грузия). Основное политическое значение Георгиевского трактата заключалось в установлении протектората России в отношении Восточной Грузии, что привело к резкому ослаблению позиций Ирана и Турции в регионе, формально уничтожив их притязания на Восточную Грузию⁵.

Данная экспансионистская политика не была продолжена преемником Екатерины II Павлом I. Ряд историков связывает это с субъективно-личностным подходом императора к политике матери. Так, один из первых приказов Павла I касался отмены инициированного Екатериной II похода на Персию. В целом кавказский курс внешней политики России претерпел существенные изменения. Неудивительно, что именно в этот период в Закавказье начала активизироваться политика западных держав, особенно Великобритании и Франции. Последнее, безусловно, не могло не насторожить русского императора. По его приказу в Закавказье отправляются два регулярных полка. Более того, восстанавливаются условия Георгиевского трактата, нарушенные из-за вмешательства Турции. Особый интерес вызывает тот факт, что Павлом I в целях закрепления Кавказа за Россией в 1797 году лично разрабатывается план федеративного устройства Кавказа под протекторатом России⁶.

³ См.: Арутюнян А. Историко-ретроспективный анализ политики России на Южном Кавказе // Южный Кавказ: Проблемы региональной безопасности и интеграции. Ереван: Изд-во РАУ, 2004. Т.1. №1. С.103.

⁴ См.: Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. История России: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2003. С.172.

⁵ См.: Там же. С.173.

⁶ См.: Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984. С.92.

РОССИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Историки характеризуют указанный период реализации Россией своих стратегических планов в Закавказье как фрагментарный и прерывистый. Так, приоритетным для Петра I было каспийское направление, для Екатерины II – восточно-грузинское, Елизавету Петровну кавказское направление в целом мало интересовало, Павел I едва только успел определить контуры своей кавказской политики⁷.

Второй этап: первая половина XIX века. Началом реализации Россией своих стратегических целей в регионе на указанном этапе можно считать присоединение Грузии в 1801 году. Затем, в 1828 году, согласно Туркманчайскому договору, завершившему русско-персидскую войну 1826–1828 гг., последовало присоединение к России Восточной Армении.

Подписание Туркманчайского договора

Указанные процессы, повлекшие за собой полное изменение политической архитектуры региона, происходили последовательно и диктовались не только геополитическими интересами России, но также самими государствами ввиду постоянной угрозы со стороны Персии и Турции. Отметим, что трансформации политической карты Закавказья предшествовала серия русско-персидских и русско-турецких войн.

Вместе с тем есть основания полагать, что Россию на тот период не устраивали слабые Персия и Турция, так как это способствовало бы

⁷ См.: Арутюнян А. Указ. соч. С.105.

укреплению позиций европейских держав в регионе. Более того, если в XVII и XVIII веках Россия поддерживала национально-освободительные движения народов, находившихся под турецким игом, то уже в начале XIX в. турецкое направление внешней политики России сводилось к поддержке монархических устоев в Османской империи.

Таким образом, как показало дальнейшее развитие событий вокруг Закавказского региона, реализации геополитических интересов России в Закавказье мешали не столько Персия и Турция, сколько ведущие европейские державы, а именно: Англия и Франция, не приветствующие продвижение России в каспийском и черноморском направлениях. В связи с этим следует подчеркнуть, что если на Каспии Россия уже имела твердые и непоколебимые позиции, то ее статус черноморской державы, приобретенный еще при Екатерине II, не имел прежнего значения. Как писал Николай I в инструкции послу России в Константинополе Рибобьеру в 1826 году, «...географическое положение государств определяет их нужды и пользы. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что с того дня, как русские владения коснулись берегов Черного моря, свободное сообщение между этим морем и Средиземным стало одним из первых интересов России, а сильное влияние в Константинополе – одной из первых потребностей»⁸.

Именно подобная установка привела к подписанию с Турцией Ункяр-Инкелесийского договора (1833). Согласно секретному пункту трактата по требованию России турецкая сторона обязывалась закрыть проливы Босфор и Дарданеллы. Впоследствии это обеспечило свободный проход российских кораблей через черноморские проливы.

Как пишет В.Г.Тунян, «самодержавие России в Закавказье в первой трети XIX в. проводило имперскую трансрегиональную политику, ставящую цель связать воедино Закавказье и Северный Кавказ в единое подчиненное пространство. Закрепление в Закавказье рассматривалось как создание геополитического опорного анклава, используя цивилизационную общность с грузинами и армянами для покорения горцев Северного Кавказа и приобретения нового жизненного пространства между Черным и Каспийским морями... Османской Турции и Персии отводилась роль слабых стражников русских врат на Черном и Каспийском морях»⁹.

⁸ См.: Маркова О.П. *Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение меридиализма // Исторические записки. М., 1953. Т.42. С.202.*

⁹ См.: Тунян В.Г. *Политика самодержавия России в Закавказье XIX – нач. XX вв. Ереван, 2006. Ч.1. 1800–1826 гг. С.154.*

Можно констатировать, что в первой половине XIX века Россия позиционировала себя как трансрегиональная держава, сумевшая обеспечить себе выход к Черному морю посредством активной наступательной политики в Закавказье. Именно выход к Черному морю и установление контроля над проливами, связывающими Черное и Средиземное моря, позволили России стать главным политическим и экономическим игроком региона и обеспечить себе наличие второго после Каспия «внутреннего моря». Думается, что именно стремление окончательно закрепить за собой статус черноморской державы определяло южнокавказскую политику России в первой половине XIX в.

Таким образом, благодаря последовательной внешней политике России уже к середине XIX в. удалось добиться своей главной стратегической цели в регионе – утвердить свою военно-административную власть.

Третий этап – вторая половина XIX века – ознаменован явным ослаблением позиций России в Закавказье вследствие конфронтации с Великобританией и Францией. В указанный период Англия и Франция предпринимали шаги, направленные на сокрушение России как великой державы, имеющей влияние на Ближнем Востоке и Балканском полуострове. Разгорелся Восточный кризис, приведший к новой войне в 1853 году.

Ослабленная Россия была не в состоянии в полной мере противостоять натискам противника. В итоге Восточной (Крымской) войны в марте 1856 г. был подписан Парижский мирный трактат. Россия потеряла южную часть Бессарабии, а также право покровительства Дунайским княжествам, Сербии и Западной Армении. Самым тяжелым для российской стороны стало условие о «нейтрализации» Черного моря. России было запрещено иметь здесь военно-морские силы, военные арсеналы и крепости, что нанесло существенный удар по безопасности южных границ державы¹⁰.

Главным направлением внешнеполитической деятельности России в 1856–1871 годы стала усиленная борьба за отмену условий, предусмотренных Парижским трактатом. Особая роль в достижении поставленной цели отводилась Закавказью. Это было обусловлено тем, что царское правительство считало названный регион своим форпостом на черноморском побережье. При этом Закавказье воспринималось также в качестве инструмента для продвижения на восток. Как писал русский генерал Р.Фадеев, «кавказская армия держит в своих руках ключ от Востока.

¹⁰ См.: Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Указ. соч. С.222.

Это до того известно нашим недоброжелателям, что во время истекшей войны нельзя было открыть английской брошюры, чтобы не найти в ней толков о средстве очистить Закавказье от русских»¹¹. Все это не отрицалось соперниками России, открыто заявлявшими, что одной из главных причин Крымской войны стало присутствие России на Кавказе.

Парижский мирный трактат 1856 года

Отметим, что именно в этот период остро встал вопрос перехода Западной Армении в состав Российской империи. Такая возможность появилась после победоносного окончания русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Нанеся поражение турецкой стороне, Россия получила все шансы включить территорию Западной Армении в свой состав. Однако, добившись военного успеха, Петербург не смог добиться того же на дипломатическом поприще. Взяв инициативу в свои руки, Англия, Франция, Германия и Австро-Венгрия предпочли сохранить в Западной Армении турецкую власть и по возможности ослабить российское влияние.

На состоявшемся в 1878 году Берлинском конгрессе, подытожившем русско-турецкую войну, было принято решение о передаче России Карса и Батума. Как прокомментировал это министр иностранных дел России Н.Гирс, «Карс мы должны были взять как важный стратегический пункт, а Батум нам необходим для торговых целей, в остальном мы не

¹¹ См.: *Фадеев Р.А Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис: Воен.-поход. тип. Гл. штаба Кавказской армии, 1860. С.11.*

РОССИЯ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

очень заинтересованы»¹². В целом же Россия не смогла использовать военные преимущества, которыми располагал Батум. Ведь согласно международному соглашению, он был превращен в порт с мирным предназначением, открытый для всех судов и не располагающий военными крепостями. Очевидно, что такая расстановка сил нанесла значительный урон по геополитическим интересам России, не дав ей реализовать на данном этапе одну из важнейших внешнеполитических задач – становление в качестве полноценной черноморской державы.

Берлинский конгресс 1878 года

Таким образом, рассматриваемый нами третий этап можно охарактеризовать как период ослабления влияния царской России в Закавказье, несмотря на ее явную прерогативу в данном регионе. Включив Закавказский регион в свой состав, царская Россия, в силу политики уступок в указанный период, все же не смогла использовать его в качестве ключа к полному обладанию Черным морем. Вместе с тем, осуществив необходимые финансовые вложения в регионе, Россия подготовила серьезную почву для своего дальнейшего продвижения в черноморском и восточном направлениях.

¹² См.: Киняпина Н.С. *Внешняя политика России во второй половине XIX века*. М.: Высшая школа, 1974. С.14.

Четвертый этап: конец XIX – начало XX века. Именно в этот период происходит практически всестороннее усиление России в регионе. Ей удается наладить отношения с одним из своих главных конкурентов – Великобританией. Так, в 1907 и 1915 годах между двумя державами были заключены соглашения о совместном контроле над всеми политическими и экономическими процессами, происходящими в Иране (где, как известно, Россия обладала нефтяными концессиями, что во многом обуславливало ее интерес к данной стране, отличавшейся явной нестабильностью). Сближение России и Великобритании можно объяснить также возникновением в Европе новой силы – Германии, сразу заявившей о себе как об амбициозной державе.

Однако, как и в предыдущие этапы, приоритетным в закавказской политике России продолжало оставаться Черное море и, в частности, черноморские проливы – Босфор и Дарданеллы. По данным вице-директора канцелярии МИД России Н.А.Базили, за десятилетие, начиная с 1903 года, вывоз российских товаров через Босфор и Дарданеллы составил 34% всего вывоза России. Особенно большую роль играли проливы в экспорте хлеба. Так, накануне Первой мировой войны 60–70% всего хлебного экспорта России шло через них¹³.

Уже в начале XX в. политическая ситуация в регионе сложилась таким образом, что у России появились реальные шансы закрепить за собой статус черноморской державы и обеспечить контроль над проливами. Именно в этот период обостряется конфликт между Россией и Турцией, надолго обусловивший конкуренцию между этими государствами. Можно констатировать, что конкуренция между Россией и Турцией за первенство в Закавказье продолжается и по сей день.

Подписание германо-турецкого соглашения разрушило ожидания России относительно того, что Турция, подобно Ирану, сохранит нейтралитет в Первой мировой войне. Вступление в войну против России определило дальнейший расклад политических сил и стало во многом судьбоносным для Турции: уже в 1916 году турецкая армия была полностью выведена из строя. Официальные требования Петербурга были изложены в меморандуме от 4 марта 1915 г. Согласно документу в состав царской России должны были войти:

- Западная Армения;
- Константинополь;
- европейские владения Турции до линии Энос – Мидия;

¹³ См.: Арутюнян А. Указ. соч. С.117–118.

- часть азиатского побережья в пределах между Босфором, рекой Сакарьей и подлежащим определению пунктом на берегу Исминдского залива;
- острова Мраморного моря;
- острова Имброс и Тенедос¹⁴.

Таким образом, становление России в качестве черноморской державы уже находилось на стадии реализации. Исход войны практически обеспечил выход России к черноморским проливам, ранее находившимся под контролем Турции. Однако вследствие Октябрьского переворота все эти стратегические задачи, стоявшие перед царской Россией, были заменены проблемой сохранения власти большевиков, а российская Кавказская армия была вынуждена покинуть Западную Армению.

Если раньше укрепление позиций в регионе обуславливалось стремлением России обеспечить контроль над Черным морем и тем самым выйти на новый уровень мировой державы, диктующей тенденции мировой экономики, то для большевиков Закавказье рассматривалось в контексте советизации края, становления его в качестве форпоста мировой революции на Востоке.

Следовательно, можно заключить, что рассматриваемый нами *четвертый этап* можно охарактеризовать как период быстрого взлета и не менее быстрого ослабления влияния царской России в Закавказском регионе, сменившийся распространением большевистской власти и советизацией закавказских независимых республик. Это привело к беспрецедентному сближению с Турцией, повлекшему за собой ряд договоров и соглашений, в которых Советская Россия шла на определенные уступки: Московский договор (16 марта 1921 г.), Карсский договор (13 октября 1921 г.).

Так, с первых дней своего существования Советское правительство провозгласило по отношению к народам Востока, в том числе и Турции, политику дружбы и равноправия сторон.

Особую важность здесь приобрело Севрское мирное соглашение, согласно которому вопрос о черноморских проливах разрешался в пользу империалистических держав. А именно: проливы разоружались, открывались для иностранных военных кораблей всех держав и передавались под управление международной комиссии, которая получала право держать здесь свои войска, полицию, иметь свой флаг и бюджет. Севрский договор, однако, не вступил в силу. Принципы решения вопроса о

¹⁴ См.: Георгиев В.А., Киняпина Н.С., Панченкова М.Т., Шеремет В.И. *Восточный вопрос во внешней политике России (Конец XVIII – начало XX века)*. М., 1973. С.43.

проливах, отвечавшие интересам как Советской России, так и Турции, были зафиксированы в Московском договоре 1921 года¹⁵. Следует отметить, что во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Турция предоставляла фашистской Германии возможность использовать проливы в своих целях вопреки неоднократным протестам со стороны СССР и его союзников.

Подписание Московского договора

В целом пребывание Закавказья в составе Советского Союза можно охарактеризовать как период значительного подъема промышленности, укрепления хозяйственных связей, выравнивания уровня социально-экономического развития республик региона, повышения образовательного уровня населения и пр.

Таким образом, вырисовывается пятый этап присутствия России (СССР) в Закавказье: 1917–1991 годы – период, сыгравший существенную роль в конфигурации сил в регионе и определивший во многом его дальнейшую геополитическую архитектуру.

И наконец, в качестве шестого этапа можно рассматривать период с 1991 года по настоящее время. Определенно можно утверждать, что в настоящее время указанный этап представляется довольно коротким

¹⁵ См.: Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А. Указ. соч. С.382.

историческим промежутком, не позволяющим говорить об однозначном преобладании той или иной политической силы в регионе. Безусловно, сегодня Южный Кавказ – это важный геополитический фактор, входящий в сферу интересов как России, так и США, крупных членов ЕС, Ирана и Турции. Если рассматривать вопрос системно и не вдаваться в исторические детали, то, по сути, мало что изменилось в значении Южно-Кавказского региона по определению внешнеполитического курса мировых держав в вышеперечисленные пять этапов. Южный Кавказ, как и прежде, – это

- во-первых, связующее звено в коридоре Европа–Азия;
- во-вторых, доступ к Черному морю;
- в-третьих, путь выхода в Иран и далее в страны Персидского залива;
- в-четвертых, уникальный транзитный узел, связывающий христианский и мусульманский миры.

Единственное, что изменилось в раскладе сил на Южном Кавказе на рассматриваемом нами шестом этапе, – это появление в регионе нового амбициозного игрока – США. Отметим, что последние, в отличие от России, осуществляют здесь свою экспансию не только путем инвестиций или поставок военной техники, а постепенным экспортом своих ценностей.

Как пишет С.Маркедонов, «...Южный Кавказ имеет важное геополитическое и геоэкономическое значение. Он расположен на границе общеевропейского пространства безопасности. Это – важный транспортный коридор и место обширных неразработанных природных ресурсов. В связи с этим достижение стабильности на юге Кавказа и его инкорпорирование в мировое сообщество и мировую экономику – важная задача для всех участников международного политического процесса. Однако каждый из них (США, Россия, ЕС, Турция, Иран) понимает эту задачу по-разному. Этим и объясняется конкуренция различных проектов по "замирению" Южного Кавказа»¹⁶.

Зона нестабильности

Таким образом, Южный Кавказ следует рассматривать как зону политических интересов крупнейших игроков мировой политики.

При этом сам регион является зоной нестабильности, что по большому счету создает необходимую плат-

¹⁶ См.: Маркедонов С. Южный Кавказ: многоугольник интересов. URL: <http://www.apn.ru/publications/article1406.htm>

форму для интервенции указанных конкурентов в регионе: южно-кавказская военная и политическая нестабильность – своеобразный предлог для реализации различных программ и проектов, направленных на стабилизацию ситуации в регионе, но вместе с тем преследующих цель закрепить в нем свои позиции с дальнейшим удовлетворением геополитических интересов.

Обращаясь непосредственно к российской политике на Южном Кавказе, следует отметить, что сравнительно с предыдущими рассматриваемыми нами пятью этапами постсоветский период ознаменовался явным ослаблением позиций России в регионе. Позиционируя себя как гаранта безопасности на Южном Кавказе, Москва все же не смогла в полной мере обеспечить стабильность и правомерное развитие региона. Ряд спорных вопросов, в том числе территориального характера, возникших в советский период и обострившихся в 90-е годы, так и не нашел своего разрешения. Именно поэтому сегодня такая страна Южного Кавказа, как, например, Грузия, ищет альтернативу российской модели достижения стабильности и развития.

После первого расширения НАТО в 1954 году и вступления Турции в ее состав республики Южно-Кавказского региона стали соседними с государствами этой организации. Согласно своим принципам деятельности, НАТО стремится сотрудничать с соседями и заинтересована в развитии демократии и установлении стабильности политических систем в этих странах. В 2004 году на Стамбульском саммите НАТО было заявлено о готовности перейти от уровня сотрудничества «Партнерство ради мира» на более тесное по индивидуальной программе действий, а также о создании института спецпредставителей на Южном Кавказе. Грузия и Армения в декабре 2005 года, а позже и Азербайджан подписали План действий индивидуального партнерства с НАТО (*Individual Partnership Action Plan – IPAP*), переводящий отношения стран с Североатлантическим альянсом на качественно новый уровень. Уже сегодня Грузия ставит ребром вопрос о вступлении в НАТО и демонстрирует во многом антироссийскую позицию; ряд обязательств в рамках *IPAP* взяла на себя Армения, активизирующая сотрудничество с Североатлантической ассамблеей НАТО, где она является ассоциированным членом¹⁷.

¹⁷ См.: Григорян С. Южный Кавказ и международное сообщество. Место Армении в современном мире // Журнал Польского института международных дел. 2007. Т.7. №3 (24). С.90.

**Оттеснение позиций
Москвы**

Усиливается также роль ЕС в разрешении конфликтов региона, в то время как здесь же все больше сокращается военное присутствие России. Сегодня уже выведены российские войска с территории Грузии, а Милли Меджлис Азербайджана принял закон о национальной безопасности, согласно которому ни одно государство не имеет права на размещение своих военных баз на территории Азербайджана. Что касается Армении, то это единственная республика в регионе, присутствие военных баз России в которой регулируется двусторонними и многосторонними договорами. Среди двусторонних можно отметить договор «О военной базе Российской Федерации в Республике Армения», подписанный сроком на 25 лет (Москва, 1995 г.) и продленный в августе 2010 года до 2046-го. В настоящее время численность российских войск в Армении составляет 3 500 человек. Российские войска также присутствуют в Армении в рамках Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), который, кстати, не был подписан ни Грузией, ни Азербайджаном¹⁸. Более того, подписание в октябре 2014 года в Минске соглашения о присоединении Армении к Евразийскому экономическому союзу, а также официальные заявления руководства РА о готовности вступить в Таможенный союз, безусловно, определили цивилизационный вектор дальнейшего развития республики.

Подписание президентом Армении С.Саргсяном соглашения о присоединении к ЕАЭС

¹⁸ См.: Там же. С.94.

Вместе с тем следует отметить, что как для НАТО, так и для ЕС приоритетным является активное военное сотрудничество со странами Южного Кавказа. Достаточно отметить программу *Cooperative Best Effort*, осуществляемую НАТО с 1996 года и включающую широкомасштабные военные учения с каждой из южнокавказских республик¹⁹.

Отметим, что укрепление позиций на Южном Кавказе можно также рассматривать как своеобразный инструмент осуществления черноморской политики ЕС. Укрепляясь на Южном Кавказе, ЕС тем самым обеспечивает стабильность своих юго-восточных позиций на Черном море. Последнее особенно актуально в связи со все чаще высказываемыми претензиями европейских лидеров на постоянное присутствие ЕС в черноморском регионе. Так, в феврале 2008 года в Киеве на первом Совещании министров иностранных дел стран-участниц Черноморской синергии комиссар Еврокомиссии по внешним связям и европейской политике соседства Б.Ферреро-Валднер заявила: «После того, как год назад Болгария и Румыния присоединились к Евросоюзу, Евросоюз уже больше не внешний игрок в этом регионе. Теперь мы неотъемлемая часть региона»²⁰.

В целом задачей ЕС на Южном Кавказе является оттеснение позиций Москвы, в том числе с целью обеспечения диверсифицированных поставок энергоресурсов на свои рынки, осуществляемых в обход России. В Южно-Кавказском регионе ЕС сделал ставку на те новые независимые государства, политические и военные узы с которыми могут обеспечить производство и (или) поставку энергоносителей на внутренний энергетический рынок ЕС. Ценность Грузии заключается в том, что ЕС уже использует и в дальнейшем планирует еще больше использовать грузинскую территорию для транспортировки энергоносителей в страны ЕС, минуя Россию. Еще большую ценность для ЕС представляет Азербайджан, поскольку

- во-первых, он обладает запасами нефти (около 7 млрд. баррелей);
- во-вторых, через его территорию планируется провести пути доставки природного газа из стран Центральной Азии в ЕС²¹.

¹⁹ См.: Там же. С.96.

²⁰ См.: Паиковская И. *Европейский Союз: энергетическая политика в отношении новых независимых государств* // Аналитические доклады / Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России. 2009. Июнь. Вып.1 (22). С.13.

²¹ См.: Там же. С.24.

Что касается Армении, то она, по мнению ряда экспертов, в силу политической блокады и ограниченности выхода на международные рынки, не представляет большого интереса для Запада. Однако наряду с этим Армении необходимо рассматривать как потенциальное транзитное государство для ряда энергетических проектов. В частности, после подписания двусторонних протоколов об установлении дипломатических отношений между Арменией и Турцией ряд европейских экспертов заговорил о возможности прокладки трубопровода *Nabucco* не через территорию Грузии, как это предполагалось до августовских событий 2008 года, а через Армению. По сей день транзитный потенциал Армении оценивается весьма высоко; очевидно, что разрешение ряда проблем политического характера позволит использовать его в полной мере.

* * *

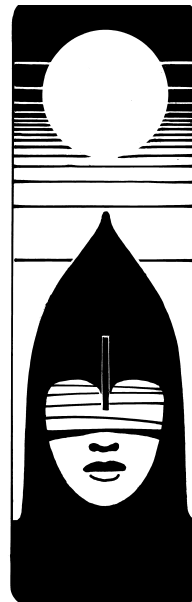
Таким образом, рассматриваемые нами исторические этапы определяют разные уровни влияния России на Южном Кавказе. На всех указанных этапах приоритетным для России было укрепление своих геополитических и геоэкономических позиций в регионе. Как показано выше, на каждом из этапов Россия применяла разные методы и способы, направленные на удовлетворение своих интересов. Сегодня, в условиях стремительной актуализации идеи биполярного мира, укрепление позиций в Южно-Кавказском регионе является для России одним из ключевых направлений внешнеполитической деятельности. Вместе с тем следует отметить, что политика, проводимая Москвой в регионе, как правило, имеет исключительно военно-экономический характер. Укрепляя свои военные базы, а также осуществляя многомиллионные инвестиции в такие стратегически важные отрасли, как энергетика, транспорт, связь и пр., Россия обходит стороной ключевую с геополитической точки зрения сферу гуманитарной политики. Об этом свидетельствует проведенный выше исторический анализ присутствия России на Южном Кавказе. Очевидно, что лишь при сопряжении военной и экономической политики с гуманитарной Россия будет в состоянии окончательно закрепить за собой статус доминанта на Южном Кавказе.

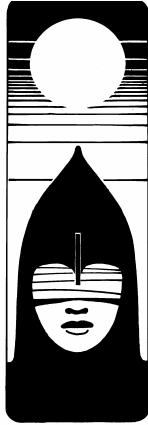
Не быть подчиненным никакому закону – значит быть лишенным самой спасительной защиты, ибо законы должны нас защищать не только от других, но и от себя самих.

Генрих Гейне

В первую очередь нужно добиваться поведения, соответствующего праву, и притом с моральным умонастроением, и только тогда может прийти моральное поведение как таковое, в котором нет никакого правового предписания.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель

Феликс Гутнов

ОБ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ОСЕТИН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ДОКТРИНА

УДК
34(37) осетинское право “19”

Interest in the common law of the Ossetians used to be and is still of current interest. Nowadays adats of the Ossetians as well as of other mountainous peoples exist both as an important historical resource and as a practical guidance. The author of the article bases this conclusion not only on studies of published collections of common law documents but also on his own experience gained during the extensive travels in the mountain regions taken by him to understand the reason for these archaic norms to survive through ages.

Ключевые слова: древняя история Осетии; обычное право осетин; современные историографические тенденции.

Key words: ancient history of Ossetia; common law of the Ossetians; historyography: modern historiographical trends.

E-mail: feliks.gutnov.52@mail.ru

Предварительные замечания Интерес к обычному праву¹ (не только осетин) обусловлен объективными причинами. Как известно, легитимность власти предполагает ее поддержку со стороны населения.

Классическая трактовка легитимации власти восходит к М.Веберу, выделявшему три «чистых» ее типа: *легальный* (рационально-правовой), основанный на законе и связанных с ним порядках; *традиционный*, при котором власть базируется на обычном праве; и *харизматический* (от греч. *charisma* – «милость», «божественный дар»).

В наши дни, подчеркивают юристы, созревание в обществе кризисной ситуации сопровождается качественными изменениями «в существующей государственно-правовой системе», подрывом «основ и устоев всего общественного развития». В свою очередь, эти процессы вызывают снижение авторитета законодательства. «Именно тогда общество обращается к истокам своего правового развития – к обычному праву... возникает объективная необходимость принципиально новой оценки роли обычного права в правовой системе государства²».

У большинства народов Северного Кавказа, не имевших в прошлом письменно фиксированных законов, адаты были единственным видом правил, на которых держались отношения и быт горцев. «Вся их жизнь регулировалась обычаями, передававшимися по устной традиции из поколения в поколение³».

Обычное право чрезвычайно важно при реконструкции общественного строя народов Северного Кавказа. Но таких примеров мало. Напомним слова В.К.Гарданова, сказанные более полувека назад: «Использование материалов по обычному праву кавказских горцев *лимитируется сравнительно небольшим кругом изданных источников* (курсив мой. – Ф.Г.), среди которых главное место занимают сборники адатов,

¹ В настоящей статье мы обращаем внимание главным образом на историю публикации и анализа памятников обычного права осетин. Краткий обзор литературы по проблеме дан в недавних работах (Гутнов Ф.Х. *Адаты осетин: Историографические заметки // Изв. Северо-Осетинского ин-та гуманитарных и социальных исследований им. В.И.Абаева* (далее – СОИГСИ). 2013. Вып.10; Его же. *Обычное право осетин. Ч.1. Владикавказ, 2012*).

² Кетов Ю.М. *Обычное право и суд в Кабарде во второй половине XVIII – XIX веке. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов-на-Дону, 1998.*

³ Гарданов В.К. *Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX вв. // Советская этнография. 1960. №5. С.14.*

составленные в 40–60-х гг. XIX в. по заданию русской администрации на Кавказе»⁴. Самым важным источником по обычному праву горцев Северного Кавказа был и, в известных пределах, остается сборник Ф.И.Леонтовича⁵. Публикация включила списки адатов практически всех горских социумов региона, собранные преимущественно в 1840-е – 1860-е годы по специальной программе.

Необходимо четко выяснить, какие списки адатов осетин уже найдены и опубликованы, насколько они надежны⁶. Это тем более необходимо сделать, что известные списки обычного права содержат противоречивые, а нередко и просто ошибочные нормы.

За рамками различных программ записей обычного права оказались важные вопросы о роли доклассовых институтов в жизни горских обществ, об аренде земли и скота по обычному праву и т.д. Записи адатов не только неполны, не нередко и неточны. Как и любой другой источник, они требуют критического подхода, т.к. *записи* норм обычного права являются не полным, а в определенной мере субъективным отражением исторической действительности. Нормы обычного права фиксировались по показаниям горцев различных сословий. Лица, собиравшие материалы, свидетельствуют: горцы относились к этому мероприятию «подозрительно и недоверчиво». Субъективность рассматриваемого источника возростала при редактировании составителями сборника⁷.

Составление отдельных списков затрудняет то обстоятельство, что «осетинское обычное право по местностям весьма различно и во многих отношениях оно совсем еще не определено. Почти каждый аул имеет свои особенные юридические обычаи, но между ними есть много об-

⁴ В.К.Гарданов – историк и этнограф / Сост. А.И.Мусукаев. Нальчик, 2004. С.180.

⁵ Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. I (далее – Леонтович I); 1883. Вып. II.

⁶ Такая работа уже проводится (См., например: Законы вольных обществ Дагестана XVII–XIX вв.: Архивные материалы / Сост., предисл., примеч. Х.-М.Хашаев. 2-е изд. Махачкала, 2007; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Нальчик, 2002–2003. Вып. I–II; Описание гражданского быта чеченцев, с объяснением адатного их права и нового управления, введенного Шамилем. 1843 // Адат. Кавказский культурный круг. Традиции и современность. М.; Тбилиси, 2003. С.154–178).

⁷ Леонтович I. С.60–61.

щих»⁸. В пределах одного населенного пункта нормы адатов, относившихся к одному вопросу, различались⁹.

В связи с этим становится понятной *необходимость выявления и публикации как целых списков, так и отдельных норм обычного права осетин.*

В дореволюционном и советском кавказоведении¹⁰ многие исследователи в адатах видели важный источник реконструкции общественного строя средневековых народов Северного Кавказа. Основанием для такого подхода к обычному праву являлись его чрезвычайно медленные перемены и отсутствие на адаты серьезного влияния со стороны¹¹. На-

⁸ Пфаф В.Б. *Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе (далее – ССК). 1871. Вып. I. С. 188.*

⁹ *Причем это касалось не только горцев. «Там, где в двух небольших обществах, расположенных по соседству и имеющих аналогичное устройство, системы обычаев первоначально складывались в чертах примерно сходных, в дальнейшем они, поскольку не были письменно закреплены, неизбежно все более отдалялись одна от другой. Глядя на подобную раздробленность, кто из историков не согласится с наблюдением анонимного автора "Трактата об английских законах", написанного при дворе Генриха II: "Изложить письменно во всей полноте законы и права этого королевства в наши дни невозможно... столь они многочисленны"» (Блок М. Апология истории или Ремесло истории. 2-е изд. М., 1986. С. 173).*

¹⁰ В.К.Гарданов – историк и этнограф; Гарданов В.К. *Обычное право...*; Ковалевский М.М. *Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. I–II; Его же. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении. М., 1886. Т. I–II; Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). 1870–1871. Вып. IV–V; Его же. Народное право осетин // ССК. 1871–1872. Вып. I–II.*

¹¹ *Проблема влияния шариата на обычное право в горских обществах поднималась неоднократно (Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т. I. С. 232–234; Петров Л. Обычное право и закон на Кавказе // Кавказский вестник. 1901. № 1. С. 27–52). В советской историографии считалось, что до 1830-х гг. адаты были мало затронуты нормами мусульманского права (Гарданов В.К. Обычное право... С. 20). Хотя еще в дореволюционный период преобладание шариата над адатом в общественной жизни горцев относили к 1807 году (Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1957. С. 148. – Впервые работа опубликована в 1861 г.). Это связывалось с демографической катастрофой начала XIX века, в свою очередь, вызванной страшной эпидемией чумы 1804–1807 годов. С этой поры суду по шариату «подлежали не только гражданские, но и уголовные дела...» (Маргушева А.М. Адат и шариат в правовой повседневности Кабарды и Балкарии в*

родное право «образовывалось очень медленно и также медленно эволюционировало в зависимости от материальных условий жизни народа. Долгий и тяжелый жизненный опыт заставлял народ дорожить своими достижениями в области народного права и порождал живучесть и консервативность обычаев»¹².

Практика показала: восстанавливая прошлое, невозможно обойтись без «интерпретации различных сторон жизни и тщательной реконструкции действительности»; причем речь идет «о создании некоего микрокосма в терминах норм и категорий (курсив мой. – Ф.Г.) изучаемого общества...»¹³. Преобразования «научной парадигмы и отход от господствующего в правовом пространстве России нормативного понимания права обуславливают необходимость разработки новых подходов к его толкованию». Однако решение данной задачи серьезно затрудняет *беспрецедентная запутанность* «в отечественном обществоведении всего теоретико-методологического инструментария и категориального аппарата»¹⁴. С.О.Шмидт писал по этому поводу: «Большинство источниковедческих категорий, понятий и терминов, общепринятых и наиболее употребительных в современной исторической литературе, мы встречаем в обобщающего типа трудах более чем полустолетней давности». Разумеется, многое в них не соответствует современным представлениям о самих категориях познания и их взаимозависимости. «Естественно, что формирующимся новым представлениям становится тесно в рамках прежней терминологии. Пересмотр терминов... – потребность всякой развивающейся науки и едва ли не наиболее заметный внешний показатель этого развития»¹⁵.

первой половине XIX века // Изв. СОИГСИ. Вып.7. С.68).

¹² Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т.1. С.11.

¹³ Ким С.Г. «Этнологическое измерение прошлого». Из опыта исторической антропологии ФРГ // Этнографическое обозрение. 2003. №4. С.140.

¹⁴ Кетов Ю.М. Указ. соч. С.3–4, 10.

¹⁵ Шмидт С.О. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С.24.

Основные используемые термины

*Обычай*¹⁶, как считают праведы, «есть социальная форма, посредством которой устраиваются и действуют общественные нормативно-регулятивные системы, обеспечи-

вающие порядок, контроль общественного поведения в таких сферах, как быт, хозяйство, обмен и торговля, социальные отношения, религиозная жизнь и т.д.»¹⁷. Причем, отмечают юристы, обычаю «следовали не потому, что сила традиции подавляла человека. Ему подчинялись потому, что он был внутренне вплетен в огромную живую сеть взаимоотношений, устроенную дотошным и организованным образом»¹⁸. В осетиноведении под *обычаем* понимается социальная норма, традиционное «правило стереотипного поведения индивида или всего *этноса* в конкретной жизненной ситуации». Соблюдение обычаев обеспечивалось внутренним убеждением конкретного человека и в еще большей мере – принуждением всего общества¹⁹. Значение рассматриваемого термина четко передается в осетинском *agdaw* «обычай», «адат», «норма поведения»²⁰.

¹⁶ Вопросы социально-экономической истории могут плодотворно изучаться при помощи анализа терминологии источников. Хорошие результаты дает анализ социально-политических понятий местного происхождения. По авторитетному мнению В.И.Абаева, «язык представляет (собой) первостепенный исторический источник... Каждое слово-понятие, если удастся раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ» (Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949. I. С.9). В целом, анализ терминологии источников – один из главных методов исследования социальных связей (Новосельцев А.П. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения // История СССР. 1985. №6. С.99).

¹⁷ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999. С.8.

¹⁸ Свечникова Л.Г. Понятие обычая в современной науке: подходы, традиции, проблемы (на материалах юридической и этнологических наук) // Государство и право. 1998. №9. С.98–99.

¹⁹ Дзадзиев А.Б., Дзуцев Х.В., Караев С.М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. С.22–23.

²⁰ Возможно, восходит к *haxta*-; ср. *ав.* *haxta* «правильный», «надлежащий», «законсообразный», *anahaxta* (= ос. *anagdaw*) «незаконный», «лишенный авторитета», *согд.* *aydaw* «судья». «Значение обычая, *agdaw*, в старом осетинском быту колоссально. Другой термин для обычая, *fadg* / *fadga* имеет более ограниченную сферу применения, но по происхождению, вероятно, так же древен». В Историко-этимологическом словаре осетинского

Право. В советской науке *право* с теми или иными вариациями определялось как совокупность (система) социальных норм, установленных или санкционированных государством²¹. В осетинском языке термин *tarxon / tarxon* имеет несколько значений, в том числе «судебное решение», «суд» (процесс). Производные от него понятия связаны с юридическими функциями. Таковы *tarxony lag* «судья», *tarxondon* «суд» (учреждение)²².

Обычное право. В научных сообществах трактовка данного понятия была и остается различной. Так, некоторые советские ученые под *обычным правом* понимали совокупность «юридических обычаев, догосударственных норм», санкционированных властью и составивших древнейший слой права²³. Ю.И.Семенов полагает, что обычное право, возникшее на стадии доклассового общества, первоначально регулировало межродовые и межобщинные связи. На этапе формирования государственного аппарата и появления постоянных судебных органов начинается становление собственно права²⁴. Среди юристов доминирует версия, согласно которой обычное право возникло «раньше государства», спо-

языка *fadg, fadk / fadga* переводится как «обычай», «потомство». В дигорском употреблялся также в значениях «дань», «подать». Восходит к *fad* «след». По Абаеву, идеосемантика «след» – «обычай» не требует особых пояснений. Слово *fadg, fadk* имеет яркое соответствие в *согд.* *padg* «обычай», «долг», «закон» (Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.; Л., 1958. Т.1. С.122; Его же. Осетинский язык и фольклор. I. С.428–429).

²¹ Першиц А.И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С.210–212.

²² Ср. с *paŋ-tark* «допрашивать на суде». «Сюда же **ст.слав.** *тъкъ* "толкователь", "переводчик", **русск.** *толк, толковать*, (устар.) *полковник, "переводчик"*... Значения "судья" и "переводчик" представляются одинаково древними. Следующим семантическим звеном является значение "толкователь", "интерпретатор": толкователь обычного права или закона > "судья", толкователь чужой речи или текста > "переводчик". Как особо ценные люди, эти "интеллектуалы" получали от правителей разные привилегии и, прежде всего, освобождались от налогов и повинностей. В результате **скиф.** *tarxap* "судья", "переводчик" продвинулось в своей семантике в сторону более общего значения... вообще "привилегированное лицо", "господин" и т.п.» (Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т.III. С.275–277).

²³ Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999. С.4-5.

²⁴ Семенов Ю.И. Формы общественной воли в доклассовом обществе: табуитет, мораль и обычное право // Этнографическое обозрение. 1997. №4. С.11–12.

собствуя (а иногда противодействуя) его образованию. На протяжении длительного периода оно не просто сосуществовало с публичной властью и судами, но и работало вместе с ними, служило им. Иногда под обычным правом понимают «своеобразную переходную форму от обычая к закону». Согласно мнению отдельных юристов, реконструкция процесса преобразования обычая показывает, что «в догосударственном обществе действует обычай, который... лишь с появлением государства, получая санкцию последнего... становится обычным правом, а за правовым обычаем идет уже закон»²⁵. В наши дни «официально обычное право определяется как система норм (правил поведения), которая основывается на обычае, существующем в данном государстве, в определенной местности, в конкретной этнической и социальной группе»²⁶.

**Адаты в русской науке
конца XVIII – первой половины
XIX века**

Автора данной статьи обычное право осетин интересует как источник по социальной структуре, системе отношений между сословиями, формам землевладения. С учетом этого мы и

рассмотрим историографию проблемы²⁷.

Ранние сведения по обычному праву народов Северного Кавказа представлены в путевых заметках и дневниках путешественников, отчетах экспедиций Императорской академии наук и художеств. На заседании 22 октября 1767 г. было принято решение об организации экспедиций, две из которых (так называемые «Астраханские») возглавили И.А.Гюльденштедт и С.Г.Гмелин. Члены обеих экспедиций получили планы и подробные инструкции, представлявшие собой «грандиозную программу комплексного исследования» среды обитания, природных

²⁵ Мальцев Г.В. Указ. соч. С.49–50.

²⁶ Куадже Р. К вопросу об обычае и обычном праве // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов-на-Дону, 1999. С.294.

²⁷ Проблема судопроизводства в традиционном осетинском обществе довольно полно описана и изучена в дореволюционном, советском и российском кавказоведении (Бабиц И.Л. Правовой монизм в Северной Осетии: история и современность. М., 2000; Кобихидзе Е.И. «Не единою силою оружия...». Владикавказ, 2010; Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон; Лиавхели Г. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. 1886. №292. Мансуров Н.С. Обычный суд у осетин // Каспий. 1894. №48; Маргиев В.И. История государства и права Осетии. Майкоп, 1997; Пфаф В.Б. Народное право осетин; и др.). Поэтому мы не будем останавливаться на этих вопросах.

ресурсов, различных отраслей хозяйства. Помимо этого, фиксировались данные о состоянии образования, медицины, этнографических особенностях горцев²⁸.

Гюльденштедт в 1770–1773 годах собрал интересный материал, судя по которому одни группы осетин являются «подданными отдельных деспотов», другие, наоборот, «не имеют никакой государственной власти, кроме выбранных ими самими старейшин; они не знают ни законов (курсив мой. – Ф.Г.), ни послушания». Ученый познакомился с осетинским населением Гудского и Трусовского ущелий; в Тырсыгоме академик насчитал 400 дворов, и все осетинские. Противоречивую оценку академик дал социальной структуре осетинских обществ: у них «имеются князья и дворянство, которые, однако, не были ни богатыми, ни могущественными». С другой стороны, безопасность членов группы Гюльденштедта на одном из участков маршрута экспедиции обеспечивал осетинский князь Ахмет «с сотней вооруженных осетин»²⁹.

Из других участников академических путешествий материалы об осетинах собрал П.Паллас, «один из крупнейших ученых-энциклопедистов XVIII в.». Участник двух экспедиций на Кавказ, сам Паллас вторую поездку (1793 г., Поволжье, Северный Кавказ и Приазовье) рассматривал как продолжение «академических экспедиций 1768–1774 гг.»³⁰. Часть обработанного материала вышла в свет в конце XVIII века³¹. Вслед за Гюльденштедтом Паллас обратил внимание на индоевропейское происхождение осетинского языка; из обществ особенно выделил социумы западных осетин. Среди них «одни являются вассалами баделят дворянского племени, живущего в горах, а другие независимы». Жители Донифарса, так же как и население соседних селений, расположенных на левом берегу Уруха, живут «пореспубликански и в очень плохих отношениях с другими дигорцами».

Интересные сведения об осетинах позднего средневековья собрал Л.Штедер. Характеризуя социальные отношения в Осетии, он отметил «влияние кабардинцев». Автор заметил, что, используя помощь соседних князей, баделята усилили свое господство над дигорскими крестья-

²⁸ Цибиров Г.И. *Осетия в русской науке (XVIII – первая половина XIX в.)*. Орджоникидзе, 1981. С.15.

²⁹ *Осетины глазами русских и иностранных путешественников / Сост. Б.А.Калоев*. Орджоникидзе, 1967. С.73, 75, 85.

³⁰ Цибиров Г.И. *Указ. соч.* С.22.

³¹ Pallas P.-S. *Bemerkungen auf einer Reise in den sudlichen staathalterschaften der Russischen Reichs in den Jaren 1793 und 1794*. Leipzig, 1797. Bd.I.

нами. Об элементах обычного права осетин он писал: «Кровная месть и самовольные действия были обязательны среди семей... Если обстоятельства привлекали к мщению многих, то старшины стремились вмешаться путем уговоров или проявления власти». Среди факторов, усмирявших кровников, Штедер назвал и «обычай»³². Я.Рейнегтс буквально повторил то же самое: «Кровная месть является у этого народа вредным *обычаем*» (курсив мой. – Ф.Г.)³³.

В 1807–1808 годах в Осетии во главе экспедиции побывал Ю.Клапрот. К его поездке на Кавказ³⁴ в Академии готовились тщательно. Клапрота не ограничивали ни в деньгах, ни во времени. «Поскольку предмет его состоит в точнейшем познании Кавказа, то он должен употребить столько времени на свое путешествие, сколько для достижения сего нужно»³⁵. Характеризуя общественные отношения осетин, Клапрот обратил внимание на социальную градацию, прослеживаемую даже на примере жилища и бытовых условий. «Каждый старшина, – отмечал ученый, – имеет один опрятный дом, другой – предназначенный для гостей и третий дом для хранения необходимых в хозяйстве вещей и приготовления пищи... Подушки и матрацы... у богатых покрыты голубовато-полосатым полотном. Их одеяла покрыты персидским ситцем и сделаны из шерсти или хлопка». Простые люди, напротив, «живут очень бедно...»³⁶. Клапрот собрал много ценных сведений о быте осетин, *обычном праве* и генеалогических преданиях.

* * *

В первой половине XIX века в самой России наблюдался растущий интерес к праву, законам и законности. В советской историографии это объяснялось тем, что абсолютизм видел в них одно из важнейших средств укрепления существующего строя.

³² Steder. *Tagebuch einer Reise, die in Jahre 1781 von den Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden.* Leipzig, 1797. S.54–55, 58. – Леонтий фон Штедер.

³³ Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С.93–94. – Основной труд Якоба Рейнеггса касается историко-топографического описания Кавказа (Reineggs J. *Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus.* Gota; St.Pb., 1796. Th.I).

³⁴ Результатом стал солидный двухтомник (Klaproth J. *Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jaren 1807 und 1808.* Halle; Berlin, 1812–1814. Bd.1–2).

³⁵ Цибилов Г.И. Указ. соч. С.58.

³⁶ Осетины глазами русских и иностранных путешественников. С.170.

Крупный вклад в кавказоведение внес С.М.Броневский, который хотел «доставить Европе основательные сведения о политическом и гражданском состоянии» кавказских народов»³⁷. Основательный двухтомный труд (завершен в 1812 г., издан позже) содержит глубокую характеристику истории и этнографии горских народов. Автор, в частности, отметил: «Три главных вида правления, монархическое, аристократическое и демократическое, известны также на Кавказе, но смешение оных чрезмерно, наипаче двух первых видов». При этом Броневский утверждал: «...абхазы, осетины, кисты, ингуши, чеченцы... управляются князьями и старшинами наследственно и частью старшинами по выбору». Эту форму правления он назвал «аристократической», уточнив далее: правление, «монархическое или аристократическое, еще правильнее можно назвать *феодальным*». Насколько известно, в данном случае мы имеем дело с первой в кавказоведении оценкой общественного строя горцев как «феодального»³⁸. Броневский привел подборку норм обычного права горцев, собранных в небольшой рубрике «Коренные обычаи, или постановления, которые можно почитать за неписанные законы». Автор сопоставил адаты и нормы древнерусского права: «На Кавказе дух законов тот же, что и в Русской Правде». Работа Броневского получила широкую известность и имела в личных библиотеках многих известных людей той эпохи, в частности – А.С.Пушкина.

Рукопись (на французском языке) о горских народах юга России завершил в 1834 году И.Бларамберг. Проблему обычного права горских народов он рассмотрел, главным образом, на примере черкесов. У них не было «письменных законов, за исключением Корана... Но приговор кадия не является для черкеса окончательным в той же мере, что и для турка... Законы, пользующиеся куда большим уважением у черкесов, – это их древние законы обычного права». Небольшую подборку норм адата наш автор привел в параграфе «Законы» раздела «Кабардинцы»³⁹.

По оценке М.Косвена, «выдающееся место в истории этнографии Кавказа» занимает Гр.Гордеев⁴⁰. «Наибольшее значение имеют две его

³⁷ Цибиров Г.И. Указ. соч. С.69.

³⁸ Броневский С.М. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*. М., 1823. Т.1. С.38, 178–182.

³⁹ Бларамберг И. *Историческое, топографическое, статистическое и военное описание Кавказа*. М., 2005. С.9–10. С.173–177.

⁴⁰ «Работы Гр.Гордеева по осетинам дают ему по праву место одного из самых ранних осетиноведов. Особое значение имеет его запись адата». Он вместе с А.Яновским за-

работы⁴¹, посвященные осетинам». Интерес к ним обусловлен, помимо прочего, наличием пространной записи норм обычного права об «убийстве, мести, примирении, выкупе, праве убежища, краже, прелюбодеянии, клевете, ...классовых и сословных делениях, феодальной власти, ее прав и злоупотреблений, податей и поборов»⁴². Вся жизнь осетин регулировалась «древними коренными обычкновениями, которые всегда почитали священными и в виде законов передавали из рода в род»⁴³.

В числе первых подборку (правда, небольшую) адатов осетин собрал А. Яновский, составивший «весьма обстоятельное "описание юридических обычаев осетин"⁴⁴... Описание это составлено по сведениям, собранным на месте...». Составитель «специально изучал быт осетин и, между прочим, собрал тщательные сведения о главнейших их адатах»⁴⁵. Сведения об осетинских обычаях изложены в 29 статьях и касаются права уголовного (в особенности о кровомщении) и процесса (о присяге); есть также довольно подробные данные о семейных отношениях (о левирате, купле жен, многоженстве и пр.) и наследовании имущества»⁴⁶.

Что касается значимости адатов в быту осетин, то они «крепко и постоянно держатся своих обычаев, ибо у них они заменяют законы. Главные постановления относятся ко мщению за убийство...». Уголовные дела, в первую очередь примирение кровников, решали медиаторы («тархонлаги»). Они, отмечал Яновский, «составляют совет и определяют меру возмездия...». Плата за «кровь» была дифференцированной, в первую очередь учитывалась сословная принадлежность потерпевше-

служенно относится к группе первых сборщиков адатов осетин (Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. 1955. Вып. I (далее – Косвен I). С.311).

⁴¹ См.: Гордеев Гр. Вероисповедания, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Тифлиссские ведомости. 1830. №28–29; Его же. Письма из Осетии. 1830 г. // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах / Сост., примеч. и комм. Л.А. Чибирова. Цхинвали, 1981. I. С.4–22.

⁴² Косвен I. С.310.

⁴³ Гордеев Гр. Письма из Осетии... С.40.

⁴⁴ Обзорение российских владений за Кавказом... Ч.2. С.192–200.

⁴⁵ В комментариях Леонтович отметил: «Ввиду библиографической редкости издания 1836 года и ради полноты нашего сборника, мы нашли не бесполезным поместить в нем описание осет. обычаев г. Яновского» (Леонтович I. С.51, прим.2).

⁴⁶ Леонтович I. С.51–52.

го. Например, за раны, «смотря по *важности*» раненых, взыскивали от 1 барана до 54 коров⁴⁷.

В целом, названный труд Яновского заслужил лестные отзывы рецензентов как «*хороший*, первый в литературе общий очерк страны», содержащий, напомним, «запись адата осетин из области сословных отношений, уголовного права и судопроизводства, наследования и семейных отношений»⁴⁸.

Несомненная «заслуга возбуждения вопроса о необходимости ближайшего изучения обычного права горцев и составления из собранных сведений особых сборников принадлежит местному управлению мирными горцами Северного Кавказа». Подполковник Д.С.Бибиков, заведующий «канцеляриею по управлению мирными горцами Кавказа», изложил «подробно мотивы и самые основания работ по собиранию сведений о кавказских адатах. Основания эти состояли в собирании сведений об адатах, главным образом горцев Северного Кавказа (черкес, осетин, чеченцев и кумыков) и затем в составлении общего свода адатов, который бы... мог служить руководством по внутреннему управлению горцами». Начальникам отдельных областей Северного Кавказа «предписано было избрать для этого способных лиц из числа местных судей и штабных офицеров, которые бы посредством личных расспросов горских старшин и стариков, наиболее знакомых с туземными обычаями, могли с успехом исполнить предложенную работу»⁴⁹. Для сбора и изучения адатов была разработана программа, поднимавшая «главнейшие вопросы о сословных отношениях, о суде и делах, разрешаемых по адату, затем – о наследовании по обычаю и завещанию, об отношениях семейных (родителей к детям, мужа к жене) и, наконец, о преступлениях и наказаниях»⁵⁰.

⁴⁷ Яновский А. *Осетия // Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях / Под ред. В.Легкобытова. СПб., 1836. Ч.2. С.192–194.*

⁴⁸ Там же. С.308.

⁴⁹ Центральный государственный исторический архив. Ф.1268. Оп.2. Д.194. Л.1 об.–2.

⁵⁰ Леонтович И. С.52–53. – Сразу стало понятно, что «изложенная программа далеко не отличается полнотой... ...в программу не были введены такие вопросы, как о родовом и общинном устройстве и управлении горцев – о их родах и обществах, внешних отношениях между ними и внутреннем их наряде – об организации народных собраний, о родовых и сельских старшинах, об устройстве аулов и семейных общин... Нет также множества вопросов по вещному и обязательственному праву...» (Там же. С.53).

Близкое знакомство с адатами продемонстрировал Н.Данилевский⁵¹. «Касательно образа правления у горцев можно сказать, что между ними вообще нет положительного управления; но *анархия*, укрощенная обычаями и страхом кровомщения. – Народные сословия у горцев разделяются на 1) *князей*, коих власть состояла в том, чтобы объявлять войну, заключать мир, и производить другие, тому подобные, общие постановления; 2) *духовных*, уволенных от всяких податей и повинностей, по Магметанскому закону; таковы: *муллы*, отправляющие духовные обряды и заведующие судопроизводством; *кадии*, ежегодно из муллов избираемые судьи; *имамы*, занимающиеся службою при мечетях; 3) *дворян* или *узденей*, разделяющихся на три степени между собою: первые, как великие вассалы, подвластные только князьям на условиях в виде первостепенных помещиков; вторые – на тех же правах с уменьшением власти, как второстепенное дворянство; третьи, по бедности своей, бывают подчинены старшим *узденям*, как в Польше мелкая шляхта, и называются *уздень узденя*; 4) *крестьян* как хлебопашцев, привязанных к родной земле, но от жестоких угнетений доведенных почти до рабского состояния. Они по большей части принадлежат *узденям*; а часть их непосредственно подвластна князьям; 5) *невольников* или *ясырей*, совершенных рабов, составляющих собственность князей и помещиков; их или покупают, или захватывают на войне. Сверх сих пяти классов народного сословия, князья и уздени имеют усадьбы, населенные *отпущенниками*, которые занимаются сельскими работами и платят подати князю или помещику своему; *пришельцами*, *ближними* и *дворовыми людьми* под названием *бегаулов*, которые отправляют дворскую службу в виде холопей»⁵².

Ученый писал далее: «Прежде воля князя составляла для черкесов, кабардинцев и других горских племен закон; но с умножением князей и воля их стала разделяться. Оттого постепенно образовались *народные собрания для советов* об общественных нуждах, куда со временем начали приглашать узденей; случающиеся же между народом неудовольствия понуждают в важных случаях призывать и народных *старшин*, коих шумные собрания распускаются большею частию без всякого поло-

⁵¹ В советской историографии данный труд получил (не во всем заслуженно, на наш взгляд) крайне негативную оценку: «компилятивная книжка», вышедшая «в 40-х годах» (первое издание – в 1846 г., второе, «без перемен» – в 1851), «содержит много ошибок и нелепостей, вызвавших протесты уже в современной печати» (Косвен I. С.338).

⁵² Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении, с объяснением истории, религии, языка, облика и т.д. 2-е изд. М., 1851. С.187–190.

жения и нужных мер». Кратко характеризуя сословную структуру горских народов, Данилевский отмечал: «Осетинцы управляются своими князьями и старшинами, наследственно или по выбору народному»⁵³.

Небольшая подборка норм обычного права приведена в рубрике «Коренные обычаи или неписанные законы горцев»⁵⁴.

Адаты осетин в русской науке второй половины XIX века Н.Г.Берzenов (наряду с С.Жускаевым) – один из первых осетинских краеведов, занимавшихся изучением истории и этнографии своих соплеменников⁵⁵.

Рассматривая социальные отношения западных осетин, Берzenов подчеркнул: «Политическое устройство Дигории несколько сходно с феодальным: князья или дворяне-возданы, известные во всем ущелье под названием баделяты, крестьяне и рабы (кавдасарды) составляют весьма различные классы»⁵⁶. Особое место в научном наследии краеведа занимало обычное право. «У осетин, – отмечал он, – обычаи заменяют законы. Осетин, нарушив общечеловеческие права, убив ближнего, никогда не нарушит обычая, утвержденного давностью, и, осужденный приговором общества, без сопротивления склонится перед карающим обычаем, без ропота понесет наказание»⁵⁷.

Берzenов активно помогал С.Жускаеву – «первому осетину, выступившему в печати с этнографическими статьями». Обращают на себя внимание две его статьи⁵⁸, из которых особо выделим посвященную обычаю *зиу* – осетинскому празднику, отмечаемому «перед начатием сенокоса и жатвы». Суть обычая состояла в том, что «осетины, зажиточные и имеющие много работ, приглашали к себе без оплаты женщин на жатву, а мужчин на сенокос... они стараются превзойти друг друга в работе... хозяин... радуется, потому что в один день может покончить всю работу при помощи безвозмездных работников»⁵⁹. Раскрытие эволюции

⁵³ Там же. С.190–191.

⁵⁴ Там же. С.201–208.

⁵⁵ Берzenов Н. Из записок об Осетии // Кавказ. 1852. №67–68; 1853. №15; Его же. Очерки Осетии // Кавказ. 1850. №15, 47, 48, 93, 95.

⁵⁶ Берzenов Н. Из записок об Осетии // Кавказ. 1852.

⁵⁷ Берzenов Н. Очерки Осетии // Кавказ. 1850.

⁵⁸ Жускаев С.В. Атиак // Закавказский вестник. 1855. №32; Его же. Похороны у осетин-олладжирцев // Там же. №9.

⁵⁹ Жускаев С.В. Атиак.

архаических в своей основе традиционных институтов взаимопомощи до завуалированной формы эксплуатации – «серьезное достоинство этнографических работ Жускаева»⁶⁰.

В историографии нашей темы рассматриваемого периода бесспорно важен очерк К.Красницкого⁶¹, основанный на документальных сведениях. По сути, данная работа являет собой хотя и далеко не бесспорный, но интересный опыт подборки норм обычного права по социально-экономическим отношениям у осетин. Очерк состоит из 9 разделов. Во «введении» автор пишет, что осетины жили в восьми обществах, которые, в свою очередь, состояли еще из семи. По правовому статусу все население делилось на четыре «разряда»:

- 1) «дигорские баделята», «стырдигорские царгасата» и «тагаурские алдары»;
- 2) «старшины алагирские и куртатинские, нарские, мамисонские, закинские, зрукские, и донифарские гагуата»;
- 3) «дигорские весдоны, кумиаки и хехесы, тагаурские кавдасарды и фарсалаги, и все свободные люди куртатинского, цимитинского, лесгорского, донифарского, алагирского, нарского, мамисонского, закинского и зрукского обществ»;
- 4) «крепостные люди или холопы всех вообще осетинских обществ».

Среди прав, отражавших положение того или иного лица, отметим: «§58. Права состояния 1-го разряда в Осетии приобретаются: 1-е) родом и 2-е) браком. §59. Осетин 1-го разряда сообщает свое состояние всем законным его детям и потомкам обою пола. §60. Осетин 1-го разряда пользуется всеми правами и преимуществами своего звания... §83. Каждый осетин, в 3-м разряде состоящий, имеет право приобретать в собственность и отчуждать всеми законными способами: 1) ненаселенные земли; 2) дома в городах и селениях... §86. Именная жена, осетинка, после смерти заплатившего за нее калым, оставшаяся бездетною, не остается в доме наследников на всю жизнь за служанку, как было по обычаю до сих пор, но получает по выделе доли наследства полную свободу и право переселиться из дома наследников умершего куда пожелает... §100. Все лица крепостного состояния обязаны состоять в повиновении их владельцам, исполняют в точности обязанности, законами и обычаями на них возложенные. §101. Владелец может налагать на крепостных своих людей всякие работы и требовать исправления

⁶⁰ Цибиров Г.И. Указ. соч. С.100–101.

⁶¹ Красницкий К. Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его // Периодическая печать... 1. С.641.

личных повинностей... §106. Осетин крепостного состояния, без согласия своего господина, не может переходить к другому владельцу, или поступать в другое состояние, или переселяться на другие земли... §119. Крепостные люди, с письменного дозволения владельца, засвидетельствованного в участковом суде, могут покупать и другими законными способами приобретать в собственность земли, дома и всякого рода недвижимые имущества, учреждать фабрики и заводы. В этом случае, а также при приобретении лавок и домов в городах, они соблюдают общие по этому предмету правила. Дома и заведения, построенные крепостными людьми на землях владельца, принадлежат этому последнему... §121. Крепостные люди имеют право вносить владельцу за себя выкуп...

§132. В Осетинском округе поземельное владение по родам надела существует: а) владение личное: 1) по наследству; 2) по приобретению куплей или другими законными способами; 3) по пожалованию правительства... б) владение: во-первых, общинное, издавна существующее; во-вторых, по отмежеванию от правительства... §133. Каждый осетин, без различия состояний, может владеть поземельною собственностью, доставшейся ему по наследству, приобретать ее и отчуждать всеми законными способами... §136. Осетины имеют право продавать, отдавать в залог и вообще отчуждать всеми законными способами только те земли, которые составляют их личную собственность, доставшуюся им по наследству, купле, пожалованию или другим каким законным способом... §156. При переходе поселенца, по окончании договорного срока, с земли владельца в другое место, он может взять с собой свой скот, собственные земледельческие орудия и все свое движимое имущество; но дома, на земле владельческой построенные, если о том не было постановлено особого условия, остаются за владельцами... §166. Земли, состоящие в общинном ведении, принадлежат ли они аулам или фамилиям, издавна или же отведены от казны, считаются общественным имуществом и во всех делах тяжёбных защищаются правом имуществ казенных; владение этими землями предоставляется аульным обществам или фамилиям...»⁶².

В газетном варианте Красницкий⁶³ на примере западных осетин показал формы влияния знати на рядовое население, но подчеркнул, что высшие сословия «не имели права суда и расправы в народном самоуправлении». Свои дела народ решал сам, «и голосу баделят не давалось никакого предпочтения». Развивая эту мысль, автор утверждал, что

⁶² Красницкий К. Проект решения сословного и поземельного вопроса... Л.1–30 об.

⁶³ Кавказ. 1865. №29–33; Периодическая печать...1. С.160–178.

все вопросы рассматривались «на общественных сходках, где брали первенство, как и всегда, не столько умные, сколько влиятельные люди, имевшие на своей стороне право сильного». Архивные документы, писал Красницкий, с 1807 года однозначно свидетельствуют, что никто из баделят или алдар никогда не правил «дигорским или тагаурским обществом на правах владетеля»⁶⁴. Это несколько неожиданное утверждение автора очерка озадачивает категоричностью и не стыкуется даже с приведенными в очерке сведениями.

Определенный интерес представляет двухтомник А.Л.Зиссермана, особенно материалы обычного права осетин о кооперации труда в скотоводстве. Зиссерман, совершивший поездки по Осетии в 1855 и 1856 гг., отметил несколько видов *австау* («заем»), названных им «процентными оборотами». По одному из них богатый скотовод отдавал часть своих овец или коров «взаймы»; по прошествии определенного времени, от 3 до 6 лет, возвращал их с придачей половины всего приплода⁶⁵.

По другому варианту, овцы отдавались на срок от трех до пяти лет. Более распространенным был третий вид аренды, при котором по истечении срока заимодавец брал из стада столько овец, сколько давал, а приплод делился поровну. При аренде скота на 3 года арендатор получал треть, а собственник – две трети стада. В любом случае заимодавец оказывался в выигрыше, а крестьянин редко получал вознаграждение, т.к. ему надо было еще заплатить за пользование пастбищем и сенокосами. У народов Северного Кавказа отмечены различные вариации этого института, но суть его одна и та же. Этот институт – своеобразная барщина в хозяйстве со значительной ролью скотоводства.

На рубеже 1860-х – 1870-х годов на Кавказе появились новые периодические издания, на страницах которых публиковался В.Б.Пфаф. Его исследования – первая попытка систематизированного написания истории осетин с древнейших времен до Крестьянской реформы. Следует признать, что порой Пфаф неоправданно смело выдвигал самые разнообразные гипотезы по истории осетин, не особенно утруждая себя стремлением их обосновать. Конечно, при таком подходе некоторые изыскания и выводы страдают серьезными ошибками⁶⁶.

⁶⁴ *Периодическая печать... 1. С.165, 177.*

⁶⁵ *Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб., 1879. Т.II.*

⁶⁶ *В свое время на них обратила внимание редакция «Сборника сведений о кавказских горцах», в котором печатался Пфаф: «...не видно полного основания для принятия тех*

К адатам осетин Пфаф обратился, стремясь получить «некоторое понятие о юридической жизни народов, живших до начала нашей истории». Обычное право осетин, повторил Пфаф в другом месте, «кроме чисто местного интереса, не имеет уже практического значения». Для науки, подчеркнул он, адаты осетин весьма полезны ибо «осетинское право, между прочим, ознакомит нас с бытом народов, живущих доисторической жизнью, и потому оно займет впоследствии свое место... в сравнительной или всеобщей истории права»⁶⁷.

Однако, помимо научного интереса, адаты осетин имели «и непосредственно практическое значение для лиц, служащих в Осетии. Материалы для настоящего труда я (Пфаф) собрал из судебных случаев, извлеченных из дел осетинских народных судов, из записки полковника Кундухова⁶⁸ об отмене некоторых вредных обычаев осетин, затем из расспросов судей в различных аулах Осетии, наконец, из личных наблюдений, сделанных во время путешествия по ущельям Кавказа»⁶⁹.

Рассматривая судопроизводство, Пфаф пришел к следующему выводу: «...общее мнение нихаса в патриархальных аулах... имеет полную силу судебного решения, как только оно принято всеми». За невыполнение приговора следовало изгнание; «это обстоятельство придавало всем приговорам аульного судилища страшную, почти непреодолимую силу». Обычное право осетин Пфаф сравнил с древнейшими памятниками римского, немецкого и славянского права. В результате он пришел к выводу, что современные ему «осетины, по степени развития у них юридических идей, стоят на более низкой степени развития, чем римляне во время издания закона XII таблиц, немцы – во время издания саксонского и швабского зеркал, и славяне – во время Правды Ярослава. В этих памятниках законодательства право собственности и наследства установилось уже на твердых основаниях, в коренном осетинском обычном праве право частной собственности еще не привилось»⁷⁰.

выводов и предложений, к которым приходит автор» (Пфаф В.Б. Материалы для истории осетин // ССКГ. 1870. Вып.IV. С.1; 1871. Вып.V. С.22).

⁶⁷ Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССК. Вып.I. С.180, 183.

⁶⁸ «Записка эта, напечатанная в весьма небольшом числе экземпляров, теперь уже библиографическая редкость. Я (Пфаф) ее получил от мухаммеданского муллы владикавказского аула, Халалули» (Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССК. Вып.I. С.181).

⁶⁹ Пфаф В.Б. Народное право осетин // ССК. Вып.I. С.183.

⁷⁰ Там же. С.183, 209.

Несмотря на недостатки, работы Пфафа еще долго оказывали влияние на последующие поколения исследователей. К его бесспорным заслугам следует отнести первую в литературе широкую и разностороннюю характеристику социальных отношений у алан-осетин⁷¹.

Среди дореволюционных исследователей истории Кавказа особое место по праву занимает М.М.Ковалевский⁷², внесший весомый вклад в дело изучения прошлого осетин⁷³. Заслуживают внимания выводы Ковалевского о степени развития феодализма в Осетии. При всем сходстве с феодальными порядками «осетинская сословная организация отнюдь не может быть уподоблена той, какую представляет Западная Европа в эпоху завершившегося уже процесса феодализации». Стадиально феодализм в Осетии он сравнивал с европейским XI столетием, «невыработанным» еще феодализмом. Исследователь высказал интересную мысль: «одинаковость экономических и бытовых условий вызывает к жизни в разобщенных между собой местностях и разноплеменных народах сходные юридические нормы». Интересны и его параллели между положением фарсаглагов в начале XIX века и крестьянами средневековой Руси. «Подобно нашим крестьянам в эпоху, предшествовавшую отмене знаменитого Юрьева дня, фарсаглаги пользовались правом свободного перехода от одного узденя к другому. Существенным ограничением этой свободы переселения является то обстоятельство, что при оставлении прежнего места жительства» недвижимая собственность фарсаглага оставалась в пользу хозяина аула⁷⁴.

Большое значение Ковалевский придавал изучению обычного права тех «народностей, которые, как осетины, доселе сохранили в своем быту

⁷¹ Косвен М.О. *Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. 1958. Вып. II С.262.*

⁷² *Изучение научного наследия Ковалевского ведется давно и плодотворно (См., например: Калоев Б.А. М.М.Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979; Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961; Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик, 2009; Левитский В.Ю. Кавказ в творческом наследии М.М.Ковалевского. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2007; и др.).*

⁷³ Ковалевский М.М. *Закон и обычай на Кавказе; Его же. Некоторые архаические черты семейного и наследственного права осетин // Юридический вестник. 1885. Т. XIX. Кн. 2–3. №6–7; Его же. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // Русская мысль. 1883. №12. С.137–154; Его же. Современный обычай и древний закон.*

⁷⁴ Ковалевский М.М. *Современный обычай и древний закон. Т. I. С.12–13, 36, 39–40, 46–47.*

многочисленные *остатки уже пройденных* ими стадий развития». Этим определялся «характер и план» работы, в которой он намеревался не просто описать право осетин, но «объяснить фактами из быта этого народа многие вопросы древнего права»⁷⁵. По замечанию одного из рецензентов, эта «смелая попытка... в общем, была выполнена весьма» успешно⁷⁶.

* * *

Особенностью литературы рубежа XIX–XX вв. является рост числа авторов, представлявших местное население. На исторических взглядах осетинской интеллигенции лежит явная печать идеологической борьбы той эпохи (вспомним, к примеру, острейшие дебаты по сословному вопросу), ее роль в становлении краеведения трудно переоценить. Вообще же краеведы (не только на Кавказе) играли важную роль в распространении исторических знаний и возбуждении интереса к изучению прошлого.

В большинстве работ местных авторов история предков рассматривалась лишь попутно. Специальную работу по данному вопросу подготовил А.Кодзаев⁷⁷. В советской историографии его работа подвергалась уничтожающей критике⁷⁸, на наш взгляд, только из-за «реакционных взглядов» автора, выражавшего интересы националистов; а работу иначе как «компиляцией» не называли⁷⁹. Но с этими оценками трудно согласиться. Обвинения в компиляции несостоятельны, ибо, помимо обширной библиографии (на русском, французском, немецком и латинском), автор опирался на солидную источниковую базу, в том числе – на

⁷⁵ Там же. С. VI.

⁷⁶ Авалиани С. Заслуги Ф.И.Леонтовича в изучении обычного права русских инородцев // Журнал министерства юстиции. 1911. №6. С.174.

⁷⁷ Кодзаев А. Древние осетины и Осетия. Владикавказ, 1903.

⁷⁸ При научной оценке работы того или иного автора нередко используется термин «критика», под коим «следует понимать обсуждение, разбор, оценку в научном смысле, а не замечания ругательного характера. К сожалению ...основное значение слова "критика" подменяется разговорным значением в плане отрицательного суждения о чем-то» (Шмидт С.О. Указ. соч. С.16).

⁷⁹ Васильева Л.М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века. Орджоникидзе, 1975. С.123; Тотоев М.С. Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX в. Орджоникидзе, 1968. С.54–56.

нормы права и обычаи, что позволило ему высказать некоторые новые идеи и подтвердить старые.

Совместный труд издали А.Ардасенов и А.Есиев⁸⁰. Опираясь на «Адаты кавказских горцев» Леонтовича, материалы сословной комиссии 1866 г., официальные документы и т.д., они воссоздали социальную структуру названного общества: куртатинцы разделяются на 4 сословия: уазданлаги, фарсаглаги, кавдасарды и холопы; кавдасардов могли иметь только уазданлаги; по сословным правам куртатинские феодалы равны кабардинским узденям 2-й степени, баделятам, алдарам и таубиям.

Под псевдонимом «В–Н–Л» Ардасенов написал еще одну интересную книгу⁸¹. Работы этого автора, благодаря наличию ценных историко-этнографических сведений, до сих пор не утратили своей значимости.

Государственно-правовые взгляды наиболее ярких представителей осетинской интеллигенции с конца XIX века до первых лет советской власти рассмотрены в монографии М.У.Дзидзоева⁸².

Основные проблемы изучения адатов осетин в советской науке

На начальном этапе изучение обычного права горцев планировалось сделать одной из ключевых задач деятельности краевых научно-исследовательских институтов. Осо-

бо подчеркивалась «возможность проследить следы родового быта (коллективистические элементы), следы феодально-сословных делений, а также влияние господства буржуазии. Без тщательного изучения этих элементов адата нельзя уяснить роль и значение его в различные периоды истории...»⁸³. К сожалению, эта задача осталась невыполненной, хотя отдельные аспекты обычного права осетин изучались⁸⁴.

Б.В.Скитский опубликовал некоторые документы, хранившиеся в Горском историческом архиве (Владикавказ):

«а) материалы двух комиссий, учрежденных по разбору отношений простого дигорского народа к баделятам в 1849 году в Нальчике и в 1852

⁸⁰ Ардасенов А., Есиев А. *Высшее сословие у осетин Куртатинского общества*. М., 1892.

⁸¹ В–Н–Л. *Переходное состояние горцев Северного Кавказа*. Тифлис, 1896.

⁸² Дзидзоев М.У. *Общественно-политическая и государственно-правовая мысль в Северной Осетии*. Орджоникидзе, 1979.

⁸³ Хадарцев Э.И. *Адатная проблема и задачи Краевого горского научно-исследовательского института // Революция и горец*. 1928. №1. С.50.

⁸⁴ Кокиев Г.А. *Крестьянская реформа в Северной Осетии*. Орджоникидзе, 1940; Скитский Б.В. *К вопросу о феодализме в Дигории*. Орджоникидзе, 1933.

году в Ардоне. В ряде случаев по исчерпывающей полноте сведений и по приемам обследования данные материалы дают более обстоятельную информацию, чем "Адаты" Леонтовича;

б) поземельные дела баделят, саргасат, гагуат, их споры с "зависимыми" сословиями, прошения к правительству о земельных награждениях. Дела принадлежат архиву Штаба кавказской армии...;

в) дела архива Управления межевой частью Терской области, отделы 4-й и 5-й, дающие богатый материал для характеристики земельных отношений и классовой борьбы в Дигории;

г) материалы, относящиеся к Абрамовской комиссии;

д) докладные записки по вопросу об отделении подвластных от баделят и пр.»⁸⁵.

В послевоенный период усилиями ученых-кавказоведов⁸⁶ наметились подходы к выявлению природы обычного права, выделены этапы эволюции, показана значимость обычного права как регулятора социальных отношений в традиционных обществах.

Вместе с тем господствовавшая в советской науке «пятичленная» схема общественно-экономических формаций наложила отпечаток на теорию государства и права⁸⁷, в рамках которой право во всех формах его проявлений неразрывно связывалось с государством. Теоретический штамп («марксистско-ленинская») предопределил и характер научных исследований интересующих нас вопросов: считалось, что обычное право присуще ранним стадиям классового общества и представляло собой совокупность санкционированных государством обычаев.

В постсоветский период солидным вкладом в решение ряда вопросов стали материалы конференций. В частности, XI Международного конгресса «Обычное право и правовой плюрализм в изменяющихся обществах» (Москва, 1997) и научно-практической конференции «Обычное право и его роль в формировании современной правовой культуры» (Майкоп, 1999). К сожалению, на названных научных форумах явно

⁸⁵ Скитский Б.В. Указ. соч. С.5–6, примеч.; 44–63, I–XXVI.

⁸⁶ Гаглоев Х.Д. Из истории судопроизводства у осетин // Изв. Юго-Осетинского научно-исследовательского ин-та. 1964. Вып. XIII; Гарданов В.К. Обычное право...; Думанов Х.М. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Первая половина XIX века. Нальчик, 1990; и др.

⁸⁷ Очерк изучения обычного права в дореволюционной и советской историографии, а также марксистскую постановку проблемы обычного права привел В.А. Александров (Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начало XIX в. М., 1984. С.3–41).

ОБ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ ОСЕТИН

доминировали доклады, посвященные современной практике. Тогда как вопросы нормативной и потестарной этнографии, по сути, исчезли из работ историков и этнографов. Вполне закономерен результат: различные аспекты обычного права осетин в историко-этнографическом плане все еще недостаточно исследованы.

В 1997 году вышла работа Маргиева, в которой предпринята попытка «исследования истории права осетин с древнейших времен» до начала XX века. В указанных работах рассмотрено обычное право осетин⁸⁸. В недавно вышедшей монографии двух юристов попутно рассматриваются и интересующие нас вопросы⁸⁹. Роль обычного права в системе социального взаимодействия в традиционных горских обществах стала объектом исследования Е.И.Кобахидзе⁹⁰.

* * *

Как видно, в осетиноведении проблема обычного права и его значимости в изучении социально-экономического строя средневекового периода остается слабоизученной, что во многом связано со сложной спецификой работы с памятниками обычного права. Эта работа требует высококлассных специалистов, гуманитариев широкого профиля, владеющих комплексными методами исследования социальных реалий прошлого. Но и этого недостаточно. Необходимо тесное сотрудничество историков-этнологов с учеными-практиками, следящими за современными тенденциями в развитии осетинского общества и пытающимися понять механизмы возрождения внутри него архаичных черт. А это уже задача не только сугубо научная...

⁸⁸ Маргиев В.И. Указ. соч. С.159–196.

⁸⁹ Маргиев В.И., Кесаев С.М. *Государственность Южной Осетии: прошлое, настоящее, будущее*. Владикавказ, 2009. Гл.1.

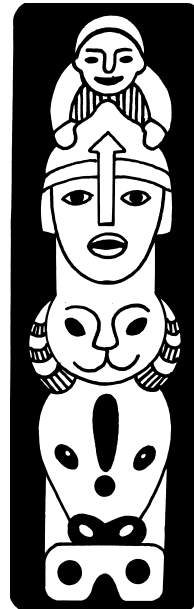
⁹⁰ *Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сб. док. / Сост., вступ. ст., коммент. Е.И.Кобахидзе*. Владикавказ, 2012; Кобахидзе Е.И. *Институты власти и управления у осетин*. Владикавказ, 2008; Его же. «Не единою силою оружия...».

Цивилизация заключается не в большей или меньшей утонченности. И это сознание никогда не бывает утонченным. Наоборот, оно вполне здоровое. Представлять цивилизацию творением элиты – значит отождествлять ее с культурой, меж тем как это совершенно разные вещи.

Альбер Камю

**С политикой следует обращаться
как с огнем: не подходить слишком
близко, чтобы не обжечься,
и не очень удаляться,
чтобы не замерзнуть.**

Антисфен

Вера Березина

**ФОРМИРОВАНИЕ
ОБРАЗА
ПЕТРОГРАДА-
ЛЕНИНГРАДА
В ЭКСКУРСИОННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
1920-Х ГОДОВ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
93/94 "1920/29"
371.233.4

This article analyzes the 1920s methodological guidelines to conduct tours of Petrograd-Leningrad. Key themes for the formation of the city's image and the recommendations for sightseeing for the local and visiting tourists are identified. Author concludes that there were four main ideas of the excursion literature for Petrograd-Leningrad in the early Soviet period. Firstly, the City as the center of the revolutionary movement; secondly, historical significance of the former capital was also quite important; thirdly, the city was seen as a center of culture; and finally, Petrograd-Leningrad was presented in textbooks as the economic center of the country, and the large industrial city.

Ключевые слова: туризм; экскурсионное дело; 1920-ые годы; Петроград-Ленинград.

Key words: tourism; guiding tour activities; 1920-s; Petrograd-Leningrad.

E-mail: v.berezina2012@gmail.com

В последнее десятилетие историков, занимающихся проблемами развития туризма и экскурсионной деятельности, а также филологов стали интересовать путеводители как важный элемент туристской индустрии и уникальный письменный источник. Свидетельством этой тенденции стала работа ряда научных конференций¹. Внимание участников этих мероприятий было сосредоточено на путеводителях как источниках по истории различных регионов. Публикации на эту тему пока единичны. Среди монографических работ можно отметить лишь недавно вышедшее комплексное исследование путеводителей XIX–начала XX века, проведенное культурологом И.И.Рущинской².

1917–1927 годам в трудах по истории туризма, в частности, основанных на путеводителях, уделяется мало внимания³. В этот период организованный осмотр достопримечательностей туристами проводился в форме экскурсий. Экскурсионное дело, возникшее в России в конце XIX века⁴, поддерживаемое новой властью, получило особый размах, особенно в крупнейших городах. Не путеводитель, а экскурсовод знакомил людей с городом. Специальных изданий для индивидуальных путешественников издавалось совсем немного.

В 1920-е годы, однако, в большом количестве издавалась литература схожего жанра – методические пособия для организаторов и руководителей экскурсий. В отличие от путеводителей эти пособия были созданы для

¹ В Тартуском университете (2007) и в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (2011).

² Рущинская И.И. Путеводитель как феномен массовой культуры: образ российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX – начала XX века. М.: ЛЕНАНД, 2014.

³ Можно, пожалуй, назвать только одну работу, где есть раздел, посвященный путеводителям 1920-х годов по Петрограду (Давыдов А.Ю. Источник по истории культурной жизни крупного города – путеводители // Вестник Ленинградского областного университета имени А.С.Пушкина. 2013. №2 (Т.4). История. С.33–47.)

⁴ См. об этом, напр.: Арцыбашев Д.В. История туристско-экскурсионной деятельности в России. (Вторая половина XIX–XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005; Сизинцева Л.И. Из истории отечественной экскурсионистики второй половины XIX – первой трети XX века // Н.П.Анциферов. Филология прошлого и будущего: По материалам международной научной конференции «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сентября 2012 г. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С.68–75; Ее же. Экскурсионные комиссии 1910-х гг. и краеведческие издания // Седьмые всероссийские краеведческие чтения (Москва – Омск, 13–17 мая 2013 г.). М.: Издат. центр «Краеведение», 2013. С.510–518; и др.

образованных людей, уже обладающих знаниями о городе достаточными, чтобы знакомить с ним туристов. Чаще всего цель подобной литературы – помочь руководителю экскурсии сформулировать тему и наметить маршрут. Эти пособия поэтому менее подробны, чем путеводители, их объем не превышал 200 страниц. Кроме того, острая потребность в материалах, возникшая в связи с распространением экскурсионного дела, ставила на первое место издание компактных, конкретных руководств по определенным видам экскурсий, а не издание обобщающих трудов, насыщенных теоретическими штудиями.

Как и путеводители, методические пособия для организаторов экскурсий непросто вычленишь из объема экскурсионно-туристической литературы. В их названиях далеко не всегда присутствует слово «руководство» или «пособие». Критерием отбора методических материалов из общего массива печатных изданий 1920-х годов по теме экскурсионной работы послужило для нас явное или скрытое обращение методиста к организатору экскурсий или экскурсоводу. Адресатом данных руководств был чаще всего организатор экскурсии с местными жителями: школьниками или участниками различных кружков для рабочих и служащих. Несколько пособий было издано для проведения экскурсий слушателям партийных курсов – будущим агитпропработникам.

Перед авторами как путеводителей, так методических пособий вставала проблема отбора мест для посещения, выстраивания их иерархии и прокладывания маршрута. Одни объекты часто рекомендовались экскурсоводу для посещения с группой, другие – гораздо реже. На результаты отбора влияли тематика экскурсии, общие идеологические установки и вкусы автора. Совокупность выбранных объектов и их подача создавали определенный образ города. В данной статье нас интересует, каким представлялся на страницах обозначенных изданий Петроград-Ленинград.

В ходе исследования нами выявлено и проанализировано около трех десятков пособий по организации экскурсий по Петрограду-Ленинграду. Кроме того, привлечены материалы периодической печати: как общепедagogические журналы, так и специальные экскурсионные издания. Помимо методических материалов в журналах публиковались отчеты руководителей экскурсий, которые дают возможность понять некоторые реалии экскурсионной работы. Для работы над статьей использовались также архивные источники – экскурсионные маршруты Главполитпросвета (ГПП), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации; отчеты об экскурсионной работе (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга).

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА

В связи с тем, что восприятие города его жителями и туристами различается, статья включает две части. В первой рассматривается то, каким с точки зрения теоретиков методической работы должен был представляться город самим горожанам – участникам экскурсий. Во второй – то, какой образ Ленинграда стремились сформировать у туристов из других регионов.

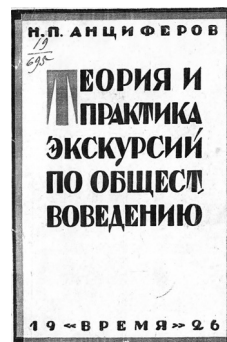
Формирование образа Петрограда-Ленинграда у горожан

В годы революции и гражданской войны основной контингент экскурсантов составляли сами горожане и жители окрестностей, так как приезд в бывшую столицу жителей других областей был затруднен в силу экономического и инфраструктурного кризиса, военного и чрезвычайного режима в РСФСР.

Многочисленную часть экскурсантов составляли ученики школ Петрограда и губернии, так как экскурсии входили в обязательную часть школьной программы. Среди взрослых экскурсантов были:

- военные, численно преобладавшие среди туристов в годы гражданской войны;
- рабочие, доля которых после 1923 года составила половину экскурсантов;
- учащиеся рабфактов и совпартшкол;
- комсомольцы;
- работники просвещения⁵.

Со второй половины 1920-х годов экскурсии стали посещать и представители другой социальной опоры советской власти – крестьяне. «1927 г. отмечается в экскурсионной работе Ленинградского губполитпросвета усиленным ростом крестьянских экскурсий», – говорится в одной из статей, посвященных исключительно этому вопросу⁶. Стоит отметить, что часть этих экскурсантов приехала «по собственному почину» или по ини-

Обложка методического руководства одного из основоположников «русской экскурсионной школы»
Н.П.Анциферова

⁵ Петроградский губернский отдел народного образования. Отчет за 1922–23 учебный год и краткий обзор пятилетней деятельности. 1918–1923. Пг., 1923. С.220.

⁶ Черепнина Т. Крестьянские экскурсии // Коммунистическое просвещение. 1928. №1. С.63.

циативе местных политпросветов, а часть – по «вызовам» губполитпросвета.

Анализируя упоминаемые экскурсионные объекты и темы предлагаемых экскурсий, можно выделить несколько ключевых для формирования образа Петрограда-Ленинграда сюжетов. Прежде всего в методических разработках Петроград-Ленинград рассматривается как **центр революционных событий**, причем начиная уже с конца XIX века. Важно отметить, что особенно подчеркивается данная тема в пособиях для комсомольцев и слушателей партийных школ⁷. Самое рекомендуемое к посещению место для знакомства с революционным прошлым города и страны – Музей революции, находившийся в тот период в Зимнем дворце. Однако, как отметила заведующая Центральной городской экскурсионной станцией гуманитарных экскурсий, данный музей мог принять лишь одну экскурсию в день⁸. Авторам руководств желательно было искать другие экскурсионные объекты для раскрытия темы революций. О зверствах царского режима и о политических заключенных при старом режиме должна была рассказать Петропавловская крепость. Так, в пособии для руководителей экскурсий, вышедшем в 1925 году, была специальная тема – «Петропавловская крепость как тюрьма»⁹. В такой же роли – политической тюрьмы – должна была предстать и крепость Шлиссельбург. Главный объект «главной», Октябрьской революции – Смольный институт. С.М.Левидова, известная составлением биографий революционерок, разработала две экскурсии: «Смольный в Октябре»¹⁰ и «От Февраля к Октябрю» (Смольный и Таврический). Надо отметить, что Таврическому дворцу как центру февральских событий уделено очень немного внимания.

⁷ См.: Шалашев П. *Летние экскурсии и прогулки молодежи*. Л.: Прибой, 1926. Краснуха Э.В. *Экскурсии в партикоде. Пособие для пропагандистов, агитпропорганизаторов и политпросветчиков*. М.; Л.: ГИЗ, 1927.

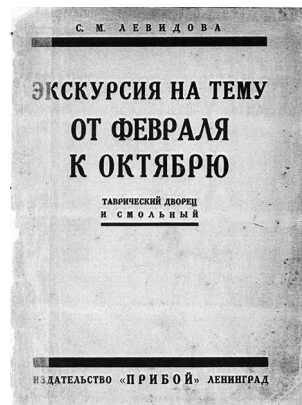
⁸ Ползикова-Рубец К. *Экскурсионный метод в школах Соцвоса // Информационный бюллетень Ленинградского губернского отдела народного образования*. 1926. №11. С.11.

⁹ Эдельштейн З.А. *Петропавловская крепость как тюрьма // Пособие для руководителей экскурсий. Сборник конспектов Центральной школьной экскурсионной станции гуманитарных экскурсий*. Л.: Изд-во книжного сектора ЛГОНО, 1925. С.104–108.

¹⁰ См.: Там же; Октябрь. *Историко-революционные экскурсии: Сборник*. М.; Л, 1924.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА

В конце XIX – начале XX века, как показывает исследователь А.П.Шевырев, авторов путеводителей по Петербургу мало интересовало *историческое значение столицы*¹¹. После революции, однако, память не только о революционном, но и о «старорежимном» прошлом становится важной чертой образа города на страницах экскурсионной литературы. Чаще всего авторы выделяют объекты XVIII века и особенно памятники петровской эпохи. Рекомендуются к осмотру Петропавловская крепость (именно в контексте основания города), Адмиралтейство, Летний сад, Меншиковский особняк. Особое место на страницах экскурсионной литературы занимает Медный всадник. Он интересует составителей пособий и как памятник, и как герой знаменитого произведения Пушкина – к нему предлагают подводить экскурсантов и в ходе литературных экскурсий¹². Отметим, что интерес к эпохе и личности Петра был характерен и для дореволюционных экскурсионных разработок¹³.

Обложка книги
С.М.Левидовой

Среди более поздних памятников, рекомендуемых к посещению, можно выделить особняки: Юсуповский, Шереметьевский, Строгановский и др. После революции они стали музеями быта. Авторы методических разработок мало интересовали история строительства, архитектурные достоинства и убранство особняков. Так, особняк Шереметьевых стремились показать в качестве примера влияния капитализма, а также рассказать о крепостных Шереметьевых¹⁴.

¹¹ Шевырев А.П. *Петербург и Москва в путеводителях конца XIX – начала XX века: европейская столица и азиатский город?* // Путеводитель по городу: история и современность: Материалы научной конференции. СПб.: ГМИ СПб, 2011. С.52.

¹² Один из основоположников экскурсионного дела в России – Н.П.Анциферов – предлагал даже экскурсию на тему «Отражение статуи Фальконе в художественной литературе» (Теория и практика литературных экскурсий. Л.: Сеятель, [1926]. С.87).

¹³ См.: Карпенко И.А. *Путеводители «для народа» (конец XIX – начало XX века) в коллекции Государственного музея истории Санкт-Петербурга* // Путеводитель по городу... С.59.

¹⁴ Ползикова-Рубец К.В. *Отражение эпохи промышленного капитализма на облике города* // Экскурсии в современность. Л.: Изд-во книжного сектора ЛГОНО, 1925. С.71–88; Эдельштейн З.А. *Шереметьевы и их крепостные* // Пособие для руководителей экскур-

Особыми местами памяти о старом строе являлись загородные императорские резиденции. До начала XX века они были мало изучены специалистами. Как отметила искусствовед Е.И.Кириченко, отношение к ним определялось сложившимся в середине XIX века мнением о «нехудожественности и подражательности культуры и зодчества XVIII – первой четверти XIX вв.»¹⁵. В послереволюционных методических разработках Петергоф, Детское село, Ораниенбаум, Гатчина (Троцк), Павловск рекомендуются к посещению часто¹⁶. Вероятно, методистов привлекало сочетание загородной прогулки на свежем воздухе с элементами просвещения. Кроме того, учитывался, видимо, и интерес пролетарских слоев к быту царствовавших особ. В 1927 году вышла серия из пяти «листочков» (небольших брошюр), представляющих собой что-то среднее между путеводителем и методическим руководством, посвященная загородным резиденциям. В этих брошюрах, именовавшихся «самообразовательными экскурсиями», простым, не лишенным даже вульгаризмов языком, рассказывалось о строительстве и быте загородных резиденций, а в конце каждой «листочка» следовал ряд вопросов для самопроверки¹⁷.

В экскурсионной литературе 1920-х годов Петроград–Ленинград предстает также *культурным центром*. Особую роль в конструировании такого образа играют музеи города. Выпускаются отдельные пособия по музейным выставкам. Кроме этого, они упоминаются в руководствах по осмотру городу. Чаще всего рекомендуется к посещению Эрмитаж. Девять конспектов экскурсий, опубликованных в Пособии для руководителей экскурсий, посвящено именно его экспозициям. По частоте упоминаний не уступает Эрмитажу и художественная коллекция Русского музея¹⁸. Реже составители путеводителей рекомендовали Этнографический отдел и

сий... С.91–95.

¹⁵ Кириченко Е.И. *Московские императорские дворцы как проблема истории искусства // Царские и императорские дворцы. Старая Москва. М., 1997. С.6.*

¹⁶ См.: *На экскурсию! Приложение к журналу «Спутник экскурсанта». М.; Л.: Долой неграмотность, 1926; Краснуха Э.В. Загородные экскурсии в клубах. В помощь организаторам экскурсий. Л.: Прибой, 1928; Черепнина Т.Н. Как и куда организовывать экскурсии. Л.: Изд-во Ленинградского Облono, 1928; и др.*

¹⁷ Подробнее об этом см.: Березина В.А. «Смотреть на все глазами нового революционно-го человека»: репрезентация загородных императорских резиденций в листовках 1920-х гг. // *V Анциферовские краеведческие чтения. СПб: Европейский дом, 2013. С.9–18.*

¹⁸ *Пособие для руководителей экскурсий... С.33–61, 113–125. – В издании представлен, например, цикл из четырех экскурсий по Русскому музею.*

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА

Историко-бытовой отдел Русского музея (в 1934 году первый был выделен в самостоятельный Государственный музей этнографии народов СССР, а второй – частично передан Эрмитажу и лег в основу отдела русской культуры этого музея¹⁹).

Кроме указаний на историческое и культурное значение Петрограда-Ленинграда, в руководствах по организации экскурсий предлагалось рассматривать город как **крупнейший промышленный и торговый центр**. Рекомендовались экскурсии на фабрики и заводы. Именно производственные экскурсии, которые должны были содействовать более быстрой производственной подготовке и переподготовке, особенно поддерживались руководителями культурного фронта²⁰. Среди экскурсионно-методической литературы имела разработку экскурсии как по отдельному производству – прядильной фабрике «Красное знамя» (на Петроградской стороне)²¹ или Сестрорецкому оружейно-инструментальному заводу, – так и общие указания о проведении производственных экскурсий²². Торговля современного Ленинграда рассматривалась преимущественно на экскурсиях в порт²³.

К сожалению, источники не дают возможности выявить сводную статистику реального посещения различных экскурсионных объектов жите-

Обложка книги из серии «Экскурсионная практика», содержащей методические разработки экскурсий по промышленным объектам

¹⁹ URL: http://rusmuseum.ru/museum/history/history_sozd (дата обращения: 13.10.2014).

²⁰ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. М., 1959. Т.3. С.47, 49.

²¹ Эдельштейн З.А. Прядильная и трикотажная фабрика // *Экскурсии в современность*. С.146–154.

²² Меркулов Евг. *Экскурсия на Сестрорецкий оружейный завод // Пособие для руководителей экскурсий. Сборник конспектов Центральной школьной экскурсионной станции гуманитарных экскурсий. Л.: Изд-во книжного сектора ЛГОНО, 1925. Вып. II. Экскурсии в производства. С.73–78.*

²³ Капица Л.М. *Ленинградский порт как порт мировой торговли // Пособие для руководителей экскурсий. ... Вып. II. С.45–50; Федоров В.А. Экскурсия в Ленинградский порт // Там же. С.37–45.*

лями города. Опираясь на отчет экскурсионной комиссии Василеостровского района с апреля по ноябрь 1923 года²⁴, мы можем все же судить о предпочтениях горожан. Показательно, что больше всего экскурсий (16) было совершено в Музей революции. Рабочие и служащие района также достаточно часто ходили в художественные музеи: в Русский музей – 10 групп, в Эрмитаж – 9. Интересовал василеостровцев и быт правящей верхушки ушедшей эпохи: 5 экскурсий было совершено в исторические комнаты Зимнего дворца и столько же во дворцы вельмож. Интерес вызывало прошлое и настоящее их родного города: по Петрограду организовано 5 экскурсий, 2 экскурсии проведены в Музее города. Экскурсанты посещали также специальные музеи: Сельскохозяйственный (5 экскурсий), здравоохранения (2 экскурсии) и др. Производственные экскурсии, за которые ратовали работники агитпропорганов, при этом, вероятно, не пользовались особой популярностью: на фабрику (писчебумажную) была совершена лишь 1 экскурсия.

**Формирование образа
Петрограда-Ленинграда
у туристов**

Только с 1923 года в Петроград начали часто приезжать взрослые туристы, подавляющее большинство их было из Москвы²⁵. В этот период на экскурсии обращает свое пристальное внимание

ГПП (хотя экскурсионная секция существовала в его структуре и раньше). Например, выходят рекомендации и программные статьи его работников о том, как должен быть представлен Ленинград приезжим туристам.

С точки зрения экскурсионно-выставочного отдела ГПП и его главы В.Р.Менжинской город надо показывать как «центр революционной борьбы с самодержавием и октябрьской победы пролетариата, как сосредоточие крупнейших металлургических и других заводов». В пример правильной организации приводится экскурсия для московских рабочих, посетивших Ленинград в 1924 году, для которых был проведен цикл экскурсий по следующим темам:

- «Самодержавие, его политика и разложение» (тема раскрывалась в ходе экскурсий по улицам с осмотром памятников и дворцов);

²⁴ Отчет по экскурсионной работе Василеостровского района с 15 апреля по 1 ноября 1923 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф.4. Оп.1. Д.2619. Л.174.

²⁵ Черешков. К итогам каникулярной кампании // Спутник экскурсанта. Известия Ленинградской центральной экскурсионной базы / Губполитпросвет. 1926. №6–7. С.95.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПЕТРОГРАДА-ЛЕНИНГРАДА

- «Борьба торгового капитализма с землевладельческой аристократией и оттеснение его промышленным и финансовым капиталом» и «Борьба с самодержавием и буржуазией» (включали прогулки по площадям и улицам, к дому Кшесинской, по Петропавловской или Шлиссельбургской крепости и экскурсию в Музей революции);
- «Рабочий и промышленный Ленинград» (предполагалось посещение «с целью смычки» заводов, рабочего поселка или клуба или заседания на заводе);
- «Характеристика Ленинграда, как сосредоточения науки и искусства» (включала экскурсии по Эрмитажу и по городу)²⁶.

В 1925 году Бюро дальних экскурсий Главполитпросвета предлагало два варианта экскурсий в Ленинград: четырехдневная и семидневная поездки²⁷. В четырехдневную программу входило восемь экскурсий, одна из которых – за город. Экскурсии должны были проводиться по следующим темам:

- «Промышленный Ленинград» – две экскурсии:
 1. Крупное металлургическое производство, Судостроительная верфь, Волховстрой. Музеи – Горный, Морской.
 2. Быт ленинградского рабочего (рабочий поселок и клуб) и др.
- «Революционный Ленинград» – три экскурсии:
 1. Самодержавие и борьба с ним – пригородные дворцы, Петропавловская крепость, по улицам.
 2. Восстание декабристов, народовольцы и 1 марта, 9 Января, по следам Октября.
 3. Смольный в дни Октября и Музей революции.
- «Культурный Ленинград» – две экскурсии:
 1. В Зоологический, Ботанический, Этнографический музеи, а также Эрмитаж, Русский музей.
 2. Театры, Государственная публичная библиотека.

Семидневная программа включала пять экскурсий по теме «Промышленный Ленинград», одну экскурсию в ленинградский порт, четыре экскурсии по Ленинграду как революционному центру и четыре экскурсии на тему «Культурный Ленинград». При этом одна из экскурсий должна быть за город. Для желающих взамен двух экскурсий (загородной и на крупное производство) допускалась двухдневная экскурсия на Волховстрой.

²⁶ Менжинская В. Дальние экскурсии как элемент политического и производственного просвещения рабочих // Коммунистическое просвещение. 1924. №6 (18). С.86–88.

²⁷ Дальние экскурсии для рабочих // Государственный архив Российской Федерации. Ф.Р5451. Оп.9. Д.458. Л.36–37.

Позже сложился канонический «набор» мест экскурсий по Ленинграду для приезжих групп. Его формирование мы можем проследить, анализируя не только методические пособия, но и отчеты руководителей об экскурсионной работе, составленные в 1926–1928 годах²⁸. Экскурсионные «кампании» этого периода начинались обычно с прогулки по городу и посещения смотровой площадки Исаакиевского собора, где экскурсантов знакомили с городом «в прошлом и настоящем». Обязательным пунктом программы была экскурсия в Петропавловскую крепость, где основной акцент был сделан на роль крепости в истории революционного движения. Эпизоды революционной борьбы освещались в ходе экскурсий по Таврическому дворцу, Смольному и Музею революции. Необходимой частью подобных «кампаний» постепенно стало знакомство с ленинградскими фабриками и заводами («Красный путиловец», «Большевик» и т.п.).

Стоит отметить, что при разработке программы авторами учитывалась и специфика группы. Так, крестьян из Ленинградской губернии отправляли в Музей здравоохранения, Сельскохозяйственный музей и историко-бытовой отдел Русского музея, где изучались темы «Как построить здоровую жизнь?», «Как улучшить крестьянское хозяйство?», «Крепостной быт» и др. Московским рабочим советовали посетить профессиональные клубы. Таким образом, у экскурсантов формировался образ города, во-первых, как центра революционной борьбы, а во-вторых, как бурно развивающегося советского мегаполиса. Были, однако, и варианты экскурсионных маршрутов, которые обуславливались лишь пожеланиями групп. В соответствии с ними гости города посещали Эрмитаж, Зоологический музей, пригороды Ленинграда и другие экскурсионные объекты.

Схожая программа была разработана и для школьников из других регионов. Программа для них, опубликованная в 1926 году, была рассчитана на пять дней. Среди обязательных были экскурсии по Петропавловской крепости, «на революционную тему», на производство и др. Через два года появился уточненный вариант программы, в котором, помимо прочего, до поездки в Ленинград школьникам рекомендовалось познакомиться с ближайшей бывшей барской усадьбой и увидеть «дореволюционные пережитки» быта своего края²⁹.

²⁸ Черешков. Указ. соч. С.95; Савченко-Бельский А. Массовые экскурсии в политико-просветительной работе (Опыт массовых экскурсий в Ленинград) // Коммунистическое просвещение. 1927. №2 (32). С.172; Черепнина Т. Крестьянские экскурсии. С.64.

²⁹ Об экскурсионной работе трудовых школ городского и сельского типа (инструктивное письмо) // Бюллетень Ленинградского областного отдела народного образования. 1928. №13. С.25.

* * *

Таким образом, в содержании экскурсионных методических разработок 1920-х годов нашли свое отражение государственные приоритеты в сфере идеологии и культуры. Так, в рекомендациях тех лет в образе Ленинграда-Петрограда первостепенное значение отводилось топографии и истории современного города. Как пишет Ш.Фицпатрик, «в дискурсе первых лет советской власти ближайшим синонимом термина "идентичность" было "лицо"»³⁰. Спецификой изучаемого периода было стремление продемонстрировать именно прогрессивное (с точки зрения большевистской власти) «лицо» города: во-первых, как центра революционных событий и, во-вторых, как центра промышленности и торговли нового советского государства. Активная разработка экскурсий по местам революционных событий стала отражением процесса создания мифа о Петрограде-Ленинграде как «колыбели трех революций». При этом мы не вправе объяснять развитие подобной тематики экскурсий исключительно общественно-политической конъюнктурой тех лет. На наш взгляд нельзя отрицать, что современники – авторы экскурсий – стремились сами осознать недавние события. Кроме того, вероятно, учитывался и интерес самих экскурсантов к своему недавнему прошлому. Экскурсии, посвященные историческим сюжетам, и искусствоведческие экскурсии по городу и музеям Петрограда-Ленинграда были, как нам представляется, следствием попытки представителей «старой интеллигенции» популяризировать культурное наследие бывшей столицы. «Экскурсионное дело, – писал один из основоположников "русской экскурсионной школы" И.М.Гревс, – одно из огромных средств охраны культуры, возбуждения к ней любви и почитания»³¹. Так Петербург становился также городом с историей.

³⁰ Фицпатрик Ш. *Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН, 2011. С.19.*

³¹ *Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие И.М.Гревса / сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. С.303.*

Геннадий Костырченко

«ЭХ, ГОВАРД!...»

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ
РАЗРЫВА ГОВАРДА ФАСТА С СССР**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
929

Making use of archive documents that previously were classified the author seeks to understand the background of complex conflict emerged in the second half of the 1950s between leaders of the USSR and the Soviet writers' union on one hand and Howard Fast, the prominent American writer, on the other hand. Trying to comprehend why Fast was the most published and the most highly paid foreign writer in the most cruel years of Stalin's rule and why he, as if suddenly decided to put the end to his relations with the Communism and the USSR (and did that in the scandalous way) in the earlier years of Khrushchev's liberalization the author presents his own documented version of this contradictory situation that does not lend itself to an univalent assessment.

Ключевые слова: хрущевская оттепель; десталинизация; Союз советских писателей; еврейский вопрос; ЦК КПСС; Компартия США; Говард Фаст; Борис Полевой.

Key words: the Khrushchev thaw; de-Stalinization; the Soviet writers' union; Jewish question; the CPSU Central Committee; the U.S. Communist party; Howard Fast; Boris Polevoi.

E-mail: genkost@mail.ru

В качестве источниковой основы данного очерка была взята подборка архивных документов, а точнее, переписка руководства Союза советских писателей (ССП) с американским левым писателем Говардом Фастом. Речь идет о хранящихся в фонде №5 («Аппарат ЦК КПСС») Российского государственного архива новейшей истории письмах этого известного американского литератора еврейского происхождения, направленных в 1957 году одному из руководителей ССП писателю Борису Полевому¹, а также об ответных посланиях последнего. И хотя данные материалы были преданы гласности еще в период архивного бума начала 1990-х годов, однако их тогдашнее появление в журнале «Знамя»², не сопровождаемое научным аналитическим комментарием, прошло практически незамеченным.

Говард Фаст, 1941 год

Кульминационным пунктом исторических событий, которые, собственно, инициировали указанную переписку и послужили ей историческим фоном, стал XX съезд КПСС. Именно на нем, состоявшемся в

¹ Возглавлял иностранную комиссию ССП – своего рода писательское министерство иностранных дел, ведавшее под контролем Отдела пропаганды ЦК КПСС сотрудничеством с зарубежными коллегами.

² Знамя. 1992. №8. С.163–186.

конце февраля 1956 года, впервые было открыто сказано о преступлениях Сталина против собственного народа. И хотя это откровение было весьма усеченным и далеко не полным, однако и такой минимальной дозы горькой правды оказалось достаточным для провоцирования болезненного политического кризиса как в самой советской империи от Берлина до Владивостока, так и за ее пределами – во всем коммунистическом мире. Причем начавшийся процесс антисталинизации принял наиболее острый характер в Венгрии, где в ноябре 1956 года вспыхнуло массовое антикоммунистическое восстание, жестко подавленное войсками СССР.

Получив глобальный резонанс, венгерские события повергли в смятение многих идейных приверженцев Советского Союза в мире, в том числе и Говарда Фаста. Для него настала тогда пора мучительного переосмысления собственной жизни, чье начало пришлось на 1914 год, когда разразился глобальный катаклизм Первой мировой войны. Именно тогда на Манхэттене в Нью-Йорке и появился на свет будущий писатель Говард Мелвин Фаст (Howard Melvin Fast). Его отец, бедный еврейский рабочий Барни Фастовский, родился в России, в городке Фастов под Киевом. Прибыв в США вместе с семьей в конце XIX века, он совсем еще мальчишкой пошел работать на фабрику и, несмотря на многолетний тяжелый труд на ней, так и не смог выбиться из нужды. Мать Говарда, Ида Миллер, была родом из Великобритании и, будучи молодой, умерла в 1923 году. Тогда юный Говард вынужден был распорядиться с детством, начав в неполные десять лет самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Ему, от природы физически крепкому и смышленому, быстро удалось освоить множество профессий, в том числе разносчика газет, рабочего на табачной и на шляпной фабриках, подручного в мясной лавке, гладильщика в одежной мастерской. Однако тяжелый труд ради куска хлеба не устраивал Говарда. Стремясь к знаниям, он все свободное время проводил в библиотеках. И уже в семнадцать лет осуществил печатную пробу пера, опубликовав в 1932 году сразу два дебютных произведения: научно-фантастический рассказ «Ярость пурпура» (“Wrath of the Purple”) и роман «Две долины» (“Two Valleys”). Вступив тогда же в писательский клуб Джона Рида (John Silas Reed), молодой литератор окончательно сформировался как левый интеллектуал, в сознании которого прочно укоренилась идея борьбы с классовым неравенством и национально-расовой дискриминацией. Однако не чужд ему

был и романтический патриотизм. В годы Второй мировой войны, когда защита родины от внешнего врага стала главным приоритетом, Фаст, подвизаясь в армии (служил в Офисе военной информации – своего рода протоЦРУ, а также военным корреспондентом на радио «Голос Америки»), издал в этом жанре несколько романов. Однако, по мере того как США и их союзники одерживали верх над нацистами, патриотическое чувство в сознании Фаста все более отходило на второй план, уступая место идее социального протеста. В 1944 году он вступил в Коммунистическую партию (КП) США, после чего в его произведениях стали явственно ощущаться просоветские симпатии. Появление в «цикладе мировом империализма» нового яркого приверженца и пропагандиста коммунизма не осталось незамеченным Кремлем. Книги «прогрессивного» американского писателя, бичевавшие «бездушный и жестокий мир капиталистического чистогана», вскоре стали в СССР переводиться на русский язык и издаваться массовыми тиражами. Вплоть до середины 1950-х годов Фаст оставался одним из наиболее публикуемых иностранных авторов в Советском Союзе. Впрочем, даже такое очевидное признание Кремлем литературного творчества этого автора не спасло некоторые его произведения от цензурных рогаток. Например, написанный в 1948 году роман «Мои прославленные братья» (“My Glorious Brothers”), посвященный истории Маккавейских войн за независимость Иудеи в середине II в. до н.э. Даже уже включенное в план Главлитиздата, это произведение так и не вышло в свет: в ходе разразившейся в 1949 году в СССР официальной кампании борьбы с космополитизмом и еврейским национализмом уже подготовленный типографский набор текста книги был рассыпан. Показательно, что незадолго до смерти Сталина в советских верхах вспомнили об этом романе. Произошло это после того, как 15 января 1953 г. на первой полосе «Литературной газеты» появилась статья Фаста «Народ жаждет мира», которая, хоть и преследовала благою для советского режима цель – нейтрализацию резко негативной реакции Запада на вышедшее двумя днями ранее заявление ТАСС о разоблачении «заговора кремлевских врачей–убийц», – тем не менее была квалифицирована Агитпропом ЦК как крамольная. Это видно из информации, направленной 21 января секретарю ЦК Н.А.Михайлову заведующим Отделом художественной литературы и искусства ЦК В.С.Кружковым и завсектором этого отдела В.И.Ивановым. Жалуясь на главного редактора газеты Константина

Симонова, они писали: «...Известно, что будучи в общем-то прогрессивным писателем, Говард Фаст допускал в своем творчестве серьезные ошибки буржуазно-националистического, сионистского характера. Особенно яркое выражение эти ошибки нашли в его романе о Древней Иудее "Мои славные братья", опубликованном в 1948 году. Один из американских критиков назвал этот роман ультранационалистическим. Поэтому факт опубликования статьи Говарда Фаста в "Литературной газете" на самом видном месте под крупным заголовком, через два дня после сообщения ТАСС об аресте группы врачей-вредителей, связанных со шпионско-террористической сионистской организацией США, нельзя признать нормальным... Следовало бы указать главному редактору Симонову на то, что редакция допустила ошибку, опубликовав эту статью»³.

На русском языке роман «Мои прославленные братья» вышел только в 1970-е годы, да и то в Израиле, после чего стал нелегально распространяться в Советском Союзе.

Однако еще хуже складывались тогда отношения Фаста с американскими властями. В апреле 1950 года писателя вызвали на заседание Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, которая за отказ назвать имена «сообщников» обвинила его в «неуважении к Конгрессу США» и на три месяца отправила за решетку. Одновременно Фаст оказался в черных списках авторов, чьи произведения запрещалось публиковать американским издательствам.

После смерти Сталина отношение властей СССР к Говарду Фасту заметно улучшилось. Однако американского литератора не могло не насторожить то обстоятельство, что в прогремевшем на весь мир выступлении Никиты Хрущева на XX съезде КПСС тот, разоблачая «культ личности» покойного диктатора, предпочел обойти молчанием его антисемитские акции конца 1940-х – начала 1950-х годов. Такой явной селективностью в разоблачении сталинских преступлений были обескуражены и руководители КП США Юджин Деннис (*Eugene Dennis*) и Уильям Фостер (*William Z.Foster*), которые потребовали от Москвы конкретных объяснений. На этом демарше, предпринятом посредством газеты "Daily Worker", как раз настоял Говард Фаст и солидарные с ним

³ *Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф.17. Оп.133. Д.390. Л.22; Дорфман М. Памяти Говарда Фаста // Международная еврейская газета. 2003. №13. С.3.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ РАЗРЫВА ГОВАРДА ФАСТА С СССР

коммунисты-евреи. В КП США они представляли в основном влиятельную нью-йоркскую парторганизацию, включавшую в себя почти две пятых всех членов партии. Тем более, что главным редактором “Daily Worker” был близкий друг Фаста Джон Гейтс (1913–1992; Johnny Gates, born Solomon Regenstreif) – чрезвычайно авторитетный деятель американской компартии. Сын польского еврея, он в середине 1930-х годов воевал на стороне республиканцев в Испании, а во время Второй мировой войны – в парашютных частях США. Обвинив в антиамериканской деятельности, его в 1951-м на четыре с половиной года упрятали за решетку. Вместе со своим заместителем Максом Аланом (Max Alan), а также с Фастом Гейтс, кроме того, настаивал на публикации открытого письма к председателю Совета Министров СССР Николаю Булганину с требованием начать широкое обсуждение еврейской проблемы в СССР. Но руководство КП США отклонило это предложение под предлогом того, что вскоре само поставит данный вопрос перед Кремлем⁴.

Джон Гейтс, 1958 год

Отношения между КПСС и КП США еще более накалились в июне 1956 года в связи с появлением в американской печати перевода «секретного доклада» Хрущева. Эта осуществленная Госдепартаментом публикация вызвала настоящий переполох в стане американских коммунистов, которые отлично понимали, что та полуправда, на которую пошел Кремль

⁴ РГАНИ. Ф.5. Оп.28. Д.438. Л.73–77, 126.

в разоблачении сталинизма, выглядит в США не только малоубедительной, но и нелепой и потому способна дискредитировать их как союзников Москвы. Пытаясь добиться от своих советских патронов большей открытости в этом вопросе и тем самым усилить собственную позицию в противоборстве с официальной американской пропагандой, генсек КП США Деннис направил в Москву свою статью, опубликованную в “Daily Worker”. В ней содержался призыв к полной гласности в обсуждении прошлого и настоящего советских евреев. Однако при перепечатке статьи в «Правде» это принципиальное пожелание было опущено⁵. Восприняв такую цензурную манипуляцию как моральную пощечину, Фаст и его единомышленники в руководстве компартии США впервые всерьез задумались о выходе из ее рядов. На американских коммунистов еврейского происхождения угнетающе подействовала и опубликованная 9 июля 1956 года в “New York Times” статья влиятельного журналиста Сайруса Сульцбергера (Syrus Sulzberger), который утверждал, что Хрущев, еще будучи руководителем Украины, зарекомендовал себя яростным гонителем еврейской культуры, а в настоящее время возглавляет вместе с Сусловым «антисемитскую группу» в Президиуме ЦК КПСС и насаждает «расовые предрассудки» в Польше и других странах советского блока⁶.

Жесткое подавление Хрущевым в ноябре 1956 года восстания в Венгрии, видимо, окончательно укрепило Фаста в намерении порвать с компартией. Однако сделать это он предпочел не в ходе этих трагических событий и не сразу после них, а спустя несколько месяцев, причем с максимальной помпой. С его явной подачи 1 февраля 1957 г. на первой полосе “New York Times” появилась статья Гарри Шварца (Harry Schwartz) под сенсационным заголовком «Красные отказались от Говарда Фаста» (“Reds Renounced By Howard Fast”), в которой, собственно, об этом и сообща-

⁵ *Статья Денниса в «Правде» (Юджин Деннис о значении XX съезда КПСС // Правда. 1956. 27 июня) была снабжена двусмысленным и мелкобравчатым редакционным комментарием о том, «говоря о докладе Н.С.Хрущева, Ю.Деннис имеет в виду текст, опубликованный Госдепартаментом». При этом аутентичность госдеповского текста ничем конкретным не опровергалась. В другой сноске, пояснявшей упоминание Деннисом «ареста еврейских врачей», уточнялось, что среди арестованных врачей были не только евреи, но также русские и украинцы (РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.39. Л.22–23).*

⁶ URL: <http://archive.jta.org/article/1956/07/10/3048085/khrushchev-charged-with-stimulating-antisemitism-in-soviet-countries>

лось⁷. Правда, потом, как бы оправдываясь за этот политический демарш, Фаст поместил в “Daily Worker” заявление – было озвучено 14 марта радиостанцией «Свободная Европа» (Radio Free Europe) – о том, что, покинув компартию, он остался на позициях социализма и не приемлет только его советское воплощение, как недемократическое и антигуманное⁸.

А 25 марта 1957 г. Фаст направил упомянутому в начале статьи руководителю Иностранной комиссии ССП Борису Полевому письмо, суть которого сводилась к следующим трем вопросам:

– Почему в СССР при Сталине осуществлялся антисемитизм под личиной борьбы с космополитизмом?

– Почему Полевой, а также его заместитель по комиссии Борис Изakov не выступили в печати в поддержку романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым»?

– Зачем Полевой, встретившись с Фастом летом 1955 года в Нью-Йорке, солгал, что еврейский поэт Лейб Квитко жив и что они часто общаются, проживая в одном доме в центре Москвы?

Иронизируя над неуклюжей попыткой советского руководства переложить ответственность за недавние антиеврейские акции в СССР на «банду Берия», Фаст сделал следующее логическое предположение: «Берия восстал против Сталина, выступил против безумств Сталина и был убит Хрущевым и другими потому, что располагал фактами их преступлений». И далее спрашивал: «Почему это не опровергнуто?.. Где судебные отчеты по делу Берия?» В заключение американский писатель потребовал: «Скажите, что антисемитизма больше нет, что он изжит». Кроме того, вторгаясь в сферу большой политики, Фаст предложил советским руководителям объявить об отмене смертной казни и об одностороннем отказе от испытаний ядерного оружия⁹.

Столь резкое по тону послание так ошеломило и обескуражило Полевого, что поначалу он хотел немедленно и без объяснений прервать переписку с Фастом, разорвав с ним все связи, приобретшие вдруг обостренную и небезопасную для советского гражданина политизированность. Однако занявшиеся письмом секретари ЦК Михаил Сулов, Дмитрий Шепилов и заведующий Международным отделом ЦК Борис Пономарев

⁷ URL: <http://www.trussel.com/hf/renounce.htm>

⁸ РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.37. Л.12–13.

⁹ Там же. Д.39. Л.20–23.

сочли, что еще преждевременно делать столь резкие шаги. Учитывая, что за более чем десятилетнее пропагандистское сотрудничество с Фастом Кремль затратил на него немало средств (об этом ниже), в ЦК КПСС решили продолжить переписку с ним, дабы «образумить» взбунтовавшегося американца. В связи с этим к Полевому был в качестве консультанта представлен Юрий Жуков – опытный журналист из «Правды», являвшийся к тому же кандидатом в члены ЦК КПСС. И тот, детально проанализировав послание Фаста, дал вскоре Полевому рекомендации по подготовке ответа. Несмотря на демагогическую изощренность содержащейся в них контраргументации, выглядели они малоубедительными, ибо в них полностью отрицалось существование при Сталине государственного антисемитизма. Пытаясь оправдать диктатора, Жуков сослался на его застарелое и заезженное советской пропагандой интервью 1931 года нью-йоркскому Еврейскому телеграфному агентству, в котором антисемитизм осуждался как пережиток канныализма¹⁰. Касаясь кровавых расправ 1948–1952 гг. над деятелями еврейской культуры, журналист не нашел ничего лучшего, как вновь перевести стрелку ответственности на пресловутую «банду Берия», которая, по его словам, «истребляла не только евреев, но и крупнейших деятелей всех национальностей», судьбы которых, как ехидно добавлялось, Фаста «не трогают»¹¹.

Писатель Борис Полевой

¹⁰ Сталин И.В. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1951. Т.13. С.28.

¹¹ РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.39. Л.25–28.

И хотя Жуков настаивал на том, чтобы погрязшему в «американской достоевщине» Фасту ответ подготовил непременно сам Полевой, тот, сославшись на некомпетентность в политике, предложил поручить это какому-нибудь специалисту из ЦК¹². Тем не менее его возражения были отвергнуты и ему пришлось засесть за работу. 17 мая Полевой направил в ЦК черновик ответа. Послание получилось довольно пространным, исполненным фальшиво дружеских увещаний, из которых явственно торчали уши лозунговой ходульности. Уже не заботясь о соблюдении элементарного правдоподобия, Полевой, следуя совету Жукова, педантировал тезис об исключительной ответственности Берии за антисемитизм в стране, утверждая, что тот «коварно» его нагнетал, дабы скомпрометировать СССР перед всем миром. Причем, обвиняя Берию в том, что тот со своей «бандой» «состряпал» «дело врачей», и тут же утверждая, что следственные органы вскоре после смерти Сталина освободили и реабилитировали оклеветанных врачей, Полевой неловко замалчивал то реальное и неудобное для него обстоятельство, что все это было сделано по инициативе Берии. Самоуверенно полагая, что простодушный Фаст не заметит столь примитивной манипуляции фактами, Полевой, оседлав козла отпущения в образе виновного во всем Берии, заклеил этого «выродка» и «Ирода наших дней» еще и за то, что тот «вырвал из наших рядов наших товарищей Пфефера (поэта Ицика Фефера. – Г.К.) и Квитко». Полевой заверял, что те пострадали не от официального антисемитизма, а от злой воли Берии, который наряду с ними уничтожил и много представителей других национальностей, причем «русских – больше всего». Реагируя далее на упрек Фаста по поводу дезинформации относительно судьбы Квитко, Полевой не раскаялся в том, что, возможно, прежде вынужденно отрицал насильственную смерть поэта. Более того, в своем ответе он прибег к новому еще более нелепому обману. Притворно возмущившись тем, что Фаст де его оговаривает, Полевой утверждал, что никогда не говорил ему, что в 1955 году встречался в Москве с Квитко, поскольку «всем известно», что тот – «киевлянин и никогда не жил в Москве». Облыжно представляя Квитко не москвичом, Полевой теперь пытался убедить Фаста, что тот его не так понял, что, оказывается, он говорил вовсе не о встрече с Квитко («Я сказал вам лишь, что я хвалил его детские стихи на съезде писателей...»), а с «из-

¹² Там же. Л.26–27.

вестным еврейским поэтом» Самуилом Галкиным: «Я виделся с ним (с Галкиным. – Г.К.), и он действительно живет недалеко (его адрес: Москва 1–19, улица Фурманова, дом 3/5, кв.43), в чем вы можете убедиться, написав ему письмо по этому адресу»¹³.

Однако и эта версия Полевого была шита белыми нитками. Ведь по злой иронии судьбы Галкин вплоть до декабря 1955 года находился в одном из отдаленных исправительно-трудовых лагерей. Так что Полевой перед отбытием летом 1955 года в Америку никак не мог с ним «видеться». Впрочем, если бы даже Фаст попытался проверить эту информацию, точнее дезинформацию, о Галкине и обратился бы непосредственно к нему, тот, будучи предусмотрительно проинструктирован властями, разумеется, подтвердил бы слова Полевого. Видимо, довольный таким придуманным задним числом алиби, Полевой позволил себе со снисходительной укоризной попенять Фасту: «Эх, Говард!.. Подумайте... разве от человека, которого считаешь другом, легко так вот бездоказательно принять в письме обвинения во лжи?... Хорошо ли это, старик? Спросите у вашей милой, спокойной Бетти¹⁴, которую я всегда называл вашей боевой подругой. Ей богу, она подтвердит, что это нехорошо»¹⁵.

Говард Фаст с женой Бетти Коэн (Bette Cohen), 1947 год

¹³ Там же. Л.35–36.

¹⁴ Бетти Коэн (Bette Cohen) – скульптор, жена Г.Фаста.

¹⁵ РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.39. Л.31–38.

КОПИЯ

РАССЕКРЕЧЕНО

3/

Говарду Фасту

Нью-Йорк, США

Эх, Говард!

Прочитай и свое последнее письмо, прочитай и, честно говоря, превращаясь - какие страшные метаморфозы происходят из белого света! Соросом недавно, всего несколько месяцев назад, был у меня друг, прекрасный революционер, стойкий, мужественный, проникнутый боевым духом, друг моей родины и моего народа. Я гордился этой дружбой. И вот это письмо. Знакомый стиль, знакомая подлинка. Но непонятно оно уже другим - незнакомым мне, мятущимся, блуждающим в лабиринтах человека, неведомо для чего, с поразительной рольностью, открывающимся от всего того, во что он еще недавно верил, что утверждал и защищал.

Совсем недавно, в интервью, доктор Гарри Блардц автор письма заявил, что он не станет ни антисоветчиком, ни врагом коммунизма. А сейчас он, как промокашка, впитывает антисоветские и антикоммунистические слухи и берет материал для публичных размышлений из арсенала тех самых пролетарских холодной войны, к которым сам, совсем еще недавно, относился с презрением. Я обреченась к тому, прежнему Говарду Фасту, с которым еще недавно мы действительно хорошо понимали друг друга, и спрашиваю: зачем это? И чему? Кому и чему на пользу?

Да, Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, партии, членом которой я имею честь состоять, мужественно рассказывал коммунистам о том, что породил культ личности И.В.Сталина. ЦК рассказывал об этом с верой в справедливость и надежную стойкость наших людей, и ЦК не ошибся в этой своей вере. Мы узнали многие, ранее и нам неизвестные, тяжелые и трагические факты. Но мы не дрогнули, не поколебались. Мы поняли, что ЦК мужеством обнажил эти раны, чтобы они скорее зажили, и теперь все мы радуемся, наблюдая, как изо дня в день у нас на глазах они быстро зарубцовываются на мощном и здоровом теле. Не удивляло нас и то, что всегдашние политические и идеологические противники нашей страны, воспользовавшись случаем, стали бросать воду в эти раны, с явной целью - помешать их заживлению и смутить умы восточных среди наших друзей. Что-ж, в

17873

Черновик письма Б.Полевого Г.Фасту, 1957 год (РГАНИ)

Несмотря на то, что Полевой приложил немало усилий, чтобы текст ответного послания Фасту понравился в ЦК, Шепилов и Сулов не-

сколько раз заставляли его переделывать написанное. Окончательный вариант письма Полевой направил в ЦК 27 июня 1957 г. В сопроводительной записке он уверял тамошних начальников, что, следуя их совету, «заставил себя как можно спокойней и аргументированней ответить на его (Фаста. – Г.К.) инсинуации, почерпнутые из выгребных ям разных "голосов" ("Голос Америки". – Г.К.)». Вместе с тем писатель счел необходимым предупредить ЦК, что, вступив в полемику со «взбесившимся мелким буржуа» Фастом, можно легко «подставиться под удар... на одном совершенно незащищенном у нас направлении – положении еврейской культуры, которая продолжает оставаться у нас ахиллесовой пятой»¹⁶. Данное замечание писателя было, наверное, единственным проявлением здравого смысла в его письменной реакции на демарш Говарда Фаста.

Неизвестно, вняли ли в ЦК этому резонному предостережению или там просто поняли, что игра с Фастом уже проиграна и тот окончательно потерян для советской пропаганды. Во всяком случае, вскоре в верхах было «признано целесообразным» не отвечать американскому писателю, и многожды отредактированное послание Полевого было за ненадобностью отправлено в архив. Развивая это решение, Пономарев 14 августа 1957 г. внес в Секретариат ЦК предложение развернуть в СМИ кампанию по «разоблачению предательской деятельности Фаста», задействовав для этого и руководство ССП. Это означало объявление американскому писателю пропагандистской войны. И вот 30 января 1958 года в «Литературной газете» появилась направленная против него зубодробительная статья Николая Грибачева¹⁷ – главного редактора предназначавшегося для заграницы журнала «Советский Союз», а в

¹⁶ Там же. Л.29–30.

¹⁷ *Объективности ради следует отметить, что поэт-фронтовик Николай Грибачев, несмотря на обласканность властью (удостаивался Сталинских и Ленинской премий, имел звание Героя Социалистического Труда и пр.), отнюдь не всегда и не во всем был ее послушным пропагандистским орудием. Например, после смещения Хрущева взял на работу в редакцию его опального зятя Алексея Аджубея, позже демонстративно выступил против присуждения Леониду Брежневу Ленинской премии за «Малую землю». По отзывам работавших в «Советском Союзе» (журнал издавался с 1950 года вместо иллюстрированного издания «СССР на стройке») евреев, благодаря «главному», «национально-вопроса» в редакции не существовало (Биккенин Н.Б. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. М., 2003).*

недавнем прошлом активного борца с «безродным космополитизмом». Впрочем, свою лепту в дискредитацию Фаста внес и упоминавшийся недавний «космополит» Изаков (в 1949 году был уволен из редакции «Правды»). В февральском номере журнала «Иностранная литература» за 1958 год он «пригвоздил к позорному столбу» этого лично знакомого ему «рenegата»¹⁸.

На этом, собственно, и завершилась примечательная история об идейном разводе Говарда Фаста с коммунистическим Советским Союзом. Подводя итог, резонно задаться вопросом, а был ли Фаст до конца искренним в своем запоздалом развенчании сталинизма и руководствовался ли он при этом исключительно идейными соображениями? К сожалению, анализ вскрывшихся недавно фактов не дает однозначного ответа на этот вопрос.

Настораживает хотя бы уже то, что, обращаясь в марте 1957 года к Полевому, Фаст писал: «Возможно, глупо, что я не знал об этом терроре (сталинском. – Г.К.) раньше, но я действительно о нем ничего не знал»¹⁹.

В подобное наивное неведение никогда не витавшего в эмпиреях Фаста поверить трудно. Вряд ли он не читал, скажем, вышедший в свет еще в 1940 году и широко известный на Западе роман Артура Кестлера (Arthur Koestler) «Слепящая тьма» (“Darkness at Noon”), в котором ярко и убедительно обличался сталинский политический террор. Когда в мае 1949 года в Париже проходил спонсированный СССР Всемирный конгресс сторонников мира, Фаст, уже наверняка знавший об арестах советских еврейских писателей, приставал с расспросами о них к Александру Фадееву, который потом жаловался Эренбургу: «А меня замучил Фаст – хотел, чтобы я ему все объяснил...»²⁰ Впрочем, Фадееву удалось

¹⁸ Изаков Б.Р. *Две исповеди Говарда Фаста* // *Иностранная литература*. 1958. №2. С.214–220. РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.39. Л.39–41.

¹⁹ Там же. Л.23.

²⁰ Эренбург И.Г. *Люди, годы, жизнь* // Эренбург И.Г. *Собрание сочинений / Сост. и подг. текста И.Г.Эренбург, Б.Я.Фрезинский; коммент. Б.Я.Фрезинский. М.: Художественная литература, 2000. Т.8. С.245. – На случай подобных обращений к Фадееву со стороны западных левых специалистами с Лубянки и Старой площади была подготовлена для него следующая легенда, призванная оправдать внезапное исчезновение советских еврейских писателей. Якобы во время визита в 1943 году в США Соломона Михоэлса и Ицика Феффера последний был завербован американскими спецслужбами. Возвратившись в СССР,*

тогда задобрить назойливого американца посредством передачи крупной суммы наличными, которые специально для таких случаев выделялись генсеку ССП в ЦК. Скажем, перед отъездом Фадеева в 1951 году в США Политбюро ЦК ВКП (б) приняло 22 февраля специальное постановление о выдаче ему «на специальные нужды» 20 тысяч долларов²¹. А 8 марта 1952 г. таким же образом было оформлено решение «о выплате гонорара американскому писателю Говарду Фасту за вышедшие на русском языке роман "Дорога свободы" ("Freedom Road". – Г.К.) и книгу "Пикскилл, США" ("Peekskill: USA". – Г.К.) в сумме 15 218 рублей в долларах США»²².

Говард Фаст выступает на Парижском конгрессе мира в 1949 году

Фефер смог заманить в свои «шпионские сети» почти всех остальных членов Еврейского антифашистского комитета. И когда это открылось Михоэлсу и тот попытался разоблачить предательство своего ближайшего помощника, тот, заманив в январе 1948 года артиста в Минск, подстроил смертельный наезд на него грузовика. Именно это, как утверждал потом Фаст, и поведал ему в Париже Фадеев (Эстрайх Г. Советские заботы нью-йоркского редактора Пола Новика // Русское еврейство в зарубежье. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. Т.20. Русские евреи в Америке. Кн.4 / Ред.-сост. Э.Зальцберг. С.58–59).

²¹ РГАСПИ. Ф.17. Оп.162. Д.45. Л.129.

²² Там же. Оп.3. Д.1093. Л.10.

Более чем закономерным выглядит получение Фастом в начале 1953 года международной Сталинской премии «За укрепление мира и дружбы между народами». Произошло это в разгар печально знаменитого «дела врачей», об антисемитской направленности которого тот не мог не знать хотя бы уже потому, что в США оно вызвало массовые протесты общественности. Очень неубедительным выглядит позднее лукавое оправдание Фаста: денежный эквивалент данной премии в размере 25 тысяч долларов он де принял не из рук советских руководителей, а от Луи Арагона (Louis Aragon). Правда, Фаст предусмотрительно не уточнил, что Арагон выступал не как частное лицо, а как руководитель созданного Сталиным Всемирного совета мира. На полученные деньги Фаст основал собственное издательство “The Blue Heron Press”, которое занялось выпуском его отвергнутого другими издательствами романа «Спартак» (“Spartacus”).

В 1954 году Гослитиздат напечатал «Сборник рассказов американских писателей». В предисловии к нему упоминалась статья Фаста «Литература и действительность», в которой главной целью «прогрессивных» американских писателей было названо создание образа положительного героя-коммуниста. Этот призыв так покорило гениального музыканта и наивного политика Дмитрия Шостаковича, что он чрезвычайно высоко оценил это издание²³.

И в дальнейшем Фаст неоднократно финансово подпитывался Советским Союзом. Он так вошел во вкус от щедрот, изливавшихся на него из Москвы, что, получая в советском посольстве в ноябре 1956 года (сразу после трагических событий в Венгрии!) очередной гонорар, заявил, что если бы он жил в СССР, то у него уже были бы на текущем счету два миллиона. Конкретно советские дипломаты передали в тот раз Фасту 600 тысяч долларов – плату за издание в СССР 300-тысячным тиражом русской версии «Спартака»²⁴. Это был самый большой куш, сорванный им в политической игре в русскую рулетку. Правда, сам он вопреки очевидным фактам отрицал получение этих денег (как, впрочем, и вообще гонораров от советских издательств). Однако

²³ Письмо Д.Д.Шостаковича – И.Д.Гликману от 12 сентября 1958 // *Литературные новости*. 1994. Апрель–май. № 9–10. С.15.

²⁴ Коваль Л. «Говард Фаст – псаломщик ревизионизма» // *Заметки по еврейской истории*. 2004. Сентябрь. №46. URL: www.berkovich-zametki.com

это опровергается секретным донесением в ЦК Изакова, присутствовавшего в тот момент в посольстве и направившего потом соответствующее донесение Суслову²⁵.

Но самое главное заключалось в том, что о выходе из компартии Фаст решил объявить, как упоминалось, только в феврале 1957 года. Очевидно, к тому времени он получил весь гонорар, причитающийся ему по советским контрактам, и потому уже не боялся материально пострадать в случае политического конфликта с Москвой. К тому же денежные дела писателя в США пошли тогда в гору: после шести лет официальных гонений и запрета на профессию у него появился тогда крупный коммерческий издатель. Об этом в апреле 1957 года сообщил Полевому известный американский писатель и сценарист Альберт Мальц (Albert Maltz), который, как и Фаст, пострадал от преследований сенатской комиссии Джозефа Маккарти (Joseph McCarthy): был включен в «голливудский черный список» и вынужден был бежать в Мексику. Давно знакомый с Фастом, он нарисовал следующий его психологический портрет: «Он один из самых сложных людей, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться. ...Он ни в коей мере не является цельным человеком, скроенным из одного куска... он всегда оставался существом, терзаемым различными стремлениями и желаниями, которые никогда не находили удовлетворения и разрешения. ...В последние шесть лет, со времени его тюремного заключения, он страшно страдал ужасными головными болями, которые врачи не могли ни облегчить, ни объяснить... я никогда не мог предсказать, как он поведет себя в той или иной ситуации... не могу сделать этого и сейчас»²⁶.

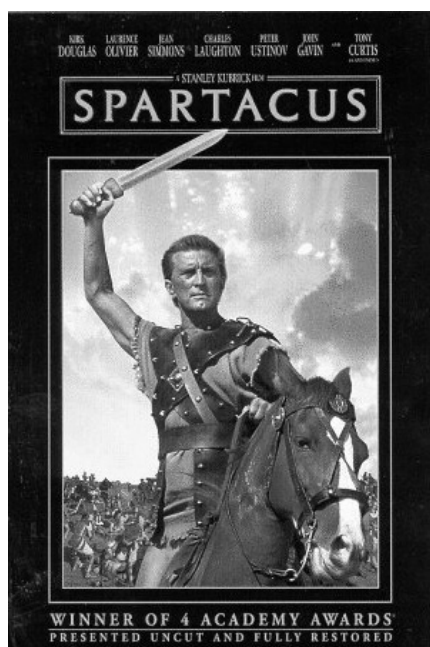
В том же 1957 году в США с шумным рекламным сопровождением был издан антисоветский автобиографический роман Фаста «Голый бог: писатель и коммунистическая партия» (“The Naked God: The Writer and the Communist Party”), живописавший его глубокое разочарование в советском коммунизме и знаменовавший собой полный разрыв с СССР. Уже в следующем 1958 году эта книга вышла в русском переводе в Мюнхене, где ее издало опекавшееся ЦРУ Центральное объединение политических эмигрантов из СССР. Одновременно как на дрожжах стали расти показатели продаж «Спартака», который в общей сложно-

²⁵ РГАНИ. Ф.5. Оп.36. Д.18. Л.96–98.

²⁶ Там же. Д.39. Л.24.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ РАЗРЫВА ГОВАРДА ФАСТА С СССР

сти разошелся в количестве полутора миллионов экземпляров. Немалые средства писатель получил и от продажи авторских прав на роман Голливуду. Там его очень успешно экранизировал в 1960 году (фильм получил статуэтки «Оскар» по четырем номинациям) талантливый режиссер Стэнли Кубрик (Stanley Kubrick) и продюсировал не менее талантливый актер Керк Дуглас (Kirk Douglas; исполнил заглавную роль). Оба они родились в еврейских семьях, происходивших из Центральной и Восточной Европы.

Афиша фильма «Спартак»

Если судить по коммерческому успеху, который с тех пор стал сопутствовать Фасту, тот не прогадал оттого, что, хоть и с некоторым запозданием, отказался от спонсорской подпитки из Москвы, чрезвычайно вредившей его репутации. В беспомощных и межеумочных антисталинистских метаниях хрущевского режима «прогрессивный» американский писатель чутко уловил начало конца большевистской империи и благоразумно отказался от ее покровительства. Впрочем, видеть в

этом судьбоносном для Фаста решении только голый холодный расчет было бы чрезмерным упрощением ситуации. Наверняка его, как и всякого свободомыслящего интеллектуала, обуревали при этом и сильные эмоции, рожденные прежде всего инстинктивным протестом против грубого силового подавления советскими властями всяких проявлений вольнолюбия и политического протеста как у себя в стране, так и в государствах Восточной Европы. Однако, несмотря на подобные душевные переживания, Фаст, думается, вряд ли находился в их полной власти. Скорей, не они повелевали им, а он ими, не позволяя себе ни на минуту усомниться в искренности собственных благородных чувств и демонстрируя подобно опытному актеру тонкую поведенческую игру. Будучи своего рода политическим лицедеем, писатель до конца жизни продолжал пропагандировать свой антибуржуазный имидж левого интеллектуала и нонконформиста. В 1980-х годах он, по свидетельству бывшего сотрудника «Голоса Америки» Владимира Мартина (Vladimir Martin; born Matlin) резко нападал на администрацию президента Рональда Рейгана (Ronald Wilson Reagan), обвиняя ЦРУ и Пентагон в стремлении установить в США фашистский режим и ввергнуть человечество в новую мировую войну²⁷. А в 1990 году в свет вышла автобиография Фаста с эпатажным заголовком «Быть красным» («Being Red. A Memoir»)²⁸.

Показательно, что этот литератор, так много поработавший на свою репутацию радикала, фрондера и бунтаря, тихо отошел в мир иной на восемьдесят девятом году жизни в собственном доме в городе Олд-Гринвич (Old Greenwich, Connecticut) в обстановке почтенной благопристойности. Произошло это 12 марта 2003 г. Историкам и исследователям жизни и творчества Говарда Фаста предстоит еще немало потрудиться, чтобы сквозь наслоения сотворенного им для себя романтического имиджа независимого левого интеллектуала разглядеть истинное лицо этого сложного и противоречивого человека. Вместе с тем уже сейчас со всей определенностью можно сказать, что разрыв Фаста с СССР не был случайностью, спровоцированной только личными интересами и индивидуальными особенностями психики американского

²⁷ *Матлин В. Как я однажды не побеседовал с Говардом Фастом // Заметки по еврейской истории. 2008. Июль. №7 (98). URL: www.berkovich-zametki.com*

²⁸ *Фаст Г. Быть красным / Пер. Н.Анастасьева // Дружба народов. 2001. №10–11.*

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ РАЗРЫВА ГОВАРДА ФАСТА С СССР

писателя. По преимуществу это было объективно закономерное событие, символизировавшее собой вступление в активную фазу процесса размежевания между советским коммунизмом и западной либеральной интеллигенцией. Убедительное подтверждение тому зафиксировано в записи состоявшейся 13 сентября 1957 г. беседы посла СССР в Израиле Александра Абрамова с директором восточноевропейского департамента МИД Израиля Арье Эшелем (Arie Eshel), который высказался тогда следующим образом: «Советский Союз пользовался большой симпатией в Израиле и среди евреев всего мира, особенно среди евреев США. Евреи сыграли большую роль в установлении дипотношений между США и СССР, в создании антигитлеровской коалиции. Теперь Советский Союз теряет друзей как здесь, в Израиле, так и в западных странах. Выход Говарда Фаста – еврея по национальности – из американской компартии из-за несогласия с позицией СССР по еврейскому вопросу не является единичным фактом. С этим нельзя не считаться»²⁹.

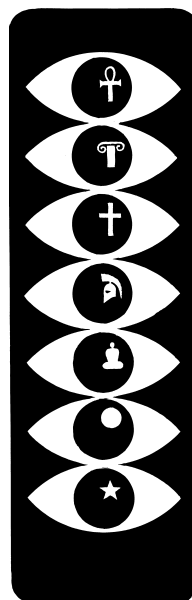
²⁹ *Архив внешней политики Российской Федерации. Ф.089. Оп.10. П.23. Д.3. Л.105–106.*

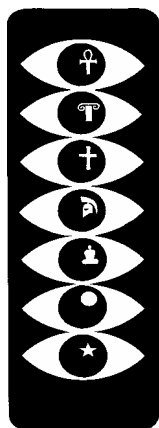
Несмотря на разноголосицу чувств и интересов, на шум и толкотню описываемых событий, в летописном рассказе нет хаоса: все события, мелкие и крупные, стройно укладываются под один взгляд, которым летописец смотрит на мировые явления.

Летописца гораздо более занимает сам человек, его земная и особенно загробная жизнь. Его мысль обращена не к начальным, а к конечным причинам существующего и бывающего. Историк-прагматик изучает генезис и механизм людского общежития; летописец ищет

в событиях нравственного смысла
и практических уроков для жизни;
предметы его внимания –
историческая телеология
и житейская мораль. На мировые
события он смотрит
самоуверенным взглядом
мыслителя, для которого механика
общезития не составляет загадки:
ему ясны силы и пружины,
движущие людскую жизнь.

В.О.Ключевский

АКТУАЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕГО ТЕКСТА¹

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94(47)"12"

The magazine publishes materials of the conference held in October, 2013, at the Department of philology of the Lomonosov Moscow State University. The conference was dedicated to one of the most ancient monuments of the Russian literature, The Primary Chronicle. It is the most ancient code of the Russian history. It contains the most important mythologemes and ideologemes of the East European past. Participants of the conference focused of issues of hermeneutics, the text's integrity and origins of The Primary Chronicle. The significance of the monument is not limited to narrow professional interests of medievalists. For The Primary Chronicle was intended to provide the answer to the question: "Wherefrom the Russian land has emerged?"

Ключевые слова: «Повесть временных лет»; историософия; проблема целостности текста; фонд русской национальной мифологии.

Key words: the Primary Chronicle; historiosophy; problem of a text's integrity; code of the Russian national mythology.

E-mail: aranchin@mail.ru

¹ По материалам конференции «Повесть временных лет»: поэтика и история текста. 1113–2013», прошедшей 23 декабря 2013 года на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова (кафедра истории русской литературы, организаторы – А.А.Пауткин и А.М.Ранчин). Редактор-составитель А.М.Ранчин.

ОТ РЕДАКЦИИ:

В журнале публикуются материалы конференции, состоявшейся в декабре 2013 года на филологическом факультете МГУ им. М.В.Ломоносова и посвященной одному из древнейших памятников русской словесности, «Повести временных лет». Перед нами уникальный свод русской истории, памятник, заключающий важнейшие мифологемы и идеологемы восточнославянского прошлого. Участники конференции сосредоточились на проблемах герменевтики, целостности текста и происхождении «Повести временных лет», значение которой не ограничивается по-прежнему специфическими профессиональными интересами медиевистов и научными темами. Ведь «Повесть временных лет» была призвана ответить на вопрос: «Откуда пошла еать Русская земля?» В наше время проблема обретения идентичности, познания самих себя и своего исторического пути не может быть отделена от глубокого изучения источников. Особенно если речь идет об источниках первого ряда, без которых невозможно даже представить народ и его культуру. «Повесть временных лет», безусловно, является тем важным звеном, которое сообщает восточнославянскому историческому самосознанию необходимое единство и определяет глубину общей исторической памяти.

Убиение святого Глеба («Повесть временных лет» под 6523/1015 г.
Миниатюра из Радзивилловского списка XV в.)

Андрей Михайлович Ранчин

«Повесть временных лет»: актуальность древнего текста

Повесть временных лет (далее – ПВЛ) может изучаться в нескольких аспектах. Это *литературный текст* в широком смысле слова – один из самых ранних памятников древнерусской (восточнославянской) словесности, причем отдельные его пласты, несомненно, написаны раньше других дошедших до нас древнерусских произведений. Как заметил полтора века назад К.Н.Бестужев-Рюмин, эта летопись является «архивом, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы»². В то же время ПВЛ – одно из первых древнерусских произведений историософского характера. Без исследования этого памятника невозможно понять и своеобразие древнерусской книжности, и даже особенности позднейшей русской литературы: эхо, отголосок старинных летописных сказаний различимы в ней на протяжении многих столетий. ПВЛ сформулировала те парадигмы, те модели описания исторических событий, которые сохраняют значение и для поколения Карамзина, не случайно названного Пушкиным «последним летописцем», и для самого Пушкина. И для Льва Толстого – создателя собственной историософской концепции, созвучной летописному провиденциализму и морализму в высшем и лучшем смысле этого слова³. И для Салтыкова-Щедрина, пародирующего летописное сказание о призвании варягов в своей «Истории одного города» и оценивающего отказ народа от власти и ее передачу монарху как некое первопреступление, исказившее весь ход дальнейшей русской и российской истории. И для Солженицына – автора «Красного Колеса» – «повествования в отмеренных сроках» (ср. название «Повесть временных лет»), свободно монтирующего документальные фрагменты с беллетристическими⁴. Наконец, для Бориса Акунина, недавно обратившегося к событиям далекого прошлого, описанным в ПВЛ, и как историк-популяризатор, и как писатель.

² Бестужев-Рюмин К.Н. *О составе русских летописей до конца XIV в. // Летопись занятий Археографической комиссии. 1868. Вып.4. Отд.1. С.59.*

³ См. прежде всего: Эйхенбаум Б.М. *Черты летописного стиля в литературе XIX в. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т.14. С.549–550.*

⁴ См. об этом: Ранчин А.М. *Летопись Александра Солженицына // Стрелец. 1995. №1 (75). С.176–192.*

Уже в раннем русском летописании сложился образ летописца – искреннего, правдивого свидетеля, обличающего неправду мира подобно библейским пророкам. С этим образом преемственно связана русская литература Нового времени, воплотившая представление о писателе как носителе высокого (квази)сакрального и учительного предназначения⁵. Однако поэтика ПВЛ как единого текста пока что исследована лишь в общих чертах, а проблема ее концептуальной целостности остается предметом дискуссий⁶.

ПВЛ – это также и ценнейший *лингвистический источник*. И, конечно, прежде всего, это *источник исторический*, причем первостепенный; хотя не только многие ранние известия этого летописного свода недостоверны или не вполне достоверны и для установления их истинности требуется проверка другими источниками, реконструкция истории Киевской Руси второй половины X – начала XII века основывается преимущественно именно на сообщениях этого памятника. Выразительно определил древнейшее русское летописание Г.М.Прохоров: «Уподобляя Русскую землю человеку, можно сказать, что она, Русская земля, их (летописцев. – А.Р.) руками вела свой *дневник* (курсив оригинала. – А.Р.)»⁷.

Между тем достоверность многих известий или целых сказаний в составе ПВЛ, прежде обычно не вызывавших сомнений, в последнее время подверглась отрицанию. Это относится, например, к летописной повести об убиении Бориса и Глеба⁸ и к известиям о брате Владимира Мономаха и

⁵ Ср. об этой установке в русской литературе Нового времени: Лотман Ю.М. *Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция* // Лотман Ю.М. *О поэтах и поэзии*. СПб., 1996. С.255.

⁶ В первую очередь необходимо, на мой взгляд, упомянуть работы: Петрухин В.Я. *Древняя Русь. Народ. Князь. Религия* // *Из истории русской культуры*. М., 2000. Т.1. *Древняя Русь*. С.66–69 и др.; Сендерович С.Я. *Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии* // Там же. С.461–499 (моя критическая оценка этого подхода); Ранчин А.М. *Метод А.А.Шахматова и проблема единства текста Повести временных лет: о концепции С.Я.Сендеровича* // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2008. №3. С.56–58); Шайкин А.А. *Повесть временных лет: История и поэтика*. М., 2011.

⁷ Прохоров Г.М. «Временные лета»: древнерусское летописание как жанр // Прохоров Г.М. «Некогда не народ, а ныне народ Божий...»: *Древняя Русь как историко-культурный феномен*. СПб., 2010. С.115.

⁸ Последняя работа, в которой утверждается эта идея, – книга С.М.Михеева «Святополк съезде в Киев по отци»: *Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках* (М., 2009). Критику этой работы см., например, в моей книге «Борис и

эпизодическом персонаже «Слова о полку Игореве» князе Ростиславе, недавно в одной статье объявленном фигурой химерической, выдуманной в политических целях⁹. Не признается порой даже историческая реальность сообщений о таком институте, как вече¹⁰.

В конечном счете, сомнения в достоверности сообщений ПВЛ и споры по этому поводу связаны с различными представлениями о языке (в семиотическом смысле слова) историописания, присущем ее составителям, о соотношении фактографических известий, книжной топики, символических элементов, отсылающих к Священному Писанию¹¹. Без разрешения этих проблем и достижения согласия среди исследователей невозможна адекватная и убедительная интерпретация летописного текста. А ведь до сих пор нет единого мнения даже о том, что значит выражение *временные лета* и как его переводить на современный русский язык¹².

Сложности исследования ПВЛ связаны и с чрезвычайно запутанной и сложной историей текста памятника. Концепция А.А.Шахматова, сформулированная в работах приблизительно столетней давности и господство-

Глеб» (М., 2013. С.169–182).

⁹ Вилкул Т. Полезный утопленник // *Родина*. 1999. №4. С.42–44. Ср. обоснованную критику этой гипотезы: Шайкин А.А. Брат Мономаха // Шайкин А.А. Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI–XVI веков. М., 2005. С.441–449.

¹⁰ См.: Вилкул Т.Л. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI–XIII вв. М., 2009; а также полемику по этому поводу: Лукин П. Деконструкция деконструкции: О книге Т.Л.Вилкул по истории древнерусского веча // *Scrinium*. 2008. [Вып.] IV. С.403–434; Вилкул Т.Л. По поводу рецензии П.В.Лукина «Деконструкция деконструкции» // *Ibid*. 2009. [Вып.] V. С.461–494; Лукин П.В. Нужно ли нам новаторство? (Об ответе Т.Л.Вилкул) // *Ibid*. 2009. [Вып.] V. С.495–511. Мне точка зрения П.В.Лукина представляется более убедительной.

¹¹ См. в связи с этим, например: Данилевский И.Н. «Повесть временных лет»: Опыт герменевтического прочтения летописного текста. М., 2004; Каравашкин А.В. Лабиринты центонно-парафразового метода // *Источниковедение культуры: Альманах*. М., 2007. Вып.1. С.354; Ранчин А.М., Лаушкин А.В. Еще раз о библеизмах в древнерусском летописании // Ранчин А.М. Вертоград златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С.24–41; Юрганов А.Л. Древнерусский автор и топосы // *Источниковедение культуры*. Вып.1. С.325–350; и др.

¹² См. прежде всего: Гиппиус А.А. «Повесть временных лет»: о возможном происхождении и значении названия // *Из истории русской культуры*. Т.1. С.448–460; Прохоров Г.М. Указ. соч. С.108–112.

вавшая на протяжении последующего времени, в последние годы в ряде работ подверглась частичной ревизии и существенной корректировке¹³.

Между тем разрешение этих вопросов, а тем самым и изучение ПВЛ в целом – занятие, имеющее отнюдь не только академическое, не только чисто научное значение. ПВЛ – это текст, который содержит описания событий, вошедших в фонд русской национальной мифологии. Речь идет не об идеологических мифах, создаваемых *ad hoc* и отличающихся эфемерностью и недолговечностью, а о глубинных элементах национального самосознания, имеющих в любой культуре характер символическо-мифологический. Едва ли стоит распространяться о произошедшей в последнее время актуализации в обществе проблем изучения отечественной истории и отношения к своему прошлому: споры о необходимости создания единого учебника истории (мне лично эта идея внушает опасения) – лишь одно из немногих свидетельств этого. Тот, кто подумает, что обжигающе жгучими могут быть лишь дискуссии о недавнем прошлом – об Октябре 1917 года или о предпосылках и ходе Великой Отечественной войны, – ошибется: яростные споры в непрофессиональной среде вызывают и отношение к крещению Руси, и роль Хазарского каганата, демонизированная в конспирологическом роде с нелегкой руки Л.Н.Гумилева, и оценка воинственного Святослава Игоревича, и роль Византии, и происхождение русов. Желая обнаружить эти споры, нередко переходящие в откровенную брань или в политические обвинения, может прогуляться по просторам Рунета. Россия, как известно, страна с непредсказуемым прошлым, и переписывание истории происходит отнюдь не только по воле властей: оно практикуется различными группами общества. Отсутствие согласия в оценке событий давнего прошлого усугубляется профанированием истории в СМИ, когда, например, летописное предание о призвании варягов объявляется или измышлением коварных греков-книжников, пы-

¹³ См., например: Гиппиус А.А. 1) *До и после Начального свода: ранняя история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: Археологическая панорама / Отв. ред. Н.А.Макаров. М.; Вологда, 2012. С.36–63;* 2) *К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С.41–49;* Михеев С.М. *Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011;* Цукерман К. *Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник / Ред. К.Цукерман. Paris, 2009. С.183–305.*

тавших отнять у русичей национальное достоинство и гордость, или измышлением злокозненных немцев в XVIII веке¹⁴.

Происходит размывание научности: если доказательность, верификация суждений не обязательны, то все позволено. Средства массовой информации начинают претендовать на роль основного арбитра в установлении исторических фактов: «Сейчас фантазии Фоменко на тему истории уже тонут в потоке других печатных и телевизионных выступлений такого же рода, безудержно перекраивающих – каждый раз по-своему – историю России и всего мира»¹⁵. Как заметил А.А.Зализняк, «вообще, ниспровержение традиционной науки стало модным и дает хорошие дивиденды искателям публичного успеха». Тележурналисты проводят теперь как диспуты с участием одновременно и профессиональных исследователей, и дилетантов, так и общественные голосования по вопросам, относящимся к компетенции гуманитарных наук. Правда, надеется А.А.Зализняк, «к счастью, пока еще кажется немыслимым, чтобы телевизионными диспутами или телевизионным голосованием устанавливалось, что верно и что неверно в химии или в физике, не говоря уже о математике. Но нельзя гарантировать, что развитие данной тенденции не приведет и к такому»¹⁶.

Боюсь, что все еще серьезнее. Для массового сознания «исторические» сведения, полученные из сообщений СМИ, низкопробных книжонок и даже слухов, уже обладают весомостью большей, чем ученые штудии: комментарии на исторические темы в социальных сетях Рунета это подтверждают. Возможно ли противостояние этому мракобесию посредством популяризации подлинных научных знаний – вопрос риторический. Но пытаться все равно нужно.

Животрепещущим и злободневным изучение ПВЛ становится и в ситуации украинно-российской розни: ведь древнейшая восточнославянская

¹⁴ Примерам такого рода утверждений несть числа. Звучали они, в частности, в программе Анны Прохоровой «В центре событий» (канал ТВЦ) и в ряде передач на РЕН ТВ (См. в связи с этим также: Ранчин А.М. История «для бедных»: русские древности на телевидении, в кинематографе и в просветительской литературе // *Новый мир*. 2011. №9. С.156–177).

¹⁵ Зализняк А.А. О профессиональной и любительской лингвистике [Ч.1] // *Наука и жизнь*. 2009. №1. Цит. по электронной версии: URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/15245/>

¹⁶ Зализняк А.А. О профессиональной и любительской лингвистике [Ч.2] // *Наука и жизнь*. 2009. №2. Цит. по электронной версии: URL: <http://www.nkj.ru/archive/articles/15352/>

летопись содержит мифологемы, составляющие общее наследие русских, украинцев и белорусов, – то, что роднит, а не разделяет¹⁷.

**К вопросу об истории текста
летописной повести о Борисе и Глебе**

Традиционно считалось, что летописная повесть о Борисе и Глебе (далее – ЛП) принадлежит к самому раннему слою статьи 6523 года. Лишь С.М.Соловьев обратил внимание на то, что и перед текстом ЛП, и после него идет сообщение о приходе Святополка к власти и о раздаче им даров киевлянам, и посчитал этот повтор свидетельством вставного характера ЛП¹⁸. Недавно это мнение поддержал С.М.Михеев¹⁹. Помимо дублировки, на поздний характер ЛП, как он считает, указывают новая форма аориста *рекь*, нехарактерная для ранних пластов ПВЛ, и предпочтение при смене грамматического субъекта более новой конструкции с союзом *же*, а не конструкции с союзом *и*, свойственной ранним слоям ПВЛ.

Однако дублировку в статье 6523 года допустимо объяснить и иначе – соединением в ней киевского источника, к которому может восходить ЛП, и новгородского, из которого взят рассказ об избииении новгородцами варягов и о мести Ярослава. О новгородском происхождении последнего рассказа убедительно писал еще А.А.Шахматов. Соответственно, одно из известий о раздаче даров могло быть заимствовано из киевского, а другое – из новгородского летописания. Показательно, что два известия о раздаче даров текстуально существенно различаются, то есть одно из них едва ли является результатом механического переписывания другого. Правда, А.А.Гиппиус, в целом принявший версию С.М.Михеева, склонен считать, что рассказ о событиях в Новгороде появился в составе киевского, а не новгородского свода²⁰. Новгородские реалии в этом рассказе он объясняет

¹⁷ Главные мифологемы ПВЛ родственны соответствующим сюжетам и в средневековой историографии западных и южных славян (См.: Щавелёв А.С. *Славянские легенды о первых князьях: Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян*. М., 2007).

¹⁸ Соловьев С.М. *История России с древнейших времен*. М., 1959. Кн.1. (Т.1–2). С.321, примеч.294.

¹⁹ Михеев С.М. 1) «Святополкъ съде въ Киевъ по отци». С.121–122, 134–135; 2) Кто писал «Повесть временных лет»? С.112, 238–240.

²⁰ Гиппиус А.А.: 1) До и после Начального свода: ранняя история Руси как объект текстологической реконструкции // *Русь в IX–X веках: Археологическая панорама*. М.; Воло-

новгородским же происхождением летописца. Однако такое сложное объяснение представляется слишком замысловатым и недостаточно аргументированным.

Что же касается лингвистических критериев, в частности использования более архаичной синтаксической связи с союзом *и* или же более новой модели с союзом *же*, то их значимость относительна, так как их бóльшая или меньшая древность обосновывается текстологическими аргументами, которые сами также имеют относительный, а не абсолютный вес. Кроме того, в рассказе о смерти и погребении Владимира, относимом С.М.Михеевым к древнейшему пласту статьи 6523 года, никакого предпочтения *и*-модели в сравнении с *же*-моделью нет (соотношение 0 : 1)

Таким образом, мнение о позднем, вставном характере ЛП не представляется бесспорным.

Андрей Каравашкин

«Повесть временных лет»: текст и метатекст

Проблема целостности древнейшей восточнославянской летописи по-прежнему остается одной из открытых и спорных. Современные медиевисты отмечают недостаточность традиционной текстологической аналитики, когда смысловая полнота и завершенность источника приносится в жертву его гетерогенности, компилятивности. Возвращаясь к этой теме, следует обратить внимание на ряд существенных обстоятельств.

В «Повести временных лет» совершенно очевидна тенденция регулярного подведения итогов большого раздела (выводы, относящиеся к одной погодной записи или нескольким, сгруппированным тематически). Перед нами не случайные вкрапления в ткань исторического рассказа, но намеренная идейная и композиционная стратегия, и вряд ли справедливо утверждение о том, что «религиозные воззрения... не пронизывали собою всего летописного изложения»²¹. Комментарии летописца охватывают

гда, 2012. С.59–60; 2) К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Материалы конференции. М., 2012. С.45.

²¹ Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (историко-литературный очерк) // Повесть временных лет. СПб., 1996. С.297. – Разумеется, религиозные идеи заявляли о себе не всегда, но все-таки с достаточной регулярностью. Религиозный комментарий должен быть уместным, преследовать определенную цель. Многие сведения не затрагивают

большой промежуток от недатированного периода русской истории и княжения «вещего» Олега до похода на половцев Владимира Мономаха в 1111 году. То есть история дальняя (легендарная) и ближняя (сохранившаяся в памяти современников Нестора) избрана объектом последовательной богословской интерпретации. Постепенно событийная канва становится более развернутой и детальной, а комментарии летописца – более обстоятельными. Отступления нравственно-религиозного характера снабжаются к тому же выборками из библейских книг (причем в некоторых случаях речь идет именно о цитатах, поскольку автор дает прямые ссылки на источник «чужого» слова). Подобные «вставки»²² служат и формальными приметам подразделения материала на внутренние рубрики, не совпадающие с погодным композиционным принципом. «В тексте "Повести временных лет" присутствуют связи, формы сопряжения, – замечает исследователь, – как бы "надстроенные" над "погодной сеткой", идущие поверх нее, точнее, пронизывающие ее и сообщающие известную целостность материалу, внешне расчлененному мерным ходом лет»²³. На хроно-

чувств христианина, и летописец относится к ним нейтрально. Лишь самое существенное получает надлежащий комментарий.

²² Концепция, согласно которой многие явные библеизмы «Повести временных лет» имеют вставной и вторичный характер, обоснована Гиппиусом со ссылками на труды предшественников (См.: Гиппиус А.А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литера: К 60-летию В.М.Живова. М., 2006. С.91). В зарубежной и постсоветской отечественной историографии библейской традиции, библеизмам и нравственно-религиозному содержанию «Повести временных лет» уделено специальное внимание (См., например: Антонова Е. Повесть временных лет (к вопросу о художественном единстве) // Русское возрождение. Независимый русский православный журнал. 1995–1996. №64–65. С.183–204; Данилевский И.Н. Библеизмы в «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Вып.3. С.75–97; Лаушкин А.В., Ранчин А.М. Еще раз о библеизмах в древнерусском летописании // Ранчин А.М. Вертоград златословный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С.24–41; Петрухин В.Я. История славян и Руси в контексте библейской традиции: миф и история в «Повести временных лет». // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С.93–112; Сендерович С.Я. Начало восточнославянской историографии с культурологической точки зрения: «Повесть временных лет» и Священная история евреев // Jews and Slavs. Jerusalem, 1994. Vol.2. P.21–57).

²³ Шайкин А.А. Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI–XVI вв. М., 2005. С.93.

логическую сетку наслаивается чисто смысловая: Нестор замыкает несколько рассказов или цепь сообщений ясным выводом, предлагая читателю готовый ответ на вопросы, которые невольно возникают по ходу повествования. Наши наблюдения, полагаем, служат дополнительным аргументом в пользу этой точки зрения.

Елена Конявская

День и ночь в Повести временных лет²⁴

В текстах ранних летописей, в том числе, конечно, и в ПВЛ, а также в нарративных памятниках этого времени можно встретить сюжеты, которые могут служить источниками знаний о том, как строился день наших предков: времени сна и бодрствования, завтрака, обеда и ужина, времени начала работы.

В Поучении Владимир Мономах писал для своих потомков, как должен строить свой день достойный правитель. И о *начале дня* он говорит: «Да не застанет вас с(о)лнце на постели». Хотя более поздние летописные известия показывают, что ранний подъем не был неперменным правилом для князя и его дружины, из Жития Феодосия Печерского мы узнаем, что «вельможи» и бояре едут на княжеский двор на рассвете.

Согласно Владимиру Мономаху, князья и знать старались планировать и осуществлять главные дела в первой половине дня. Причем вначале следует «думати с дружиною» – мероприятие, которое само по себе уже включало планирование действий как долговременных, так и на конкретный день. Далее идет «исправление» суда, ловы и т.д.

Об обеде в ПВЛ говорится редко, но более поздние летописные тексты дают основание считать, что время этой трапезы не было неизменным, но ассоциировалось с серединой дня. Еще более неустойчивым представляется по данным ПВЛ время *завтрака*, о котором речь идет лишь дважды. Рассказ об убийстве Итляря с дружиной показывает, что завтрак предполагался в ближайшее время после того, как половцы встали и «обулись в теплой избе». Другой прецедент – в Повести об ослеплении Василька Тербовльского. На этот раз, напротив, к завтраку он приезжает после неоднократных переговоров с братьями через посольных, на что, безусловно, потребовалось немалое время.

²⁴ Исследование выполнено в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-04-00010.

Ужин упоминается в ПВЛ и вовсе один раз – в той же Повести о Васильке. Князь ужинал в Выдубицком Михайловском монастыре, а *вечером* вернулся в свой стан – к «товарам». Из этого следует, что такой ужин не был поздней трапезой, тем более что речь идет о ноябре, когда темнеет достаточно рано. Но есть свидетельства того, что позднее застолье также случалось. В рассказах о военных походах упоминается, что князь пил с дружиной накануне битвы. Для мирного времени такое указание тоже имеется (см. рассказ в Житии Феодосия о том, как сильный дождь вынудил Изяслава с дружиной остаться вечером в обители).

Несмотря на то, что Владимир Мономах говорит о *послеполуденном сне* как о предписанном Богом, здесь тоже не было власти единой традиции. Под 1097 годом в ПВЛ рассказывается о нападении князя Святоши и Путяты на войско Давыда Игоревича. Оказывается, Давыд не изменяет привычному распорядку даже во время военного похода, позволяя себе послеобеденный сон. Однако показателен эпизод Жития Феодосия с запираем ворот после обеда, о чем не знал Изяслав, а стало быть, этому правилу и не следовал.

Ночь была временем не только сна, но и тайных акций и действий в исключительных обстоятельствах. Есть рассказы о ночных тайных сговорах, получении вести от гонца, скрытых передвижениях, убийствах и даже сражениях (1024 г. при Листвене, 1068 г. на Альте).

Анета Николова

**К вопросу о модели создания первых текстов и агиотипа
страстотерпцев на Руси (долетописная история текста)**

В поисках корней агиотипа князей страстотерпцев в Древней Руси, задавшего специфический канон русской агиографии, наши наблюдения направлены на модели жертвы/себя-жертвы в некоторых из самых ранних славянских житийных текстов. В исследованиях уже выдвигалась идея о близости описания убиения Бориса с ранними славянскими образцами, прежде всего с Житием св. Вацлава, о котором вспоминает и сам Борис в ожидании своих убийц. Как глаголическая, так и кириллическая редакции текста так называемой Востоковской легенды об убиении чешского князя Вацлава содержат мотив предательства и убиения у дверей храма после службы. Заговор против князя представлен вполне в духе библейских топосов. Подобный, также ориентированный на библейскую топику сюжет (убиение Владимира) вошел в летопись Дукли начала XII века, напи-

санную на латинском языке, однако – по собственному утверждению пресвитера летописца – по славянской книге. Южнославянский текст также показывает тождество жертвы князя Владимира с жертвой Христа как повторение евангельской истории. Прежде всего, сам Владимир определяет это как «евангельское поручение».

Сравнение отрывка утрени в текстах Борисоглебского цикла и выявление историко-литургических параллелей приводит к выводу, что существовало раннее житие-мртирий, не дошедшее до нас в самостоятельном виде, в котором описание убийства построено на последовании утрени азматического (достудийского, кафедрально-приходского) типа. Значит, ранний текст можно датировать временем до перенесения Студийского типика на Русь. Рассказ о гибели Бориса построен на литургической модели принесения жертвы/Жертвы и приготовления ее во время проскомидии. Ассоциация с литургическим прободением Агнца подкрепляется и дальнейшим текстом об убийстве Глеба. Обращение возгласа Бориса к Сыну – аналог возгласам причастных молитв литургии в ранних древнерусских списках. Службы св. Борису и Глебу, а также евангельская перикопа от Матфея на общую службу 2 мая продолжают тот же мотив жертвы-агнца. Дошедшие до нас тексты дополняют отрывок о «заутрени» и превращают ее в монастырскую (студийскую).

Следовательно, ранний текст об убийстве Бориса и Глеба построен уже не на евангельской, а на литургической модели приготовления и принесения жертвы/Жертвы, и это не дает нам основания считать, что первый древнерусский мртирий является подражанием другим ранним славянским агиографическим текстам, содержащим мотив убийства князя, несмотря на их упоминание в дошедшем до нас более пространном житийном тексте – Сказании о Борисе и Глебе – имени св. Вацлава (Вячеслава).

Алексей Пауткин

**К проблеме стратификации летописной статьи 6605 года:
культурно-исторический аспект**

Летописную статью 6605 года традиционно именуют «Повестью об ослеплении Василька Теробовльского». Это один из наиболее ярких и широко известных сюжетов ПВЛ. До сегодняшнего дня остается дискуссионным вопрос о сводном характере этой статьи и степени сохранности

сочинения Василия. Уникальность данного фрагмента летописи определяется взаимодействием различных культурных традиций. Здесь обнаруживаются книжные и устно-поэтические влияния, а наряду с христианскими представлениями проявились следы языческой обрядности.

В «Истории» Михаила Атталиата описывается трагическая судьба византийского императора Романа Диогена. Это историческое сочинение дает достаточно интересный материал для сопоставления с летописным рассказом о злодеянии русских князей. Правомерно говорить о возможном творческом импульсе, ориентации древнерусских книжников на византийский образец, что продиктовано констатирующей и своеобразной культурного пространства эпохи²⁵.

Расправа мстителей над инициаторами ослепления осуждается летописцем. Жестокость Ростиславичей неоправданна (повешение и расстрел из луков). Христианские ценности и языческие ритуалы противопоставляются друг другу. Расправа свидетельствует о двоеверческом отношении к силам зла. А.В.Майоров видит в поступках Ростиславичей «древний языческий ритуал (или его пережиток)»²⁶.

Статья 6605 года содержит богатый материал для исследования русско-половецких отношений. Источником сюжета о Боняке и удалце Алтунопе принято считать половецкую песню. В связи с действиями князей юго-запада Руси половцы показаны без негативных оценок. Следы половецкого эпоса находятся в одном ряду с позднейшим рассказом Галицкой летописи XIII века о ханах Сырчане и Отроке.

Сохраненный ПВЛ текст – комплексное явление, подвергшееся позднее редакторской правке. Его ядром стал рассказ Василия. Летописная статья синтезировала различные жанровые элементы, используя лишь часть обличения князей-преступников, созданного Василием. Культурно-историческая мозаичность повествования свидетельствует о своеобразном сотворчестве выходцев из разных земель. Использованное будущим переяславским епископом Сильвестром сочинение выходца из юго-западной Руси, которое содержало элементы языческих представлений и отголоски половецкого эпоса, побуждает усомниться в принадлежности Василия к духовенству.

²⁵ Об этом см. подробнее: Пауткин А.А. *Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания*. М., 2002. С.176–182.

²⁶ См.: Майоров А.В. *Галицко-Волынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община*. СПб., 2001. С.149–154.

Виктор Савельев

Структура коммуникативного события
в «Повести временных лет»

В ПВЛ реализуется представление древнерусского книжника о том, что в современной науке называется «коммуникативной деятельностью». Летописец не только приводит диалоги своих героев, но и подробнейшим образом описывает коммуникативные события, в рамках которых эти диалоги звучат.

1. Автор определяет **экстралингвистическую ситуацию и стимулы**, «заставляющие» собеседников вступить в общение.

2. Автор указывает на наличие или отсутствие **канонической ситуации общения** и на способы ее «создания», а именно: инициатор общения приходит к собеседнику // инициатор общения «призывает» собеседника к себе // общение происходит через «фактотумов» (послов); последняя особенность влияет на структуру «пересылаемого» высказывания, определяя, например, возможность использования дейктиков.

3. Автор сообщает о «включении» в коммуникацию **материальных объектов**, которые могут быть использованы как невербальные знаки, замещающие речь.

4. Автор сообщает об отношении говорящего к **адресату** – отношении, определяющем его **рече-поведенческие тактики**.

5. Во многих случаях автор, комментируя коммуникативное событие, «дополняет» реплику говорящего (конструкция «бъ бо <...>», следующая непосредственно за прямой речью) и тем самым восполняет **когнитивную базу своего** адресата, осознавая двойную природу создаваемого текста. Последний существует в двух измерениях: образуются пары коммуникантов «персонаж – персонаж» и «повествователь – адресат летописи», и когнитивные базы этих двух пар, по мысли книжника, не совпадают. Заметим, что изучение состава таких поясняющих синтагм может служить существенным подспорьем в установлении того, кто же является адресатом летописного текста.

6. Вводя в текст прямую речь, автор использует сочетания из двух и более глаголов, которые позволяют ему описать особенности **локутивного акта**, оценить следование **коммуникативным постулатам**, назвать **иллокутивную функцию** речевого шага и **глобальную иллокутивную цель** речевого хода. При этом анализ глаголов, называющих иллокутивные функции, позволяет прийти к выводу, что использование имеющих

определенную коммуникативную форму высказываний как прямых или косвенных речевых актов в большинстве случаев тождественно тому использованию, которое обнаруживается в современном русском языке.

Эти и другие особенности коммуникативных событий ПВЛ вполне могут быть изучены при помощи категорий современной лингвистики, что позволит исследователям не только «реконструировать» представление древнерусского книжника о коммуникации, но и сопоставить его с представлением о коммуникации современного носителя языка.

Нина Трофимова

Становление воинских формул в «Повести временных лет»

Доклад посвящен формированию устойчивых словосочетаний в погодных записях и сюжетных воинских повествованиях в ПВЛ в сравнении с записями Новгородской I летописи (далее – НЛ), восходящими, по теории А.А.Шахматова, к Начальному своду.

В 18 летописных статьях ПВЛ²⁷ наблюдаем определенный этап формирования 12 воинских формул. Самая распространенная из них и наиболее вариативная – формула начала битвы, представленная группой сочетаний с определяемым «сеча» (всего 10) и группой с определяемым «брань» (всего 8), в обеих используются разные эпитеты. Изменения в формуле касаются не только лексики, но и грамматических форм, причем в вариантах наблюдается временная локализация, позволяющая говорить о возможных предпочтениях отдельных летописцев.

Вторая по распространенности формула – конструкция судьбы побежденных. В рассказе о походе Олега на Царьград в 907 году («и **овѣхъ** посѣаху, **другя** же мучаху, **иня** же растрѣляху, а **другя** въ море вметаша») она распространена: в ней четыре компонента, что было далеко не частым явлением. Эта формула могла иметь два и более членов, местоимения в начале каждого варьировались.

Целый ряд зарождающихся формул определяет множество войск: в более ранних сводах появились сочетания «въ силѣ тяжцѣ», «бециленное множество», собственно в ПВЛ возникают формулы «многое множество», «аки боровѣ», «тмами тмы».

²⁷ За 907, 941, 965, 968, 971, 993, 1016, 1019, 1024, 1034, 1060, 1068, 1078, 1093, 1097, 1103, 1107, 1111 годы.

Более устойчивый вид при меньшем количестве случаев обнаруживают формулы поражения как результата Божьего гнева («Божьимъ гнѣвомъ гоними») и победоносного возвращения («с побѣдою и славою великою»).

Особый интерес представляет повествование о битве Ярослава со Святополком (1019), сходное с зафиксированным под 1016 годом в НЛ. Здесь возник набор уникальных оборотов, в дальнейшем превращающихся в воинские формулы («и за руки емлюче сечахуся», «по удольемъ кровь течаше», «утерь пота с дружиною своею»). Образные формулы, сопоставляющие битву с грозой, зарождаются в летописных статьях 1024 и 1111 годов в ПВЛ.

Сопоставление формул в ПВЛ и частях НЛ, восходящих к Начальному своду, приводит к выводу о том, что значительная часть формул создается именно более поздним памятником, причем это те формулы, которые используют образные средства – сравнения, эпитеты, тавтологию. Не все они приобретают окончательный вид в этом памятнике, но основа их заложена именно создателями ПВЛ.

Александр Шайкин

**Позиции автора-повествователя в начальной части статьи
1097 года «Повести временных лет»**

В начальной части летописной статьи 1097 года автор-повествователь является в нескольких обликах. В изображении съезда князей он «всеведущий автор», передающий суммарное решение князей приемом коллективной прямой речи. При этом автор здесь не периферийный наблюдатель, а солидарный с происходящим протагонист. Пространственно он находится в некой точке, позволяющей ему разом обозреть происходящее.

Суживая фокус обзора, автор начинает следить за двумя персонажами – инициаторами последующих событий: волынским князем Давыдом Игоревичем и киевским князем Святополком Изяславичем. При этом ему доступно невидимое: проникновение сатаны в сердца «некоторых мужей» и вещание через их посредство Давыду.

Автор не поясняет, откуда ему стало известно о содержании переговоров Давыда и Святополка, но их речи и даже психологическое состояние одного из участников он воссоздает, как если бы был свидетелем этих переговоров. То же относится и к изображению второго тура переговоров после веча в Киеве. В том и другом случае творчество писателя рубежа

АКТУАЛЬНОСТЬ ДРЕВНЕГО ТЕКСТА

XI–XII вв. принципиально то же самое, что и у авторов нового времени: художественная реконструкция вероятностного.

Сцены ослепления Василька и его транспортировки во Владимир Волынский выглядят как свидетельства очевидца, талантливо передающего существенные детали происходящего.

Автор достаточно сдержан в формулировании собственных оценок, но тем не менее они совершенно определены. То, что источником оговора Василька Тербовльского и Владимира Мономаха оказывается сатана, исчерпывающе характеризует оценку этих сведений и их носителей. Однако в изображении заговорщиков автор стремится их дифференцировать: инициатором злодеяния оказывается Давыд, Святополк – пассивная сторона, вовлеченная в заговор Давыдом. Даже если согласиться с тем, что и в этом фрагменте статьи присутствуют два автора²⁸, художественно текст тем не менее предстает цельным и органичным.

Ослепление Василька Тербовльского
(«Повесть временных лет» под 6605/1097 г. Миниатюра из Радзивилловского списка XV в.)

²⁸ См., например: Гиппиус А.А. К проблеме редакций «Повести временных лет». II // *Славяноведение*. 2008. №2. С.6–12.

Говорится, что естественные науки подняли силу человека, дали ему какую-то неведомую мощь. Они, скорее, низвели природу до человека, дали возможность предугадывать ее мелкость, предугадывать, что по должном расследовании она явится того же порядка, как и природа человека.

Владимир Вернадский

**Экономический контроль
неотделим от контроля над всей
жизнью людей,
ибо, контролируя средства,
нельзя не контролировать и цели.**

Фридрих Август фон Хайек

Евгения Лупанова

**ЛЕСА ПОВОЛЖЬЯ
В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ
ПОЛИТИКЕ XVIII ВЕКА¹**

УДК
630*181.351

Volga region woods had strategic meaning for Russian Empire in the 18th century. Its ship groves provided the material for Russian navy. No wonder it was the region where Russian forestry started. Volga region was experienced the most of Peter Ist's restrictions, the hardness of procurement obligations. Forests of Kazan, Nizhni Novgorod, Voronezh provinces were the best known, the best specialists were sent there, the most attention was paid to keep these forests in order.

Ключевые слова: охрана лесов; Поволжье; корабельные роши; государственное регулирование природопользования; XVIII век.
Key words: forest protection; Volga region; ship groves; state regulation of nature exploitation; 18th century.
E-mail: lupanova@kunstkamera.ru

¹ Журнал продолжает серию публикаций о государственной политике России в лесном хозяйстве страны (См.: Россия XXI. 2014. №3).

**Поволжские леса –
стратегический ресурс
XVIII века**

Поволжские леса на протяжении всего XVIII в. имели стратегическое значение для Российской империи. Ставший классиком в историографии М.И.Пыляев писал о первых десяти-

летиях русского флота: «...тогда все суда строились из казанского дуба»². В этих словах не так много преувеличения, как это может показаться. Дубовые рощи Поволжья были залогом военно-морской мощи империи.

Поволжские леса подверглись наибольшему вырубкам в течение XVIII столетия³. Уменьшение ресурсов вблизи крупных поселений и по берегам сплавных рек ощущалось и нарастало в казенных землях по мере развития флота. Понимание того, что ресурс может быть исчерпан, пришло сразу после начала крупных заготовок. Поэтому казанские рощи оказались в зоне повышенного внимания властей – т.е. тем регионом, где максимально строго и последовательно реализовывалась политика охраны лесов. Жители этих регионов оказались в очень тяжелом положении: строгий контроль в сфере природопользования и тяжкие повинности по лесозаготовкам. Ежегодное сокращение количества дубов, доставка которых до Санкт-Петербурга была более или менее удобна, подогревало «панические настроения» в Адмиралтейств-коллегии по поводу оскудения русских лесов, стимулировало дальнейшее усиление контроля и развитие лесоохранной политики. Естественным следствием повышенного внимания к природным ресурсам региона было (как будет показано ниже) беспокойное положение, периодические конфликты и разбирательства между представителями администрации и населением⁴.

² Пыляев М.И. *Старый Петербург. Рассказы о былой жизни столицы.* СПб., 1889. С.19.

³ Цветков М.А. *Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год.* М., 1957.

⁴ Например: *О наложении взыскания на вальдмейстера Одинцова за незаконную вырубку леса в Казанской губернии. 1742 г.* // Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее – РГА ВМФ). Ф.138. Оп.1. Д.148; *О расследовании дела о вырубке дубового леса в Симбирской губернии. 1747 г.* // Там же. Д.276; *О расследовании дела о вырубке леса в Воронежской и Казанской губерниях. 1747–1749 гг.* // Там же. Д.275; *О расследовании дела о вырубке леса в Казанской губернии. 1748–1749 гг.* // Там же. Д.302.

И.И.Шишкин. «Корабельная роща» (1898, Государственный Русский музей)

Казанское адмиралтейство стало важным судостроительным центром уже в начале правления Петра I. В ходе Северной войны ведущие позиции в сфере судостроения Казань потеряла, однако за ней, как и за Воронежской и Нижегородской губерниями, закрепились роль главных поставщиков сырья для флота. Причины тому, с одной стороны, естественного характера, с другой, – социального.

Причины естественного характера достаточно очевидны. Дуб здесь был преобладающей лесообразующей породой. Корабельный лес, особенно дуб, растет только в экологически благоприятной зоне, на соответствующей почве. Климатические условия центрально-черноземного региона в наибольшей степени способствуют росту деревьев, необходимых для строительства морских судов. Берега Волги неизменно привлекали к себе внимание деревьями исключительной толщины⁵. Поэтому все дубовые и сосновые леса вдоль Волги, Суры, Алатыря и Булы были объявлены заповедными и приписаны к петербургскому Адмиралтейству, и запрет на несанкционированную рубку деревьев здесь соблюдался более строго и последовательно, чем в других регионах страны.

⁵ Цветков М.А. *Изменение лесистости...* С.27.

ЛЕСА ПОВОЛЖЬЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ XVIII ВЕКА

В начале Северной войны корабли для Балтийского флота строились как в Петербурге и Лодейном поле, так и в Казани. Практика показала, что доставка материалов проще, чем переправка готовых кораблей, и крупное судостроение в Казани было свернуто. Уже в указе 1712 г. казанскому коменданту Н.А.Кудрявцеву предписывается заготовить только бревна и организовать их переправку до Твери⁶. После 1713 г. Казанский край, хоть и перестал ассоциироваться с крупной верфью, на многие десятилетия остался активнейшим поставщиком строевого леса, шлюпок, бочек, якорей, канатов, парусов, весел, лодок и др.⁷

Лашманы – заготовители леса Социальные причины повышенного внимания правительства к Поволжью объясняются тем, что регион отличался относительно малым развитием помещичьего землевладения.

Изначально Петр I пытался организовать лесозаготовительные и кораблестроительные работы в Казани путем привлечения местных крестьян к исполнению очередной повинности⁸. Затем была предпринята попытка делать это за счет вольнонаемного труда: «рубить и проваживать те леса все наймом ...а с дворового числа работников не собирать ...а на тот наем денги... взять из доходов губернии»⁹. Уже на следующий 1713 год бремя оплаты труда было переложено на плечи местных крестьян¹⁰. Позже и это решение оказалось не самым выгодным.

Для реализации крупных государственных проектов был найден выход в использовании труда «иноверцев», что никак не ущемляло интересы дворянства, указом 31 января 1718 г. повелевалось «к рубке и вывозке корабельных лесов и для других к тому принадлежащих работ брать на работу Казанской, Нижегородской, Воронежской губерний, также и Симбирского уезда служилых мурз и татар, мордву и чуваш без платы». Трюк заключался в том, что новая повинность выглядела не

⁶ [Выписка из указа о заготовлении лесов в Казанской губернии]. 1 мая 1712 г. // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.1594. Оп.1. Д.3. Л.70.

⁷ Салмин А.К. Санкт-Петербург XVIII века и чувашаи // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2009. №4. С.65.

⁸ [Выписка из указа] 27 февраля 1713 г. // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.3. Л. 70 об.

⁹ [Выписка из указа...] 1 мая 1712 г. // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.3. Л.70.

¹⁰ [Выписка из указа] 27 февраля 1713 г. Л. 70 об.

бременем, а облегченной заменой другой: она вводилась вместо отправки людей на строительство Петергофа. Выполнение казенных работ поблизости от привычных мест проживания, без отрыва от родной среды, конечно, было более легким вариантом служения отечеству. Оговаривался и вариант замены повинности денежной выплатой: «...а ежели в Воронежской губернии за дальностью брать будет работников из них невозможно, и вместо того за каждого человека брать денгами по рассмотрению, что можно за те денги на ту работу нанять других работников со стороны»¹¹. На практике именно Воронеж предпочитал откупаться от повинности. По данным 1729 года в губернии числилась 10 551 душа, приписанная к адмиралтейским лесам. Все они вместо выполнения работ платили в казну особый налог¹². Приписка к Адмиралтейству была сильным ударом для большинства служилых татар. Привычный для них привилегированный статус заменялся более низким, из мурз они превращались в государственных крестьян¹³.

В 1718–1724 годах более 5 000 служилых чувашей было переведено в разряд государственных крестьян и приписано к разработке корабельных лесов. Традиционно чувашаи не занимались пашенным земледелием. В официальной документации XVIII в. это объясняется «неимением земли»¹⁴. В отличие от удельных крестьян татары не платили поземельный сбор и не несли рекрутскую повинность, хотя с них взимался подушный оклад. Но на них была наложена другая тяжелая повинность – рубить лес и вывозить его из корабельных рощ. Так создавалось потомственное сословие лашманов, т.е. заготовителей леса. В хозяйственном отношении они подчинялись управлению удельных контор, а по обязанностям – были в ведении Адмиралтейств-коллегии. Удельные конторы по первому требованию коллегии отправляли необходимое количество лашманов, которые занимались заготовкой соснового мачтового леса, дубовых кряжей, вывозкой материалов к пристаням и сплавом до Санкт-Петербурга. Немецкое слово «лашман» прочно вошло в чуваш-

¹¹ [Выписка из указа] 31 января 1718 г. // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.3. Л.71.

¹² Фирсов Н.А. Иностранческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года. Колонизация Закамских земель. Казань, 1869. С.23.

¹³ Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI – начало XIX в. М., 1990. С.115.

¹⁴ О служилых и ясашных татарах, приписанных к Адмиралтейству. 1799 г. // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.40. Л.2–3.

ский язык, использовалось со временем в названиях улиц, роц, оврагов, дорог, стало мужским именем и символом могучей силы¹⁵. Кроме чувашей, к работам в корабельных лесах привлекались черемисы, вотяки, татары, мордва и другие «инородцы». Лашманская работа прочно закрепилась за нерусским населением Поволжья: «Если впоследствии между ними найдены и русские, то это признано было отступлением от намерений Петра Великого, которое затем немедленно было устранено»¹⁶. В 1725 году Сенат, основываясь на том, что петровское законодательство ничего не говорило об освобождении от подушного оклада приписанных к корабельным лесам крестьян, определил брать с них рекрут и подати наравне со всеми¹⁷. Таким образом, лашманы оказались под двойным окладом. Ситуация была отчасти исправлена указом Верховного тайного совета 1729 г., по которому работа на адмиралтейских лесах засчитывалась в подушный платеж¹⁸. С 1757 г. лашманам стало выплачиваться жалование: пешим 5 копеек в день, конным – 8; в 1774 г. плата была повышена до 10 и 16 копеек соответственно¹⁹, а в 1791 г. – до 20 и 40 копеек²⁰. При этом заработанные деньги зачитывались в счет подушной подати и выдавались только в случае, «есть ли сверх подушного оклада выработают». Сенатским указом 22 мая 1763 г. им была дана привилегия торговать наравне с купцами²¹. Тяжесть повинности усугублялось тем, что выполнение работ требовало определенных рас-

¹⁵ Салмин А.К. Указ. соч. С.65.

¹⁶ Фирсов Н.А. Указ. соч. С.23.

¹⁷ Сенатский [указ] об оставлении Казанской губернии служилых татар при корабельной работе и об увольнении от оной приемлющих христианскую веру // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1833 (далее – ПСЗ I). Т.ХIII. №9861.

¹⁸ Фирсов Н.А. Указ. соч. С.23.

¹⁹ Экстракт где находятся зберегаемые для Адмиралтейства леса, какое над ними надзирание определено и сколько приписано людей для рубки оных лесов и на каком основании [1786 г.(?)] // Архив Санкт-Петербургского Института истории (далее – СПбИИ) РАН. Ф.203. Екатерина II. Оп.1. Д.95. Л.3.

²⁰ Государственной Адмиралтейской коллегии от лесного департамента доклад о положении штрафных денег за порубку лесов. 14 июня 1799 г. // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.101. Л.1 об.

²¹ [И.М.Дерибасу] Оренбургской казенной палаты. 21 февраля 1799 г. // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.40. Л.12.

ходов – на дорогу до места заготовки, инструменты, питание и т.п. Несложные расчеты на основе данных, приводимых С.И.Даишевым (6 558 266 руб. 86 коп. «по меньшей мере», издержанные лашманами на выполнение казенных работ за 26 лет разделенные на 26 и разделенные на 120 000 человек), показывают, что каждый лашман в среднем за год тратил на нужды Адмиралтейства 2 руб. 10 коп., что практически равняется размеру подушной подати, таким образом лашманы оказывались под двойным обложением²².

Интересно отметить, как ухудшение условий несения повинности по инициативе центральной власти на местах связывалось лично с представителем власти в регионе. Выше говорилось о том, что вскоре после смерти Петра I лашманы были положены в подушный оклад. Недовольство местного населения по этому поводу было направлено против Казанской адмиралтейской конторы, организовавшей все работы, ведавшей судом и расправой и особенно против капитан-командора И.Ф.Козлова – начальника приписанных к работам иноверцев. Сенат же (собственно и положивший их в подушный оклад путем произвольного толкования петровского законодательства) был адресатом жалобы, выступал как бы гарантом справедливости и защиты. В 1731 г. от лица всех приписанных к адмиралтейским лесам крестьян в Сенат поступила челобитная в которой И.Ф.Козлов обвинялся в неправом решении судебных дел, в «обидах», взятках, «разорениях». Челобитчики просили передать полномочия Сенату или казанскому губернатору. Их просьба была удовлетворена. Мнение Сената было утверждено императрицей. Оно гласило: «Оных служилых татар судом и расправою ведать губернаторам и воеводам; также буде определенный от Адмиралтейства командор в работах их станет чинить какие излишния тягости, то в том на него бить челом губернатору же, а тому определенному от Адмиралтейства ведать только одною корабельных лесов работою»²³.

²² Даишев С.И. Лашманы Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола, 1978. С.60.

²³ Высочайше утвержденный доклад Сената о ведении Казанской, Нижегородской и Воронежской губерний и Симбирского уезда приписанных к корабельным работам служилых татар судом и расправою губернаторам и воеводам. 6 июня 1731 г. // ПСЗ I. Т. VIII. №5772.

Однако эта перемена в управлении не принесла ожидавшегося облегчения. В 1742 г. приписанные к лесам крестьяне подали новое прошение в Сенат – на этот раз о нежелании быть в ведомстве губернаторов и воевод. Сенат не нашел возможным удовлетворить просьбу, «ибо имеются они не в одной, но в трех уездах и одной провинции и для всякого челобитья из всех мест в Казань ездить им будет не без великого убытка»²⁴. В 1750 г. аналогичная просьба поступила непосредственно императрице. При этом указывалось на то, что передача приписанных к лесам крестьян в ведение воевод и губернаторов произошла по недоразумению: прошение, на основании которого это было сделано, подали всего два человека, притом «воровски, не имея не только надлежащего wyboru и мирского приговора, но и словесного приказания». Челобитчики писали, что подчинение крестьян разных территориально-административных единиц разным канцеляриям является для них тяжким бременем: «Лишась единого места их правосудия от всех имевших в Казани разных канцелярий так прежде жестоко от посылающих из тех мест командированных команд изнуряются, яко то собиранием беспрогонно подвод с проводники, провианта и фуража и всяких съестных припасов и живности... по чему едва не пришли в такое совершенное разорение, что не только [не] могут корабельную работу отправлять, но и положенные подушные деньги платить, рекруты и лошади отдавать находятся не в состоянии, понеже от означенных несносных отягощений ныне их защищать... некому»²⁵. Интересно и описание административного подчинения как формы эксплуатации (множественность контор, управляющих крестьянами, описывается как тяжкое бремя по сравнению с единым центром контроля за работами и суда), и использование челобитчиками актуального для елизаветинского царствования обоснования о необходимости восстановления порядка, созданного Петром I. Императрица, однако, не стала принимать решения по поданному ей прошению, а передала его в Сенат. Чиновники высшего органа государственного управления обратили внимание на то, что в документе нет доказательств того, что

²⁴ Высочайше утвержденный доклад Сената о бытии приписанным в Адмиралтейству казанским иноверцам по судным делам в ведомстве губернаторов и воевод, исключая дел, относящихся до корабельных их работ. 28 сентября 1743 г. // ПСЗ I. Т. XI. №8785.

²⁵ Сенатский [указ] о ведении служилых мурз и татар по судным и прочим делам в одной только Казанской губернской канцелярии. 1 ноября 1750 г. // ПСЗ I. Т. XIII. №9 814.

просьба выражает волю всех служилых татар, а не является снова документом, отражающим частное мнение. Вследствие этого было дано распоряжение проверить, приписаны ли податели челобитной к корабельным лесам и были ли они выборными. Наведение справок затянулось на многие месяцы. В 1752 г. крестьяне вновь обратились в Сенат с аналогичной просьбой и получили отказ с подтверждением более не подавать таких прошений²⁶.

В 1749 г. крестьяне просили вместо воронежских мурз и татар приписать к лесам «иноверцев», живущих рядом с корабельными рощами. Сенат снова счел необходимым навести справки перед принятием решения, и снова процесс затянулся, а вопрос остался нерешенным. После некоторого ожидания выборные сотник Ибрай Апд-реев и Якуб Бибетаев «с товарищи» обратились с новой челобитной, в которой указывали на извращение идей Петра I путем установления двойного обложения – повинностями в корабельных лесах и подушной податью, а также на то, что ситуация отягощается тем, что казенные леса находятся «в дальнем расстоянии» от места жительства приписанных к ним крестьян и тем приходится ездить до 300–400 верст для выполнения казенных работ. Челобитчики считали разумным переложить бремя повинности на татар, чувашей, черемис и вотяков, которые выполняли бы работу по очереди. Для них, по мнению просивших, это было бы менее обременительно, так как те живут не далее 20 верст от казенных корабельных рощ. Хотя новые запросы и наведение справок подтвердили сведения, излагавшиеся выборными, Сенат не нашел возможным освободить челобитчиков ни от работ в лесах, ни от подушной подати, ни от рекрутской и других повинностей, а ограничился временной припиской к корабельным работам 10 770 крестьян из ближних ясачных иноверцев. Освобождены от работ были только русские, непонятно каким образом оказавшиеся среди приписанных к лесам. На будущее предписывалось освобождать от данного рода работ всех крестившихся, заменяя их инородцами.²⁷ Численность лашманов в течение XVIII века росла (см. таблицу).

²⁶ Там же.

²⁷ Сенатский [указ] об оставлении Казанской губернии служилых татар при корабельной работе и об увольнении от оной приемлющих христианскую веру. 14 июня 1751 г. // ПСЗ I. №9861.

Таблица
Численность лашманов в 1725, 1743–1747 и 1781 гг.²⁸

Территория	Численность лашманов на 1725 г.	Численность лашманов в 1743–1747 гг.	Численность лашманов на 1781 г.
Казанская губерния	23 622	45 941	65 133
Воронежская губерния	Нет данных	10 770	Нет данных
Нижегородская губерния	6 901	8 638	9 741
Оренбургская губерния	Нет данных	716	743
Симбирский уезд Астраханской губернии	16 471	Нет данных	Нет данных
Итого	46 994	66 065	75 617

Есть также данные за 1799 год, в которых учтены *все* приписанные к Адмиралтейству, поэтому будет не совсем верным сопоставлять их с данными о лашманах. В сводках за 1799 год учитывались представители разных групп населения, приписанных к Адмиралтейству, – местная элита (мурзы), крещеные и некрещеные представители различных этнических групп (татары, остяки и др.). На 1799 год в Оренбургской губернии всего насчитано 24 245 человек²⁹, т.е. значительное увеличение численности сравнительно с 1781 годом. Скачок имел место и в общей численности лашманов. В 1799 году она составила 609 000 человек. То есть количество людей, постоянно занятых на лесозаготовительных работах для нужд кораблестроения, быстро росло. Процесс этот продолжался, и в 1817 году числилось уже 943 000 лашманов, что значительно превосходило имевшуюся в них потребность. В том же году при преобразовании управления корабельными лесами было признано возможным избавить от лашманской повинности татар, живущих вдали от мест заготовок корабельного леса, и ограничить состав лашманов 120 000 душ, с назначением ежегодно на работу по 8 000 человек.

В результате Казанская губерния стала настолько удобным поставщиком древесины, что этим каналом пользовалась не только Адмирал-

²⁸ Таблица составлена на основе данных Экстракта где находятся зберегаемые для Адмиралтейства леса, какое над ними надзирание определено и сколко приписано людей для рубки оных лесов и на каком основании [1786 г.(?)] // Архив СПбИИ РАН. Ф.203. Екатерина II. Оп.1. Д.95. Л.2 об.–3 об. – Данные по второй ревизии см.: Фирсов Н.А. Указ. соч. С.37.

²⁹ [И.М.Дерибасу] Оренбургской казенной палаты. 21 февраля 1799 г. [Выписка из указа о заготовлении лесов в Казанской губернии]. 1 мая 1712 г. // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.3. Л.12–14.

тейств-коллегия, но и артиллерийское ведомство, хотя оно и не нуждалось в материалах столь же высокого качества и в таких количествах, как верфи³⁰.

Административный механизм управления лесами

В 1696 году Петр I поручил осмотреть леса в «Воронежском да в Усманском уездах для надсматривания и бережения тех угодных лесов, которые годятся на струговое и лодочное

дело и к иным судам на строение выбрать... для бережения и сторожи в селах и деревнях человека по два из городовые службы из детей боярских, чтоб тез лесов по тому же не рубили и не жгли и никакой поруки никто не учинил»³¹. Работы были поручены думному дворянину И.П.Савелову. Так с первых же дней строительства русского флота наряду с началом небывалых доселе лесозаготовок закладывались основы охраны и учета лесов. Эти основы получили развитие в дальнейшем петровском законодательстве. Ряд указов начала XVIII века был направлен на прекращение свободной рубки леса. Дуб, ильм, вяз, клен, ясень, лиственница, мачтовая сосна, растущие в непосредственной близости от рек, были объявлены заповедными лесами. К 1722 году окончательное оформление системы управления морским ведомством в том виде, в каком оно будет с незначительными изменениями существовать до министерской реформы Александра I. В составе Адмиралтейств-коллегии предусматривалась Вальдмейстерская контора. Здесь отныне сосредоточивалось управление лесами, контроль за их состоянием, организация описаний, заготовок, доставки материалов. Для непрерывного заведывания заповедными лесами в составе Адмиралтейства была учреждена должность обер-вальдмейстера. Ему подчинялись вальдмейстеры. Под их контроль были поставлены леса по рекам Волге, Суре, Каме, Оке, водным системам Днепра, Западной Двины, Дона, озер Ладожское и Ильмень. В помощь вальдмейстерам выбирались унтер-вальдмейстеры, в ведении каждого из которых находилось от 2 000 до 3 000 крестьянских дворов. Следующую нижнюю ступеньку

³⁰ [Выписка из указа о лесах Казанской губернии. 9 декабря] 1735 г. // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.3. Л.75 об.–76.

³¹ Пробст А.Е. Лесная и топливная политика Петра I (Из истории топливного хозяйства СССР) // Вопросы экономики, планирования и статистики. Сб. ст. М., 1957. С.239.

ЛЕСА ПОВОЛЖЬЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ XVIII ВЕКА

на лестнице иерархии занимали лесные надзиратели или надсмотрщики, участок которых составлял не менее 500 крестьянских дворов. Вальдмейстеры, унтер-вальдмейстеры и надсмотрщики обязаны были следить за тем, чтобы вырубали только разрешенные для вырубki дерева и в количестве не более, чем дозволено. Они должны были периодически объезжать вверенные им участки (надсмотрщики – ежемесячно), выявлять и штрафовать виновных в самовольных порубках. Таким образом, фактически была введена государственная монополия на леса, подчинение порядка использования лесных ресурсов нуждам флота и крупным государственным проектам. Право распоряжаться лесными владениями потеряли и монастыри, и частные лица. Такая ситуация сохранялась вплоть до реформ Екатерины II³².

И.И.Шишкин. «Рубка леса» (1867, Государственная Третьяковская галерея)

Установление иерархической цепочки ответственных лиц оказалось не лучшим способом решения проблемы охраны лесов. Указ 30 декабря 1726 г. критиковал сложившуюся ситуацию, в которой «леса заповеданы ...едва может ли где сыскаться свободное место, где б было не заповедано; ...Вальдмейстерам и их подчиненным жалованье брать повеле-

³² Каримов А.Э. *Государство, флот и леса: зарождение петровского лесного кадастра // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. №3. С.32–35.*

но из штрафных денег... того ради оные и их подчиненные для своей пользы приметываясь к народу чинят обиды...». Площадь охраняемых лесов была сокращена, должность вальдмейстера и Вальдмейстерская контора ликвидированы, а надзор за лесами перепоручен помещикам «каждому в своих дачах»³³. Одновременно велись переговоры с немецкими специалистами в области лесного хозяйства. Приглашение людей, имеющих соответствующее образование и опыт, представлялось способом решения проблемы охраны лесов за счет не столько административного давления, сколько современных знаний и технологий. При посредничестве купца Говерса из Гамбурга были найдены и приглашены на службу Мелхиер Зелгер, Яган Фалентин Мерцгунмер и Фердинанд Габриель Фокель. Эти три немецких «лесных знателя» до приезда в Россию служили «в княжестве герцога Броуншвейгского, Люнебургского и Бланкенбургского» в лесах, растущих по берегам Эльбы. Каждому из них было предоставлено по шесть учеников и рабочие из расчета два человека на каждые 2 500 десятин³⁴. Надзору приглашенных специалистов вверялись все молодые леса и участки, которые предполагалось засеять.

Последствия упразднения института вальдмейстеров не замедлили сказаться повсюду³⁵, и в частности на казанских лесах. Капитан-командор (V класс Табели о рангах) И.Ф.Козлов сообщал из Казанской губернии, что леса значительно поредели и удалились от пристаней, так как «явилась им широкая самовольная порубка». На основе его донесений указами 28 августа 1730 года и 13 мая 1731 г. вальдмейстеры были восстановлены везде, где они предусматривались вальдмейстерской инструкцией 1723 года. При этом предъявлялось следующее требование. Там, где остались неописанные заповедные леса, годные к корабельному строению, «ландкарты учинить», описи и карты предоставить

³³ Именной [указ], объявленный из Верховного тайного совета о назначении мест удобных для сплавки лесов, годных для корабельного строения, об уничтожении вальдмейстерских контор, о небытии вальдмейстерам и о надзоре за лесами воеводам каждому в своем уезде. 30 декабря 1726 г. // ПСЗ I. Т.VII. №4995.

³⁴ Редько Г.И. Лесной знатель Ф.Г.Фокель и его книга // Фокель Ф.Г. Собрание лесной науки. СПб.; Архангельск, 1996. С.3–4.

³⁵ Чубинский В.Н. Историческое устройство управления морским ведомством в России. СПб., 1869. С.51.

в Сенат, который должен принять решение об ограничении или запрете рубки на той или иной территории³⁶.

Наконец, в 1732 году восстановили лесное управление в том виде, в каком оно существовало в конце петровского царствования, с той разницей, что вместо обер-вальдмейстерской канцелярии в Москве учреждалась Вальдмейстерская контора Адмиралтейств-коллегии, а суд, взыскание штрафов и расправа передавались от вальдмейстеров воеводам и губернаторам; через них же теперь должна была проходить вся деловая переписка между вальдмейстерами и Адмиралтейств-коллегией (ранее подчинение было непосредственным)³⁷.

Первые в России специалисты по лесному хозяйству В Поволжье, а точнее в Казанскую губернию, были направлены двое из трех приглашенных: Я.Фалентин и М.Зелгер. Текст договора со специалистами является интересным памятником эпохи, характеризующим представления о том, что, собственно, понималось под задачами лесоохраны в России изучаемого периода.

Анализируя документ, Г.И.Редько обращает особое внимание на то, что специалисты обязывались леса «содержать как обыкновенно не токмо в Германии, но и лутче буде можно»³⁸. Не менее примечательно: обязанности форстмейстеров не ограничивались тем, чтобы леса «ото всякого вреда, тако ж от гнилости и протчих повреждений охранять неотменно». Важной их задачей была также подготовка и организация лесозаготовок для нужд Адмиралтейств-коллегии: «осмотреть места и вовремя к размножению и заготовлению лесов удобные к лутчей службе, а именно вся помянутым рекам надлежащая к заготовлению на корени леса в которых местах на что угодны найдитца могут и довольно ль число и какая потребу порознь годны и в которых местах натурою и крепостию других превосходят и каким образом заготовлять способнее и к пристаням выво-

³⁶ Сенатский [указ] об определении вальдмейстеров для охранения в Казанской губернии и в других местах лесов, годных на корабельное строение // ПСЗ I. Т. VIII. №5612; Именной [указ] об описи заповедных лесов, сочинении ландкарт и о позволении рубить леса на предметы означенные в Вальдмейстерской инструкции. 13 мая 1731 г. // Там же. №5755.

³⁷ Чубинский В.Н. Указ. соч. С.51–52.

³⁸ Редько Г.И. Указ. соч. С.3.

зить и сплавлять безубыточнее»³⁹. В сознании автора документа охрана, разведение, заготовление и доставка деревьев неразрывно связаны. Лесное хозяйство таким образом оказывается особым родом земледелия. Перед форстмейстерами не стоит задача сбережения лесов как объекта природы. Их цель – отбор тех пород деревьев, которые представляют ценность для нужд кораблестроения, их разведение, уход за ними, обеспечивающий оптимальную форму (производилась подчистка деревьев, в ходе которой удалялись сучки и ветки; в результате деревья вырастали прямыми и высокими). Прочие же растения, не представляющие с государственной точки зрения хозяйственной ценности, охране не подлежали.

За время работы в России Я.Фалентин (уехавший в Германию в 1734 г.) и М.Зелгер (умерший в Казани в 1742 г.) подчистили около 2 млн. дубков «по округлости». М.Зелгер со своими учениками «отыскали впредь к подчистке и для разводу лесов годного молодого дуба от Камского устья по нагорной стороне вверх по Волге до Суры расстоянием 300 верст на многие годы»⁴⁰. С первого же года их работы в России начался поиск подходящих земель и посев дубовых желудей. Этими работами была охвачена вся территория губернии. В 1729 году в распоряжение Я.Фалентина и М.Зелгера были даны 50 рабочих, т.е. силы, считавшиеся достаточными для ведения лесного хозяйства на территории 62 500 кв. верст, в то время как площадь всей Казанской губернии составляла чуть менее 56 000 кв. верст. В результате как лесопосадок, так и естественных процессов в Казанской губернии «молодых дубовых лесов от устья реки Камы вверх Волгою-рекою по на одной стороне до устья Суры-реки расстоянием до 300 верст» в 1763 году по оценкам форстмейстера И.Селиванова насчитывалось «множественное число миллионов до ста, которые, хотя неподчищены, но находятся по таким же охранением»⁴¹.

³⁹ *Контракт 14 июля 1727 г. // РГА ВМФ. Ф.138. Оп.1. Д.301. О принятии мер по охране дубового леса в Казанской губернии. Л.12 об.–14 об.*

⁴⁰ *Редько Г.И. Указ. соч. С.5.*

⁴¹ *[Копия рапорта И.Селиванова в Адмиралтейств-коллегию. 24 февраля 1763 г.] // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.3. Л.83 об.–84.*

**Развитие аппарата
административного
управления лесами**

Вскоре после приглашения в Россию специалистов по лесному хозяйству законодательство качнулось в противоположную сторону. В указе от 5 марта 1729 г. отмечалось: хотя по

предыдущим актам леса на расстоянии более 15 верст от сплавных рек «уволены и рубить [их] запрещать не велено», заготовки в Казанской губернии на нужды флота, ведшиеся с 1712 года, привели к следующему. Вблизи рек годных для кораблестроения деревьев не осталось (в 1727–1728 гг. их возили к водным путям с расстояния до 50 верст). Поэтому свободная рубка деревьев в Казанской, Астраханской и Нижегородской губерниях снова запрещалась. Жителям повелевали «довольствоваться валежником, а на домовые указные нужды требовать позволения». Речь шла также о поощрении лесоразведения и покупке в казну «вольною ценою» тех деревьев, которые обыватели «вырастят и уберегут»⁴².

Скоро основные положения упомянутого документа были повторены еще одним указом, также предписывавшим назначить 100 человек из числа казенных для подчистки дубовых рощ. Но объявлялось и о том, что выращенные дубовые деревья, годные для кораблестроения, Адмиралтейство будет покупать у владельцев⁴³. В 1731 году был организован поиск мест «для размножения в Казанской губернии дубовых лесов на порожних чувашских и черемисских землях»⁴⁴. В 1735–1745 годах в Казанской губернии были произведены работы по изучению сплавного пути до Петербурга. На протяжении всего XVIII в. периодически, в связи с нуждами кораблестроения, вставала проблема недостаточной подробности и достоверности описаний лесных угодий. Нельзя эффективно охранять богатства, объем и местонахождения которых точно не

⁴² [Выписка из указа 5 марта 1729 г. о лесах Казанской, Астраханской и Нижегородской губерний] // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.3. Л.72 об.–73 об.

⁴³ Именной [указ], состоявшийся в Верховном тайном совете, о запрещении до будущего определения рубить в Казанской, Астраханской и Нижегородской губерниях заповедные леса, о неупотреблении на домашние нужды леса без позволения начальства и о расчистке и бережении лесов. 11 марта 1729 г. // ПСЗ I. №5378.

⁴⁴ [Выписка из указа об организации поиска порожних земель. 23 августа 1731 г.] // РГИА. Ф.1594. Оп.1. Д.3. Л.75.

определены и меняются с течением времени. Более чем на столетие обновление описаний становится краеугольным камнем в сфере охраны лесов. В 40-х годах XVIII в. меняется и характер интереса к лесам. В отличие от картографов петровской поры, чиновники теперь интересуются лесами, годными не только на кораблестроение, но и для хозяйственных целей: продажи, разбивки на районы в целях установления регулярного контроля. Во второй половине века появляются карты подчищенных дубовых роц Казанской, Нижегородской, Оренбургской губерний⁴⁵. Институт вальдмейстеров был вновь упразднен в 1760 г. после серии жалоб в Казанской, Воронежской, Белгородской, Нижегородской и Новгородской губерний. Инициаторами обращений выступали крестьяне и жители уездных городов, вынужденные платить чиновникам за право рубки деревьев. Порой им же приходилось платить за прекращение разбирательства и несообщение о незаконных вырубках в столичные учреждения. Имели место и факты прямого вымогательства со стороны вальдмейстеров⁴⁶.

Заключение

Таким образом, изучение архивных документов, опубликованных источников, данных, собранных исследователями, позволяют объяснить, почему именно леса Поволжья и в особенности Казанской губернии имели приоритетное значение для Российской империи и находились в зоне повышенного внимания государства. С одной стороны, здесь наиболее упорно и последовательно реализовывались идеи зарождавшейся природоохранной политики. С другой, – именно здесь государство организовывало наиболее опустошительные вырубки. Получалось, что одной рукой чиновники Адми-

⁴⁵ Цветков М.А. *Первая карта лесов Европейской России и некоторые рукописные карты лесов XVIII в.* // Труды института леса. М., 1950. Т.V. С.245.

⁴⁶ *О наложении взыскания на вальдмейстера Одинцова за незаконную вырубку леса в Казанской губернии. 1742 г.* // РГА ВМФ. Ф.138. Оп.1. Д.148; *О расследовании дела о вырубке дубового леса в Симбирской губернии. 1747 г.* // Там же. Д.276; *О расследовании дела о вырубке леса в Воронежской и Казанской губерниях. 1747–1749 гг.* // Там же. Д.275; *О расследовании дела о вырубке леса в Казанской губернии. 1748–1749 гг.* // Там же. Д.302.

ЛЕСА ПОВОЛЖЬЯ В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ XVIII ВЕКА

ралтейств-коллегии дают распоряжения о новых заготовках, другой – рассылают копии указов о сбережении лесов. Но виновным в результате таких деяний необходимо было объявить кого-то другого. И «кем-то» оказывались крестьяне, которых было удобно уличить. При этом не считалось обязательным даже ловить с поличным в процессе рубки деревьев. Вальдмейстер мог пройтись по дворам и оштрафовать хозяина, обнаружив недавние постройки и вновь заготовленные дрова в сараях. Крестьяне в этих ситуациях не желали оставаться легкими жертвами, а демонстрировали знание законов и своих прав, а иногда и сами обращались в столичные учреждения с жалобами на чиновников по лесному хозяйству.

В долгосрочной перспективе усиленная забота о лесах Поволжья сыграла двойственную роль. С одной стороны, особый статус корабельных рощ, их строгая охрана, запрещение самовольных порубок и сведения лесов под другие пользования позволили сохранить крупные массивы дубового леса до настоящего времени. С другой стороны, режим хозяйствования в корабельных рощах – вырубка лучших деревьев без действенной заботы об их восстановлении – привел к накоплению перестойных древостоев, повышению фауности и поврежденности деревьев и в значительной степени обусловил современные процессы усыхания и деградации дубрав⁴⁷. Так что сохранение и восстановление дубрав Поволжья является важной задачей современного российского лесного хозяйства.

⁴⁷ Яковлев И.А., Яковлев А.С. Дубравы среднего Поволжья (история, причины деградации и современное состояние). URL: <http://oaks.forest.ru/region/sredvolga/index.html> (дата обращения: 02.04.2014).

Человек сотворен, чтобы искать порядок,
чтобы внести ясность в свой малый
промежуток времени, чтобы грядущее
строить на прошедшем, – иначе зачем
человеку память, зачем воспоминания?

Иоганн Готфрид Гердер

**Мы вопрошаем и допрашиваем
прошедшее, чтобы оно объяснило
нам наше настоящее и намекнуло
о нашем будущем.**

В.Г. Белинский

Роман Гильминтинов

**В СОВАТОРСТВЕ
С САМИМ СОБОЙ:**

**ДВЕ АВТОБИОГРАФИИ
С.Я.АЛЛИЛУЕВА**

УДК
321.03

This article is dedicated to the problem of how intertextual and contextual factors influence an autobiography. The aim of my thesis is analysis of the both S.Y.Alliluev's autobiographies, written in 1922–1923 and 1944–1945. I am trying to show peculiarities of the first text's influence on the next, differences in systems of argumentation and plots' choice.

Ключевые слова: автобиография; С.Я.Аллилуев; история СССР.
Key words: autobiography; S.Y.Alliluev; history of the USSR.
E-mail: rgilmintinov@eu.spb.ru

За термином «автобиография» стоит богатая историографическая и литературоведческая традиция, поэтому следует сразу уточнить, что именно я понимаю под этим словом. Наиболее подходящим для данной работы является определение автобиографии, сформулированное французским структуралистом Филиппом Леженом. По его мнению, автобиографией является текст, соответствующий следующим критериям:

«1. Лингвистическая форма: (а) нарратив; (б) проза.

2. Предмет рассмотрения: индивидуальная жизнь, личная (персональная) история.

3. Ситуация автора: автор (чье имя обозначает реальную личность) и нарратор идентичны.

4. Позиция нарратора: (а) нарратор и протагонист идентичны; (б) нарратор ориентирован ретроспективно.

Любое произведение есть автобиография, если оно отвечает всем условиям, обозначенным в каждой из категорий. Жанры, близкие автобиографии, не отвечают всем этим условиям. Вот список условий, не покрываемых другими жанрами: мемуары (2), биография (4 а), перволичная новелла (3), автобиографическая поэма (1 б), дневник (4 б), автопортрет или эссе (1 а, 4 б)¹.

В данном контексте главное отличие автобиографии от дневника в том, что она как бы отделяет жизнь от процесса написания. Если дневник о том, что происходит, то автобиография о том, что происходило. Но отделенность эта иллюзорна, так как сам процесс написания автобиографии является непосредственной частью жизни автора. Говоря словами Жоржа Гусдорфа, «после исследования самого себя человеку уже не стать таким, как прежде»². Значит, автобиография не точка в жизни автора, а запятая, но читателю, как правило, не удастся заглянуть за нее и посмотреть на того, кто встал из-за письменного стола, потому что для этого автор должен был бы тут же взяться за новую автобиографию.

Помимо Лежена и Гусдорфа в методологическом отношении я опираюсь на подход Поля де Мана. В одной из статей он ставит ключевой

¹ Lejuene P. *The autobiographical contract // French literary theory today. A reader / Ed. by T.Todorov. Cambridge; New York et al.: Cambridge University Press & Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1988. P.194.*

² Gusdorf G. *Conditions and Limits of Autobiography. [1956] // Ed. J.Olney. Autobiography: Essays Theoretical and Critical. Princeton: Princeton University Press, 1980. P.47.*

для меня вопрос: «Мы считаем, что жизнь создает автобиографию, как действие создает последствие, но можем ли мы сказать, что автобиографический проект создает и определяет жизнь?»³ По его мнению, автобиография создается в процессе «зеркального момента» (*specular moment*) – взаимодействия между автором и персонажем автобиографии. Сначала (условно сначала, потому что «зеркальный момент» всегда цикличен) автор пытается создать текст, похожий на его представление о себе самом. Его персонаж в тексте уже не он сам, но определенная языковая конструкция, глядя на которую автор меняет представление о себе. Не только жизнь автора создает героя автобиографии, но и языковая реальность текста, видоизменяя понимание самого себя, влияет на жизнь. «Зеркальный момент» автобиографии в интерпретации Поля де Мана обязательно предусматривает отношения двоих в процессе создания текста: в нем всегда присутствует имплицитный читатель и судья, к которому автор обращает свою работу. «Из зеркального образа автора читатель превращается в судью, контролирующую власть, отвечающую за *подлинность* подписи⁴ и последовательность поведения подписавшегося, степень которых он признает или отказывается признать в честь того соглашения, которое было подписано»⁵.

Советское государство изменило место автобиографии в жизни человека и общества. Она перестала быть уделом отошедших от дел политиков и стареющих писателей, теперь писать о себе нужно при поступлении в учебные заведения, на работу, при вступлении в партию; 1917–1935 годы были настоящим мемуарным взрывом. Йохен Хелльбек пишет, что в значительной степени революционная политика была сконцентрирована на создании революционных личностей, на том, чтобы заставить советских граждан думать и действовать как сознательные исторические действующие лица⁶. Он видит не репрессивную, а, наобо-

³ De Man P. *Autobiography as De-facement* // *MLN*, December 1979. V.94. №5. P.920.

⁴ В интерпретации Поля де Мана имя, указанное на титульной странице автобиографии, не является в собственном смысле именем субъекта. Оно лишь отражает договор между автором и читателем, который представляет своего рода доверенность: читатель соглашается судить об авторе по его автобиографии, хотя она сама по себе автором не является.

⁵ De Man P. *Op. cit.* P.923.

⁶ Hellbeck J. *Working, struggling, becoming: Stalin-era autobiographical texts* // *The Russian Review*. July 2001. №60. P.341.

рот, продуктивную динамику самосознания советского человека в первые десятилетия советской власти.

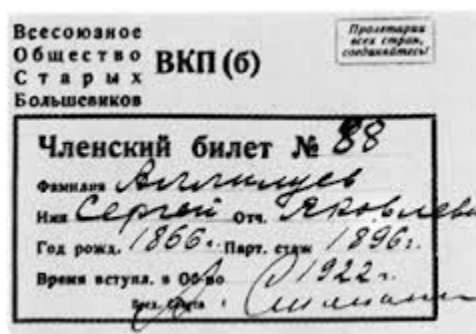
Игал Халфин, работая с автобиографиями, которые писали советские студенты при вступлении в партию, рассуждает о специфике автобиографий коммунистов после Большой Чистки 1937–1938 годов. Он приходит к выводу, что ключевым сюжетом автобиографий 1920-х годов было движение «из тьмы к свету»: автор должен был показать процесс превращения в коммуниста – именно это было центральным сюжетом⁷. Автобиография была способом, с помощью которого человек мог преодолеть собственное «негативное» социальное происхождение. Конечно, классовая принадлежность была немаловажной чертой, но ее было недостаточно. Если студент непролетарского происхождения должен был показать и доказать свой решительный отказ от всего, что его связывает с буржуазным прошлым, то студенту-рабочему нужно было продемонстрировать, что ему удалось актуализировать его врожденный потенциал и он готов его реализовывать. Ситуация кардинально меняется в середине 1930-х годов. Именно тогда, утверждает Игал Халфин, образ субъекта, который мог «нарастить» уровень сознательности и превратиться из индифферентного и даже враждебного партии элемента в ее члена, превращается в «твердый» субъект. Он уже однозначно или с «нами», или с «ними». В таких условиях автор начинает говорить с властью совсем по-другому: «Тот, кто писал свою автобиографию во второй половине 1930-х гг., не рассказывал историю о том, как он стал коммунистом, он просто утверждал, что никогда и не был никем иным»⁸.

Халфин объясняет изменения в советских автобиографиях через политическую ситуацию в стране. Вне всякого сомнения, он прав, но он обращается к текстам разных авторов. Однако, если работать с двумя автобиографиями одного автора, ситуация выглядит несколько иначе. В этой статье я попытаюсь показать, что изменения в содержании и структуре автобиографий одного автора происходят не только из-за контекста, в котором тот или иной текст создается, но подчиняются также интертекстуальным законам. Создавая вторую автобиографию, автор

⁷ Это касается не только служебных автобиографий, с которыми работает Игал Халфин. Реджинальд Зелник обращал внимание на то же самое, анализируя литературные автобиографии Семена Канатчикова и Матвея Фишера (См.: Зелник Р. Русские Бебелы: Семен Канатчиков и Матвей Фишер // *Личность, протест, история: Сборник статей*. СПб.: Нестор-История, 2007. С.178–235).

⁸ Halfin I. *Terror in my soul: Communist autobiographies on trial*. L., 2003. P.71, 263.

вынужден подчиняться не только прагматике тех условий, в которых он пишет, но и оглядываться на уже написанный текст. Предметом моего анализа стали две автобиографии Сергея Яковлевича Аллилуева – рабочего, революционера, одного из старейших большевиков.

Билет члена Общества старых большевиков С.Я.Аллилуева

Аллилуева нельзя назвать рядовым членом партии. В революционном движении он участвовал уже с 1890-х годов, был близко знаком с Лениным, его дочь Надежда была замужем за Сталиным. Однако его фигура типична в том, что ему, несмотря на непосредственную близость к самым верхам власти, пришлось «переписывать себя», как и многим членам партии. В условиях постоянного поиска внутренних врагов и изменчивого курса партии автобиография становилась одним из способов (наряду с выступлениями, публикацией статей, участием в товарищеских судах) продемонстрировать лояльность власти.

Первая автобиография Аллилуева – «Мои воспоминания» – вышла в двух номерах журнала «Красная летопись»⁹. Она повествует о жизни автора от его рождения до 1906 года. Предполагалась третья, заключительная, часть, но она так и не вышла. Точную причину этого мне установить не удалось, но в архиве журнала сохранилось копия письма из редакции, в котором Аллилуева просят выслать заключительную часть его работы¹⁰. Значит, мы можем отбросить версию хотя бы о том, что руководство журнала приняло решение не выпускать в

⁹ Аллилуев С.Я. *Мои воспоминания* // *Красная летопись*. 1922. №5 (далее – КЛ №5). С. 169–181; 1923. №8 (далее – КЛ №8). С. 134–163.

¹⁰ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД). Ф.461. Оп.1. Д.42. Л.30.

свет финал автобиографии. Вторая версия называется «Пройденный путь»¹¹ и была издана в 1946 году отдельной книгой тиражом в 25 тыс. экземпляров, а в 1956 году переиздана. Аллилуев готовил второй том, но в 1945 году умер, не завершив работу, на этот раз повествование обрывается на 1908 году.

Первое и наиболее очевидное отличие «Пройденного пути» от «Моих воспоминаний» в том, что здесь появляется новый герой – Сталин. Он занимает одно из центральных мест в повествовании, хотя в ранней версии упоминается лишь дважды и мельком. Вероятнее всего, главной задачей новой публикации было показать «истинную роль» товарища Сталина в революционном движении на Кавказе, но на этом отличия не заканчиваются.

Я предлагаю «прочитать» две автобиографии Аллилуева, используя концепцию «миров аргументации» Л.Болтански и Л.Тавено¹². Автор, объясняя читателю те или иные события и поступки людей, обращается к общим для обоих представлений об устройстве мира, они не проговариваются, но подразумеваются. Болтански и Тавено спорят с «классической социологией», для которой множественность ценностей коренится в множественности социальных групп, и утверждают, что главная ее причина – множественность ситуаций. Человек, чтобы действовать адекватно, должен использовать разные модели объяснения в разных ситуациях и апеллировать к разным «мирам аргументации».

Сравнивая две версии автобиографии Аллилуева, мы видим определенную динамику в том, к каким мирам он апеллирует. Наиболее ярко это отразилось в центральном, наиболее эмоционально заряженном сюжете обоих текстов: в 1905 году Аллилуев и группа его товарищей были арестованы в Баку и отправлены в Карс в тюрьму, где их освободили по амнистии манифеста 17 октября. «Нашу поездку можно назвать триумфальной»¹³, – пишет об этих событиях Аллилуев.

Вместе с рядовыми членами революционной группы был арестован приехавший с докладом председатель ЦКП Мартын Лядов. Чтобы не выдавать видного товарища, все отказались называть свои имена. Жандармы пригрозили экзекуцией, и пришлось пойти на компромисс.

¹¹ Аллилуев С.Я. *Пройденный путь*. М., 1946. 215 с. (далее – *Пройденный путь*).

¹² Болтански Л., Тавено Л. *Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Т. III. №3. С.66–83.

¹³ КЛ №8. С.149.

«Чтобы не подвергать никого опасности, мы вдвоем с т. Кирочкиным предложили поехать в жандармское управление и подвергнуться допросу, так как нас обоих жандармы города Баку очень хорошо знали и нам не было смысла запереться, что мы – не мы. Этой комбинацией ротмистр удовлетворился, но товарищи боялись применения к нам насилия в жандармском управлении или по дороге и высказали на этот счет свои опасения ротмистру, который заверил их своим жандармским честным словом, что все их опасения неосновательны»¹⁴.

«Я и Михаил Пантелеймонович Кирочкин предложили компромиссное решение. Мы изъявили согласие поехать в жандармское управление и подвергнуться допросу, так как нас обоих жандармы хорошо знали и нам не было смысла скрывать, кто мы. Собрание поддержало нас, наше предложение принял и ротмистр, и назревший было инцидент, к всеобщему удовольствию, был улажен»¹⁵.

В отрывке из «Моих воспоминаний» сюжет апеллирует сразу к двум мирам: «гражданскому» и «домашнему». С одной стороны, действия Аллилуева и Кирочкина обретают смысл именно в интересах всей группы арестованных, а с другой, – тут возникают личные отношения с ротмистром, честное слово которого снимает опасения арестованных за их товарищей. В «Пройденном пути» эта история полностью освобождается от «домашнего мира», центральным становится высказывание «собрание поддержало нас», которое из героев превратило Аллилуева и Кирочкина в делегатов их коллектива.

Меняется также рассказ о том, что после освобождения из тюрьмы, героям негде было ночевать и они вернулись в тюрьму, чтобы скоротать там ночь:

«Мы так независимо чувствовали себя в тюрьме, что, не задумываясь, отправились ночевать в камеры, так как все наши вещи и постели оставались там»¹⁶.

«Но, так как вещи находились в тюрьме, мы единодушно решили вернуться в камеры и там переночевать»¹⁷.

В обоих случаях происходит апелляция к «индустриальному миру», направленному на выгоду, через прагматику оставленных в тюрьме

¹⁴ Там же. С.137.

¹⁵ Пройденный путь. С.136.

¹⁶ КЛ №8. С.142.

¹⁷ Пройденный путь. С.144.

В СОАВТОРСТВЕ С САМИМ СОБОЙ

вещей, но в «Моих воспоминаниях» есть еще отсылка к «домашнему миру» с его фокусом на доверии.

Когда в очередной раз случается конфликт героев с администрацией тюрьмы, Аллилуев обращается к начальнику:

«Я ему заявил, чтобы он бросил это грязное дело, выполнять роль шпика – не его дело, и предложил заняться своими обязанностями тюремного сторожа и не портить налаженных нами отношения, и что эта другая роль опасна и неблагодарна»¹⁸.

«Я его предупредил, чтобы он бросил это грязное дело»¹⁹.

Как видно из приведенных мною отрывков, в «Пройденном пути» Аллилуев меньше апеллирует к «домашнему миру». Это, по моему мнению, связано с тем, что именно такой способ аргументации использовался Аллилуевым, чтобы выстраивать отношения солидарности с тюремщиками и жандармами. В «Моих воспоминаниях» есть ротмистр, который держит свое слово жандарма; тюрьма, которой герои доверяют; и «тюремный сторож», с которым налажены отношения. Если в 1922–1923 годы, когда выходили номера «Красной летописи» с воспоминаниями Аллилуева, можно было косвенно солидаризироваться с представителями царского режима, то в 1946 году представить себе такое было уже нельзя. За эти 20 с лишним лет у Советского государства было много разных врагов, и внешних, и внутренних, причем с каждым годом их все больше, вырабатывались все более жесткие методы борьбы с ними. Поэтому даже косвенная солидарность с самыми далекими врагами была пугающей и опасной.

«Мои воспоминания» (1922–1923) Аллилуева четко распадаются на две неравнозначные части. Текст начинается кратким отрезком, в котором описывается жизнь автора от рождения до 1902 года. Эти 34 года укладываются в три страницы, здесь все: детство, женитьба, профессиональный рост. События располагаются на хронологической ленте без очевидной связи друг с другом. Можно было предположить, что этот период жизни не так важен для Аллилуева, так как находится «за пределами истории» – то есть вне революционного движения, если бы не одно «но»: этот беглый отрывок включает в себя почти десять лет активного участия в работе рабочих кружков и вступление в партию.

¹⁸ Там же. С.145.

¹⁹ Там же. С.150.

Р.Зелник указывает на то, что момент обретения «сознательности» был крайне важен в формировании идентичности рабочего, пишущего свою автобиографию²⁰. Аллилуев только констатирует этот факт: «В 1893 г. поступил в кружок "совместного чтения книг и брошюр о рабочем движении"... в этом же году женился и в первый раз познакомился с жандармами»²¹. Аллилуеву не кажется важным отвечать на вопросы о том, что заставило его включиться в рабочее движение, кто на него повлиял, от чего он отказывался, вставая на этот путь.

В «Пройденном пути» (1946) детство и юность автора тоже не занимают центрального места, но они все же есть. Детство довольно стандартное для советского мемуариста: рано умер отец, мать с выводком детей на руках. Несколько случаев, призванных показать зачатки будущей «сознательности» рабочего и революционера Аллилуева. Он с детства стремится к знаниям, но на школу нет средств. В лавке, куда его пристроила мать, долго Аллилуев не продержался: отказался обсчитывать покупателей вопреки требованию хозяина. После этого наступили тяжелые годы ученичества в железнодорожных мастерских с беглым описанием тягот рабочих, но тут же он пишет, что по окончании ученичества его зарплата была уже достойной и он смог позволить себе бросить свой завод. «Но Борисоглебск с его базарной площадью, вечно покрытой густым слоем пыли, с его тихим и скучным житьем, мне надоел... Дождавшись весны, я предпринял путешествие по земле русской». В 1890 году Аллилуев переезжает на Кавказ, где и происходит его погружение в революционную жизнь. Здесь уже ключевые повороты судьбы революционера не просто указываются, как в «Моих воспоминаниях», но обрастают схематичным описанием эмоций и мотивировок. Он начинает участвовать в работе рабочих кружков, в его голову «закрались сомнения в правильности существовавшего на земле порядка»²². Он впервые встречается с жандармами, впервые попадает в тюрьму за организацию забастовки и, не особенно драматизируя, описывает свои переживания в одиночной камере.

Появившееся в «Пройденном пути» описание детства Аллилуева не оставляет впечатления вовлеченности автора в описываемые события. Текст еле-еле достигает самого минимума, необходимого, чтобы показать

²⁰ Зелник Р. Доклассовое сознание: воспитание рабочего-революционера и структура его автобиографии // *Личность, протест, история*. С.147–193.

²¹ КЛ №5. С.170.

²² *Пройденный путь*. С.21, 35.

читателю, что до революции в России жилось плохо. Нет там и таких же ярких эмоций, как те, которые сопровождают рассказы о революционной деятельности Аллилуева. Сильно отличается от всего остального текста стилистика, тут она больше похожа на учебник «Родная речь», чем на мемуары начитанного большевика: «Много городов объехал я, много мест исходил. Передо мной расстилалась огромная, беспредельная страна. Повсюду видел я нищету, страдание и горе. Тяжело жилось трудящемуся человеку!»²³ Помимо стилистики отличия есть и в грамматике. Крайне интересным представляется один пассаж автора о его детстве:

«Изредка зимой выпадали счастливые дни. Это были дни первых заморозков, когда пруд покрывался слоем льда. Я носился по гладкой, прозрачной броне пруда, вызывая зависть у своих сверстников. Одетые в овчинную одежду и валяную теплую обувь, они стояли на берегу, боясь двинуться на тонкий еще лед. Но пример был заразителен, не поборов соблазна, один за другим они – сначала робко, затем все смелее – *спускались* с берега. Тонкий лед *не выдерживал* тяжести, *начинал* зловеще трещать, вызывая общий страх. Тогда я *командовал*:

– Ложись!

Я *опускался* на лед и медленно *полз* к берегу, увлекая за собой ребят»²⁴.

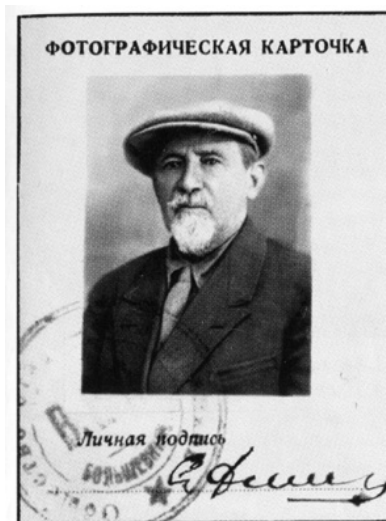
Отрезок начинается с неограниченно-кратного: того, как маленький Аллилуев радовался первому льду пруда, может быть, один раз, а может, – каждую осень. Далее следует событие, единожды случившееся с автором (если мы, конечно, отбросим предположение, что он из года в год спасал детей на льду), но его описание не меняется – обратите внимание на глаголы несовершенного вида, которые я выделил курсивом. Имея дело со свершившимся случаем, мы говорим обычно по-другому (ср.: «тонкий лед *не выдержал* тяжести, *начал* зловеще трещать»), а Аллилуев как будто просто продолжил описание своих обыкновений. Это событие грамматически лишается своего статуса уникального, будучи оформлено как повторяющееся.

Все, что предшествовало включению в революционное движение, остается за пределами значимого, на мой взгляд, по двум причинам. Первая из них – контекстуальная. Она связана с массой внешних факторов, которые сопутствовали написанию и изданию обеих автобиографий. Журнал «Красная летопись» был изданием Петроградского бюро

²³ Там же. С.27.

²⁴ Там же. С.15.

Комиссии по истории партии, которая занималась сбором, обработкой и публикацией самых разных материалов, относящихся к истории партии, революции и рабочего движения. Работая с архивом журнала²⁵, я обнаружил, что инициатором большинства мемуарных текстов была именно редакция. Обычно редактор направлял тому или иному деятелю письмо с предложением написать воспоминания о тех или иных событиях его жизни или же написать развернутую автобиографию, в которой просил обратить внимание на определенные сюжеты и периоды жизни. Получал подобное письмо Аллилуев или нет, сказать нельзя; в архиве нет его копии, но у него определенно было представление о том, что он пишет в первую очередь о революционере, а не о семьянине или ребенке. Вероятнее всего, в условиях ограниченного объема журнальной статьи именно по этой причине в «Моих воспоминаниях» почти нет описания жизни автора до 1902 года.

С.Я.Аллилуев, 30-е годы

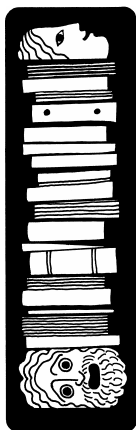
Контекст издания «Пройденного пути» уже совсем иной. Судя по качеству бумаги, количеству иллюстраций, в издание книги Аллилуева были вложены достойные средства, и автору не приходилось думать, как уложиться в отведенный объем. Образ Аллилуева в его «Пройден-

²⁵ ЦГАИПД. Ф.461, 4000.

ном пути» сближает его со студенческими автобиографиями второй половины 1930-х, которые анализирует Игал Халфин. Автор совершенно не заботится о том, чтобы продемонстрировать читателю рост уровня своей «сознательности». Мы не видим динамики или ложных убеждений, от которых мог бы Аллилуев отречься, обращаясь к «истинному пути». О детстве и молодости он рассказывает так, что можно подумать: он всегда был революционером.

Говоря об особенностях структуры «Пройденного пути», помимо контекстуальных необходимо учитывать и интертекстуальные факторы, т.е. отношение автобиографии и ее более ранней версии – «Моих воспоминаний». Работая над «Пройденным путем», Аллилуев, конечно, сверялся со своими статьями в «Красной летописи»: об этом говорят как минимум прямые цитаты, перешедшие в новую версию его жизнеописания. Я думаю, что отстраненное описание детства и молодости автора в «Пройденном пути» связано в том числе с тем, что в «Моих воспоминаниях» этого описания нет вообще. Первая публикация по контекстуальным причинам оставила за бортом воспоминания Аллилуева о детстве и юности, но стала «зеркалом» для его представления о себе самом – зеркалом, в которое помещалось лишь то, что было частью его революционной борьбы.

Автобиография принадлежит не только человеку, имя которого указано на обложке, она также принадлежит эпохе и тому обществу, членом которого является автор. Текст не пассивен, он не только продукт, но и актер: он воздействует и на автора, и на читателя, и на сообщество. Поэтому, когда человек берется за написание второй автобиографии, он находится в плену не только контекста, но и своей собственной написанной уже жизни. Аллилуев после 1923 года уже не просто человек, но человек + текст. Он может что-то забыть, но только не то, что застыло в форме «Моих воспоминаний», поэтому «Пройденный путь» – продукт соавторства сразу двух авторов: Аллилуева образца 1945 года и Аллилуева 1923-го. Советский человек «переписывал себя» снова и снова в условиях изменчивого политического курса, его враги и друзья менялись местами, события получали новый смысл, но все это происходило в отношении уже неизменного языкового артефакта – предыдущей автобиографии. Она становилась своего рода ориентиром в постоянно меняющемся сплетении идентичностей и ролей.

Виктор Тополянский

**АННА АХМАТОВА
ПОД НАДЗОРОМ МГБ**

АКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ

УДК
32.019.51

In August, 1946, A.A.Zhdanov, the Secretary of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) launched the campaign against dissent and nonconformity in the Soviet literature. Zhdanov chose literary magazines "Zvezda" and "Leningrad" as well as M.M.Zoschenko, the writer, and A.A.Akhmatova as and his main targets. Preparing his huge report A.A.Zhdanov used the reference cited below and produced by the Ministry of State Security Department for Leningrad region.

Ключевые слова: инакомыслие; журналы «Звезда» и «Ленинград»; справка МГБ; доклад А.А.Жданова; стихи А.А.Ахматовой.
Key words: dissent; "Zvezda" and "Leningrad" magazines; the Ministry of State Security reference; A.A.Zhdanov's report; Alhmayova' verses.
E-mail: sshekshina@yahoo.com

В августе 1946 года ведущий пропагандист страны в ранге генерал-полковника, член Политбюро и секретарь ЦК ВКП (б) А.А.Жданов приступил к проведению наступательной операции против инакомыслия в культуре. В поставленную перед ним задачу не входило уничтожение живой силы еретиков – достаточно было лишь настолько запугать потенциальных оппозиционеров из состава так называемой творческой интеллигенции, чтобы они навсегда обратились в непоколебимых оппортунистов, безоговорочно преданных коммунистической партии и ее верховному вождю.

Первоначально главный удар планировалось нанести по отдельным толстым журналам и таким широко известным литераторам, как М.М.Зощенко, А.А.Ахматова и Ю.П.Герман. Однако устраивать показательную выволочку Ю.П.Герману не понадобилось. Начальник отдела 2 главного управления МГБ СССР подполковник Ф.Г.Шубняков доложил Жданову: «Агентурой Юрий Герман характеризуется как способный и талантливый писатель. Интересуется советской действительностью, международными событиями, много работает над собой, несколько критически относится к литературным авторитетам, проявляет недовольство недочетами в работе Союза Советских Писателей, но об этом старается говорить в узком кругу своих людей»¹.

Идеологическая атака началась после глубокой разведки, осуществленной управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) и оформленной в виде докладной записки Жданову от 7 августа 1946 года о неудовлетворительном состоянии журналов *Звезда* и *Ленинград*².

Спустя 2 суток, 9 августа, Оргбюро ЦК ВКП (б) признало необходимым «коренное улучшение» журнала *Звезда*, наряду с прекращением издания журнала *Ленинград*³.

Вслед за тем, 12 августа, министр В.С.Абакумов передал Жданову справки «по имеющимся в МГБ СССР материалам на писателей М.М.Зощенко и Ю.П.Германа»⁴. А 14 августа Оргбюро ЦК ВКП (б)

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.77. Оп.4. Д.30. Л.21–22.

² РГАСПИ. Ф.17. Оп.117. Д.628. Л.10–17.

³ Там же. Оп.116. Д.272. Л.1.

⁴ РГАСПИ. Ф.77. Оп.4. Д.30. Л.16.

приняло развернутое постановление о журналах *Звезда* и *Ленинград*⁵, и Жданов умчался на передовые позиции в Ленинград. Там он 15 августа выступил на партийном архиве, а 16 августа разъяснил смысл постановления Оргбюро ЦК ВКП (б) на общегородском собрании писателей, работников литературы и издательств, проходившем под председательством чекиста А.А.Прокофьева, переквалифицировавшегося в очень влиятельного литератора.

В промежутке между двумя собраниями Жданов получил из рук начальника управления МГБ СССР по Ленинградской области справку об А.А.Ахматовой. Этот «объективный материал» он использовал при подготовке письменного варианта своего доклада, заслужившего полное одобрение генералиссимуса: «Т. Жданов! Читал Ваш доклад. Я думаю, что доклад получился превосходный. Нужно поскорее сдать его в печать, а потом выпустить в виде брошюры. Мои поправки смотри в тексте. Привет! И.Сталин. 19.IX.1946»⁶.

Совершенно секретно

СПРАВКА

Ахматова Анна Андреевна, 1892 года рождения, русская, по происхождению из дворян, беспартийная, член Союза Советских Писателей.

Начав свою литературную деятельность в 1910 году, *Ахматова* еще до Октябрьской революции завоевала популярность как талантливая поэтесса и виднейшая представительница литературного направления акмеизма, одним из основоположников которого являлся ее бывший муж – поэт ГУМИЛЕВ.

Издав еще в дореволюционный период времени книги своих стихов «Белая стая», «Четки» и другие, *Ахматова* прочно утвердилась в русской поэзии.

В первые годы Советской власти книги *Ахматовой* неоднократно переиздаются, но ряд наиболее упаднических и мрачных по своему содержанию стихотворений к печати допущены не были.

⁵ РГАСПИ. Ф.17. Оп.116. Д.272. Л.7–11.

⁶ РГАСПИ. Ф.558. Оп.11. Д.732. Л.2.

Позднее, примерно с 1924–1926 годов, литературная активность *Ахматовой* резко падает, она мало пишет, почти совсем не переиздается и не печатается в Советском Союзе.

Только в 1940 году стихи *Ахматовой* снова переиздаются в виде сборника «Из шести книг», в который не вошло довольно значительное число ее двусмысленных в политическом отношении стихов, а также произведений с преобладанием религиозной лексики и отражающих настроения упадничества, мрака и отчаяния.

В годы Отечественной войны стихи *Ахматовой* последнего периода были опубликованы в журналах «Звезда», «Ленинград», [в] «Ленинградском альманахе» и др.

Имя *Ахматовой* хорошо известно в литературных кругах большинства европейских стран. Ее книги в переводах в различное время издавались в Англии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Греции, Германии и Польше.

О личной жизни поэтессы в прошлом и в настоящее время нам известно следующее.

Первым ее мужем был известный поэт, глава литературного направления акмеистов, ГУМИЛЕВ Николай, который разошелся с ней в 1917 году. В 1921 году ГУМИЛЕВ, как активный участник эсеровского восстания, был арестован и осужден к расстрелу⁷.

Со вторым мужем ШИЛЕЙКО Владимиром Казимировичем⁸, профессором ассириологии, наставником детей графа Шереметьева, человеком с религиозными и мистическими исканиями, *Ахматова*, прожив недолго, порвала и вскоре вышла замуж за профессора Всероссийской Академии Художеств – ПУНИНА Николая Николаевича⁹, с которым прожила 16 лет.

В 1936 году ПУНИН оставляет *Ахматову* и женится на другой, но *Ахматова* остается на жительство в его квартире.

⁷ Гумилев Николай Степанович (1886–1921) – поэт, переводчик; арестован по сфабрикованному делу «Петроградской боевой организации», расстрелян, реабилитирован (1992).

⁸ Шилейко Владимир Казимирович (1891–1930) – востоковед, поэт, переводчик.

⁹ Пунин Николай Николаевич (1888–1953) – литератор, историк искусства, заместитель директора Ленинградского государственного института художественной культуры, профессор Ленинградского университета; репрессирован (1949), погиб в заключении.

Наконец, последним своим мужем *Ахматова* считает ГАРШИНА Владимира Георгиевича¹⁰, патологоанатома, члена Академии Медицинских Наук, заместителя директора ВИЭМ¹¹, разрыв с которым, по нашим данным, произошел для *Ахматовой* неожиданно.

ГАРШИН, в период пребывания поэтессы в эвакуации в городе Ташкенте, обеспечил ей вызов в город Ленинград, обещая ей совместную жизнь.

Однако по приезде *Ахматовой* в Ленинград он объявил ей о невозможности дальнейшей совместной жизни, ввиду чего *Ахматовой* пришлось снова поселиться в квартире профессора ПУНИНА.

Ахматова очень тяжело восприняла разрыв с ГАРШИНЫМ.

В настоящее время *Ахматова* проживает совместно со своим сыном от первого мужа – ГУМИЛЕВЫМ Львом Николаевичем¹², 30-ти лет, аспирантом Ленгосунiversитета.

ГУМИЛЕВ Лев в 1938 году был осужден за участие в антисоветской молодежной организации, а в 1945 году из заключения освобожден и мобилизован в ряды Красной Армии, принимал участие в боях на территории Германии.

По заявлению ряда близких ей лиц, *Ахматова* постоянно находится в стесненных материальных условиях, проживает в бедно обставленной мебелью квартире, нуждается в предметах одежды и обуви, чувствует недостаток в продуктах питания, так как ее пайком пользуется якобы семья ПУНИНЫХ.

Однако *Ахматова* не предпринимает шагов к улучшению своего материально-бытового положения, ведет скромный, довольно замкнутый образ жизни, избегая участия в общественных мероприятиях Союза писателей, неохотно соглашаясь на публичные выступления.

Ахматова пользуется громадным авторитетом и популярностью как «единственный и лучший представитель настоящей поэзии» в Советском Союзе и Европе, вызывает все больший интерес к себе не только как поэтессы, но и как личности.

¹⁰ *Гаршин Владимир Георгиевич (1887–1956) – патологоанатом, профессор 1 Ленинградского медицинского института, действительный член АМН СССР (1945).*

¹¹ *Всесоюзный институт экспериментальной медицины.*

¹² *Гумилев Лев Николаевич (1912–1992) – историк, археолог, литератор; 4 раза подвергался арестам; реабилитирован.*

Вокруг ее имени создается и культивируется частью интеллигенции и работниками искусств ореол непризнанной советской действительностью поэтессы.

В СССР отдельные литературоведы и писатели называют ее в своих выступлениях «великим преемником ПУШКИНА» (писатель Чуковский¹³), а за границей сравнивают ее с поэтессой Сафо¹⁴.

По имеющимся в У[правлении] МГБ данным, в Англии в 1945–1946 годах были организованы передачи по радио цикла стихов *Ахматовой*, напечатаны хвалебные статьи о ее поэзии, готовилась к изданию в английском переводе книга ее произведений.

В Совинформбюро и в издательство иностранной литературы поступают запросы с просьбой дать информацию о личной жизни и творчестве *Ахматовой*.

Делясь впечатлением о последней поездке в мае 1946 года в Москву, она рассказывала:

«В Колонном зале присутствовали все иностранные посольства. Англия пестрела. Мне рассказывала одна переводчица, что по радио в Англии передавали мои стихи и докладчик сказал, что *Ахматова* единственная поэтесса сейчас не только в России, но, пожалуй, и во всем мире. Меня засыпали телефонными звонками с просьбами иностранных корреспондентов получить интервью, автограф, просто посмотреть...»

Известно, что *Ахматова* в годы Отечественной войны получала из-за границы несколько продовольственных посылок от какой-то Еврейской (или Еврейско-Американской) ассоциации помощи (данные не проверены).

По словам *Ахматовой*, она не имеет понятия об инициаторах этой помощи.

Особого внимания заслуживает интерес, проявленный к *Ахматовой* первым секретарем английского посольства в СССР, доктором философии и знатоком русской литературы – БЕРЛИНЫМ¹⁵.

Прибыв в Ленинград в ноябре 1945 года, БЕРЛИН вместе с литературоведом ОРЛОВЫМ¹⁶ посетил квартиру *Ахматовой*.

¹³ Чуковский Корней Иванович (1882–1969) – публицист, критик, литературовед, детский писатель.

¹⁴ Сафо (около 630 до н.э. – 572 до н.э.) – древнегреческая поэтесса.

¹⁵ Берлин (Berlins) Исая (1909–1997) – британский философ и переводчик.

Будучи представлен ей, БЕРЛИН заявил:

«Я приехал в Ленинград специально приветствовать Вас, единственного и последнего европейского поэта, не только от своего имени, но от имени всей старой английской культуры. В Оксфорде Вас считают самой легендарной женщиной. Вас в Англии переводят с таким же уважением, как Сафо. Это такая же древность для нас и такая же драгоценность».

На следующий день БЕРЛИН снова посетил поэтессу и в беседе, длившейся с 22 до 7 часов утра, обсуждал вопросы литературной и философской тематики, причем, затрагивая вопрос об обмене литературой и обещая прислать *Ахматовой* все английские издания ее стихов, прямо говорил о желательности использовать для этого неофициальные «каналы», спрашивал поэта о конкретных и возможных способах нелегальной связи с ней.

Рассказывая своим близким о третьей встрече с БЕРЛИНЫМ, *Ахматова* говорила, что он распространялся о своих симпатиях к России, а затем у них шла беседа о белой эмиграции, но существенные подробности этой беседы, которая закончилась в 4 часа утра, нам неизвестны.

Оценивая проявленное БЕРЛИНЫМ внимание к ней, *Ахматова* говорила:

«БЕРЛИН добивается встречи со мной не по своей инициативе. Видимо, кто-то из лондонских или посольских англичан из "высоких сфер" велел узнать, как я живу, с целью какой-либо спекуляции на моем имени, славе, репутации как поэта и женщины».

Получая различные сведения о популярности своего имени за границей, *Ахматова* высказывает большое недовольство тем, что в Советском Союзе якобы ее произведения печатаются очень мало, с тщательным выбором и осторожностью, так как, по ее заявлению, «не хотят ее популярности».

В беседе с одним своим знакомым *Ахматова* с горечью говорила:

«Кто-то создает вокруг моего имени преграду. Эти "дворяне" не от таланта, а от должностей загадочно намекают рвущимся ко мне людям на мою неприступность».

¹⁶ Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) – профессор МГУ и ЛГУ, литературовед, сотрудник Института русской литературы АН СССР.

В результате создается тот ореол и поклонение, которое меня стесняет и ведет к неправильному освещению за границей.

Меня не печатают годами, хотя обещают это тоже годами. Книжка моя, набранная год тому назад, находится до сих пор в печати с мотивировкой "нет бумаги". Моя ленинградская "Поэма без героя" бракуется "столпами от поэзии" КОЖЕМЯКИНЫМ¹⁷ и ПРОКОФЬЕВЫМ¹⁸. Мне приписывают то, чего нет, для того, чтобы я не печаталась. Ведь по сравнению со многими я прошла достойно свою жизнь, в частности, войну?

Надо так и сказать: не хотят моей популярности, которая сразу бы сняла этот ненужный ореол... Нет, подумайте? В Испании считают, что я умираю с голода, а ПОЛИКАРПОВ¹⁹ шлет мне телеграммы, что мне увеличили лимит с 300 до 500 рублей. Как Вам нравится эта солома и объедки?»

В беседе с одним из своих знакомых 18 августа 1944 года *Ахматова* заявляла:

«Я вообще перестала печатать сейчас стихи, так как, по-видимому, участь русской поэзии сейчас – быть на нелегальном положении.

...У меня страшный осадок после изъятия книги из продажи и из библиотек (имеется в виду том стихов, где напечатана "Ива").

Я сейчас не собираюсь отдавать стихи в печать, так как нет гарантии, что в любой невинной строчке не найдут что-либо подозрительное и не запретят стихи».

Об этом же она говорила другому своему знакомому в апреле 1946 года:

«...Во мне все-таки есть что-то нелегальное. Правда, мне дали лимит в 500 рублей и вручили 10 000 рублей, но моя "Поэма без героя" не разрешается под предлогом, что она непонятна. Неужели наша страна не может позволить себе иметь хотя бы одного поэта, понятного для тех, кто понимает стихи».

Упомянутое *Ахматовой* нелегальное распространение ее произведений действительно имеет место. Достаточно указать, что в 1940

¹⁷ *Кожмякин Алексей Яковлевич (1919–1989) – советский литератор.*

¹⁸ *Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971) – сотрудник ВЧК–ГПУ–ОГПУ (1922–1930); поэт, лауреат Сталинской премии (1946), лауреат Ленинской премии (1961).*

¹⁹ *Поликарпов Дмитрий Алексеевич (1905–1965) – секретарь правления Союза писателей СССР (1944–1946), заведующий отделом культуры ЦК КПСС (1955–1962).*

году в Ленинграде главным образом среди работников искусства ходило по рукам стихотворение *Ахматовой*, в котором автор выражал сочувствие заключенным в тюрьмах и лагерях, о чем показал арестованный в 1941 году писатель МАГАЛИФ Ю.Н.²⁰.

В настоящее время в рукописи и списках, среди научной интеллигенции и работников искусства Москвы, Ленинграда, Ташкента, распространяется «Поэма без героя», не допущенная к опубликованию в печати.

Имя *Ахматовой*, окруженное ореолом «гонимой и непризнанной», вызывает значительный интерес к ней со стороны литературной молодежи, вышедшей, главным образом, из семей старой интеллигенции и тенденциозно настроенной к советской действительности.

Один из таких почитателей *Ахматовой* – студент института имени Герцена – ИОФФЕ, 1921 года рождения, заявил:

«*Ахматова* – это единственный поэт, которого я признаю в настоящем. Смешно говорить о подлинной поэзии, упоминая имена Прокофьева, Дудина²¹, Берггольц²². Это словесная трепология, облеченная в худую форму с "идейной" окраской. Близка мне одна *Ахматова*.

Я знаю, что стихи мои не смогут быть напечатаны. Я пишу много о смерти. Для меня нет героики, есть вынужденность, нет патриотизма. Сегодняшних кумиров я не приемлю».

Интересно, что *Ахматова* о беседе с ИОФФЕ, пришедшем к ней на поклон, говорила:

«Он – имя собственное, и серьезно. Я ему сказала, что смерти нет. Я верую. А потому не верю в смерть. Для неверующих это парадокс, для меня – вывод».

Изменившееся к *Ахматовой* за последнее время отношение со стороны руководящих органов Союза Советских Писателей (материальная помощь, разрешение выступлений в Москве и Ленинграде, печатание ее стихов) она расценила как необходимую меру, вызванную ростом ее популярности.

²⁰ Магалиф Юрий Михайлович (1918–2001) – писатель, поэт, член Союза писателей СССР; арестован (1941), освобожден из концлагеря (1946).

²¹ Дудин Михаил Александрович (1916–1993) – советский поэт, переводчик.

²² Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975) – советская поэтесса, прозаик.

АННА АХМАТОВА ПОД НАДЗОРОМ МГБ

Приезжающих к ней представителей С[оюза] С[оветских] П[исателей] (например, секретаря ТИХОНОВА²³ – ПАВЛОВУ и других) Ахматова считает подосланными «агентами ГБ» или «близкими к этому учреждению людьми», перед которыми поставили задачу выяснить ее последние работы и образ мыслей.

Из ближайших связей Ахматовой по Ленинграду известны поэтесса Ольга БЕРГГОЛЬЦ и ее муж МАКОГОНЕНКО²⁴, поэт СПАССКИЙ²⁵ и профессор Института Литературы Академии Наук СССР – ОРЛОВ.

Начальник управления МГБ Л[енинградской] о[бласти] Родионов²⁶
5 августа 1946 года²⁷

²³ Тихонов Николай Семенович (1896–1979) – советский поэт, председатель правления Союза писателей СССР (1944–1946).

²⁴ Макогоненко Георгий Пантелёинович (1912–1986) – муж Ольги Берггольц, литературовед, член Союза писателей СССР.

²⁵ Спасский Сергей Дмитриевич (1898–1956) – поэт, прозаик, драматург, переводчик.

²⁶ Родионов Дмитрий Гаврилович (1906–1972) – начальник управления Министерства государственной безопасности по Ленинградской области (1946–1949), генерал-лейтенант (1945).

²⁷ РГАСПИ. Ф.77. Оп.4. Д.30. Л.23–30. Подлинник. Машинопись. Подпись – автограф. – В тексте справки фамилия Ахматовой вписана от руки чернилами.

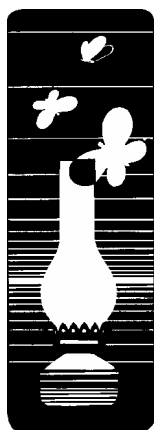
Если для каждого из нас иметь свое лицо лучше, чем быть безличным, то то же относится и к целому народу. Пора понять, что всякая попытка отказаться от своего лица приводит либо к безличности, либо к искажению этого лица и к превращению его в истоптанный каблуками прохожих бесформенный кусок мяса, с синяками, порезами и ранами.

Если мы не хотим этого, пора отказаться от «чурания себя», пора исправить этот грех наших отцов. Нужно это сделать и потому, что международное братство мыслится не как братство безличных общественных организмов, а как братство народов, т. е. групп с определенным лицом, а не с гладким и пустым местом.

Задача возрождения России падает на ваши плечи, задача – бесконечно трудная и тяжелая. Сумеете ли вы выполнить ее? Сможете ли выдержать этот экзамен истории? Огромная трудность ее усугубляется еще тем, что вы оказались на великом распутье, без путей, дорог и спасительного плана. «Отцы» ваши не могут помочь вам: они сами оказались банкротами; их опыт, в форме традиционного мировоззрения интеллигенции, оказался недостаточным, иначе трагедии бы не было.

Питирим Сорокин

Нина Хайлова

**«НЕ БОЯТЬСЯ
НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ,
ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»**

**ХОЗЯЙСТВЕННАЯ АДАПТАЦИЯ
РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ «ПЕРВОЙ
ВОЛНЫ» В ЧЕХОСЛОВАКИИ**

УДК
93/94 "192"

The newspaper «Nedelja», published in Czechoslovakia in 1929–1930, is an important source of information on the economic adaptation of Russian emigrants in this country. Analysis of the publications of the newspaper allows us to consider the basic directions and ways of organizing economic activity of Russian emigrants in Czechoslovakia, to evaluate the nature and forms of mutual aid, characteristics and extent of their participation in the economy of Czechoslovak Republic and other countries.

Ключевые слова: газета «Неделя», русская эмиграция в Чехословакии в 1920–1930-е гг.; хозяйственная деятельность; проблемы трудоустройства и пути их решения.

Key words: the newspaper «Nedelja», Russian emigration in Czechoslovakia in 1920–1930-s; economic activity; the employment problems and their solutions.

E-mail: nkhalova@yandex.ru

**«Неделя» – читателям:
«...где и как приложить
свои знания и труд»**

Одним из ценных источников по проблемам хозяйственной адаптации русских эмигрантов в Чехословакии в 1920-е – 1930-е годы является пресса. По словам современников,

газета «Неделя»¹ являлась «единственным неполитическим органом национально-мыслящей русской эмиграции в Чехословацкой республике». Характеризуя деловой и культурно-информационный характер своего детища, учредители стремились «ответить на настойчивую потребность тысяч русских в Чехословакии знать, что происходит в русских кругах, где и как можно приложить свои знания и свой труд, что и где можно купить или продать и, наконец, куда можно пойти и отдохнуть от ежедневных забот». Газета помогала читателям ориентироваться в периодических изданиях, содержащих полезную информацию для «русских беженцев» («Календарь-справочник для русских в ЧСР», «Ежегодник Чехословацкой республики» и др.). Особое внимание уделялось консультациям по вопросам трудоустройства («Отдел юридической помощи»)².

Материалы «Недели» свидетельствуют о значительных сложностях хозяйственного обустройства русских эмигрантов, в том числе «врастания» в экономику Чехословакии. Проблемы с трудоустройством выходцев из России особенно обострились в 1925 году, когда, благодаря широкой помощи чехословацкого правительства (т.н. «русской акции»), вузы этой страны закончили значительное количество эмигрантской молодежи. К концу 1920-х годов она в большинстве своем покинула страну, давшую им «путевку в жизнь» – бесплатное высшее образование. А уже осенью 1930 г. Прага перестала быть крупным центром русского студенчества³.

¹ Издавалась еженедельно в Праге с декабря 1928 г. по декабрь 1930 г. Редакторы – В.И.Ильинский, С.Я.Савинов, издатель – В.Д.Колесников (с №10 – Ильинский).

² Неделя. 1928. 22 декабря. №1; 1929. 25 октября. №41; 29 ноября. №45.

³ «Студентов, получающих стипендии от чехословацкого правительства, к 1 января 1931 года останется около 500 человек», – предполагала газета (Неделя. 1930. 12 ноября. №67).

«Деловая Россия» в Праге Вместе с тем часть русских, связанная в силу разных причин с Чехословакией, продолжала оставаться там. Из этой массы, весьма разнородной по социальному и возрастному составу, очень немногим «везло» с трудоустройством (тем более с открытием своего «дела»). Прежде всего, это было характерно для Праги. В чешской столице были сосредоточены т.н. «русские магазины»⁴, приглашавшие убедиться, что у них «при низких ценах – наилучшее качество», а также русские рестораны⁵. На русских «пражан» прежде всего была рассчитана реклама российских торгово-промышленных товариществ с дореволюционным прошлым, продолживших свою коммерческую деятельность за рубежом, и иностранных фирм⁶. Широкий набор товаров и услуг соотечественникам предоставляли как предприятия, мастерские и т.д., устроенные при содействии разного рода эмигрант-

⁴ Упоминались, в частности: «русский магазин косметики – гигиены – диеты Ю.Ауэрбаха»; «русский часовой магазин В.И.Маха», предлагавший также «большой выбор золотых, серебряных крестов и обручальных колец»; «русский винно-гастрономический магазин», предоставлявший клиентам «бесплатно пробный стакан вина», «настоящего русского приготовления консервы: фаршированные баклажаны, икра баклажанная, судак, бычки, скумбрия, печенка из налима, рижские кильки, шпроты, кетовая икра, копченый таран, одесская халва, гречневая крупа», а также обещавший «срочное выполнение заказов в провинцию» (Неделя. 1929. 8 февраля. №8; 1 марта. №11; 22 марта. №14; и др.).

⁵ Особенно популярными были ресторан «Огонёк», а также ресторан (с «русским залом») и «дешевая народная столовая» в «самом большом славянском отеле Праги» *Veránek* – любимом месте встреч русской эмиграции. Русскую и чешскую кухню, а также «настоящую русскую водку фирмы Кромского и К°» предлагал «Русский дом». 1 ноября 1929 г. открылся русский ресторан «U Vejvodů» (Praha I, Jilská ul. č. 4) (Неделя. 1920. 26 апреля. №56; 1929. 26 апреля. №19; 14 июня. №26; 25 октября. №41; 1 ноября. №42; и др.).

⁶ Так, активную деятельность развернула в Чехословакии крупнейшая в дореволюционной России фирма А.Губкина по оптовой торговле чаем «преемник А.Кузнецов и К°». Призывая к сотрудничеству («повсеместно требуются агенты»), предприятие и в эмиграции стремилось сохранять верность своим принципам: «Наилучший продукт по дешевой цене в любое время, в любом месте доставим потребителю». Продвижением на рынке ЧСР продукции французской парфюмерной фирмы занимался в Праге Дм.Н.Темирев. Генеральным представителем в Праге американской компании «The Maytag Company», производящей стиральные машины, являлся инженер Николай Песков (Неделя. 1929. 3 мая. №20; 24 мая. №23; 1930. 24 декабря. №69; и др.).

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

ских общественных организаций, кооперативов⁷, так и отдельные выходцы из России⁸.

Успех сопутствовал Кустарной мастерской, организованной при Обществе взаимопомощи русских женщин в ЧСР. Изделия мастерской предлагались публике на ежегодной выставке-базаре «Русский кустарь» в Праге⁹, устраиваемой Обществом в пред рождественские дни, а также весной. По отзывам современников, это мероприятие было весьма «показательным для работ русских в Праге». Не только члены Общества, но и все желающие могли участвовать в выставке, заблаговременно сообщив в «Русский Очаг» о своем желании, а также «какие работы и в каком количестве они могут представить». В декабре 1928 г. выяснилось, что

⁷ Газета размещала рекламу услуг мастерских при Союзе русских инвалидов в ЧСР, выполнявших «всевозможные работы по размножению рукописей, ленточек и объявлений» по «минимальным ценам». Нередки были сообщения студенческих кооперативных столовых с предложением дешевых «отличных обедов и ужинов». «Русский кооператив», имевший сеть магазинов в Праге, предлагал также отправку продовольственных посылок в Россию (Неделя. 1929. 11 января. №4; 25 января. №6; 19 апреля. №18; 28 июня. №28; и др.).

⁸ Продовольственные посылки в Россию «с гарантией доставки» отправляла и фирма «Wostorus», основанная в Праге русским инженером Л.Новаченко. Контора фирмы располагалась в доме, известном как «Корабль», где жил сам Новаченко, а также многие именитые эмигранты (эсер В.М.Чернов, писатель Е.Н.Чириков, историки А.А.Кизеветтер, П.В.Флоровский, И.И.Лаппо, Н.Л.Окунев, П.Б.Струве и др.). Реклама фирмы Новаченко обещала следующее: «5-ти и 10-ти киловые посылки (сахар, чай, рис, мука, сало и т.п.) от 30 Кš. Пересылка, страховка и упаковка 42 Кš. Пошлина на 5 кг посылку в России от 3 руб. ...Перевод денег в Россию по курсу дня. ...Оптом и в розницу высылаем во все места Чехословакии специально русские продукты: водку, спотыкач, рябиновку, икру паюсную, кетовую, кильки, шпроты, бычки и др. консервы, а также русскую горчицу, гречневую крупу, капусту, огурцы и т.д.». Пражский ресторан «Алла-верды» приглашал «на блины», которые готовил повар И.Д.Канаев. Неоднократно через газету предлагал свои услуги «парикмахер дамский и мужской Г.П.Васильев», обслуживший клиентов в пражском Hotel Palác. Мария Пешкова, бывшая акушерка клиники проф. Отто в Петрограде, предлагала «услуги русским дамам при родах». В.В.Дубиненко готов был предоставить желающим «иконы православные, готовые и на заказ, на дереве и полотне по ценам самым умеренным» (Неделя. 1920. 28 ноября. №68; 1929. 22 февраля. №10; 29 марта. №15; 1930. 24 декабря. №69; и др.).

⁹ В конце апреля – начале мая 1930 г. эта выставка впервые проходила вне Праги – в г. Пльзень (Неделя. 12 апреля. №17; 3 мая. №20).

материальные результаты выставки для ее организаторов были «не блестящи» («дорого стоила организация и 10%, удержанные с проданного экспоната, еле покрывают расходы»). Тем не менее в этом деле мотив финансовой выгоды не имел приоритетного значения для Общества. Выставка-базар в большей мере позиционировалась как культурно-национальное мероприятие в рамках сближения славянских миров и одновременно – как возможность материальной поддержки русских эмигрантов, занимавшихся художественным творчеством и промыслами: «хорошо продавались картины художников Долгова и Суслова, иконы кн. Яшвиль и Волоцкого, металлопластика г-жи Галлат и куклы». «Изящество и русское своеобразие» экспонатов выставки-базара неизменно привлекали внимание «высшего пражского общества». Было известно, что «ежегодно выставку посещает и приобретает ряд вещей дочь президента – д-р Алиса Масарик»¹⁰.

Примерами успешного предпринимательства русских эмигрантов в финансовой сфере стали Общества взаимного кредита, организованные по принципу подобных заведений, ставших популярными еще в царской России. На страницах «Недели» широко освещалась деятельность Чешско-русского общества взаимного кредита¹¹, а также Русского банка (ссудо-сберегательной кассы) «Славянская взаимность», не раз оказывавшегося в центре скандалов и судебных разбирательств¹².

¹⁰ Неделя. 1928. 22 декабря. №1; 1929. 29 марта. №15; 1930. 28 ноября. №68.

¹¹ Чешско-русское общество взаимного кредита (Česko-ruské společenstvo vzájemného úvěru) действовало в Праге с 5 ноября 1929 г. (предс. Правления – проф. В.В.Страпонов, имевший еще в России опыт управления отделением Государственного банка, члены – инж. Н.Н.Ипатьев, проф. Я.О.Сватош и коммерсант И.Я.Коджак). Членами Общества могли быть граждане ЧСР, прежней России (в границах 1914 г.), других славянских стран и, как исключение, иные лица. Размер членского пая был установлен в 100 крон, что давало право владельцу на кредит до 2000 крон., причем при большем числе паев возникало право на пропорциональное увеличение кредита. Общество заявило о том, что будет принимать вклады под проценты (до 6% годовых) и совершать для своих членов все банковские операции. Практически сразу Общество выхлопотало для своих членов льготы в ряде крупных магазинов и фирм Праги – скидки на покупку товаров (от 5 до 20%). В октябре 1930 г. в газете была размещена информация о планах строительства Общественного дома для своих членов, для чего был создан кооператив «Патриотика». Дом был построен в 1933 г. по адресу: Koulová, 6 (Неделя. 1929. 24 мая. №23; 1 ноября. №42; 13 декабря. №47; 1930. 19 октября. №66).

¹² Учреждение пользовалось популярностью: только в 1928 г. услугами «Славянской

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

В целом, коммерческая информация «Недели» свидетельствовала все же о довольно узком сегменте «предпринимательской» активности русских эмигрантов. Большинство рекламных объявлений исходило от коренных пражан, которые старались привлечь внимание русской публики¹³. В том числе тем, что «в магазине говорят по-русски», а выходцам из России, включая читателей «Недели», предоставляется скидка или «кредит на 6–8–10 мес.» и т.п. Не единичными были и случаи совместного предпринимательства: в финансовой сфере (общества взаимного кредита), торговле, ресторанном бизнесе¹⁴.

Кстати, имена некоторых чешских предпринимателей были хорошо знакомы русским уже давно. Среди них – портной Кубовец Вячеслав Вячеславович, 1869 г.р., уроженец г. Липков (Чехия), владевший мас-

взаимности» воспользовалось более тысячи просителей. Однако отношение к банку в эмигрантских кругах было неоднозначное. Зачастую 9%-ная ставка кредитования воспринималась как неподъемная. К тому же имидж фирмы среди членов Пражской русской колонии был изрядно подпорчен. Первый из громких скандалов был связан с деятельностью кооператива «Společny Dům», основанного в 1925 г. учредителями банка с целью постройки нескольких домов. В начале 1929 г. руководство учреждения во главе с известным деятелем Ф.С.Мансветовым было обвинено в «махинациях» в связи с обстоятельствами получения ими крупного кредита для приобретения весной 1928 именина «Малая Прилепа» под Прагой с целью распределения его на участки для устройства дач и т.п. (Неделя. 1929. 11 января. №4; 8 марта. №12; 29 марта. №15; 10 мая. №21; 1930. 26 апреля. №56).

¹³ «Единственная выпечка в ЧСР русского хлеба», – гласила реклама «паровых пекарен» в Праге. Среди наиболее часто упоминаемых в газете чешских фирм, ориентированных в том числе на русских покупателей: Банк чехословацких легионов «Легиобанк», предлагавший операции по переводу денег в Россию и из России, торговый дом «Cyril M. Šimek», фирма «Olga Falladová» («магазин и мастерские кожаных изделий – чемоданы, сумочки, портфели и т.д.»), антикварное заведение А.Кубеча (Antonín Kubec), и др. Чешская фирма «J.Strachota» предлагала услуги тем, «кто хочет дорого продать и дешево купить поношенное платье, обувь и прочее» (Неделя. 1929. 8 марта. №14; 29 марта. №15; 19 апреля. №18; 24 мая. №23).

¹⁴ В газете рекламировалась «всевозможная посуда и кухонные принадлежности» чешско-русского магазина J.Michalec. Обращалось внимание русской публики на многостороннюю деятельность чешско-русско-украинского книжного магазина F.Svoboda, а также чешско-русского винного кафе-ресторана дамского кружка «Терем» в Праге (Неделя. 1929. 3 мая. №20; 15 ноября. №43; 1930. 3 мая. №57).

терской в Петербурге-Петрограде, на Невском проспекте. В 1927 году он был арестован и выслан в Чехословакию, где продолжил профессиональную деятельность, «собирая» русскую клиентуру уже у себя на родине¹⁵. Газета рекламировала «первоклассную работу» еще одного мужского портного – чеха Карла Выскочила, который по возвращении из Петрограда «вновь открыл свое дело» в Праге¹⁶.

«Он не мог найти работы по специальности и работал простым чернорабочим»

Несмотря на определенные возможности трудоустройства русских эмигрантов (особенно в Праге и других крупных городах), все же, в основном, выходцы из России перебивались, влача жалкое существование, вынужденные зарабатывать на жизнь физическим трудом, который многим был не по силам¹⁷. Да и

¹⁵ Неделя. 1929. 18 октября. №40; и др.

¹⁶ Неделя. 1930. 12 ноября. №67.

¹⁷ «Надорванные голодовками и иными лишениями организмы не выдерживают и легко падают под ударами болезней», — свидетельство о распространенной ситуации в эмигрантских лагерях.

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

найти даже физическую работу было нелегко. «Нам известны факты, что у многих лиц дневное пропитание обычно составляет 2–3 кроны в день, есть множество таких, которые не имеют даже смены белья и вынуждены таиться от света, стыдясь ветхости одеяния, – свидетельствовало газета. – Таких лиц, когда они просят какой-либо работы, принимают за профессиональных нищих. Многие семьи могут позволить себе роскошь обедать только через день». В этой ситуации добрым словом следует вспомнить помощь русским со стороны Чехословацкого Красного Креста, расходы которого с этой целью составили к началу 1929 г. свыше 12 миллионов крон¹⁸.

«Инженер с инженером сговорится скорее и проще»

Несмотря на «полосы усталости и отчаяния», большинство эмигрантов в Чехословакии не «опускало руки» в поисках работы с тем, чтобы сохранить себя и свои семьи. «У

каждого русского заветная мечта – Россия, но, чтобы узреть и обрести Ее, надо прежде всего сберечь себя», – выстраивая жизненную логику «среднестатистического» русского эмигранта, редакция газеты закономерно приходила к выводу о необходимом условии хозяйственной «самореализации»: «чтобы найти труд, надо получить на него законное право». Отсюда – мысль о насущной потребности объединения эмиграции, «чисто делового, профессионального, без какой бы то ни было политической тенденции или окраски, кроме противобольшевистской»; уверенность в том, что «с таким объединением будут считаться все иностранцы, такому объединению, при некотором благора-

рантских кругах, «Неделя» не раз публиковала сведения о «новых утратах». Одна из многочисленных жертв обстоятельств – скончавшийся в январе 1929 года 35-летний выпускник философского факультета Карлова университета Алексей Яковлевич Олимпиев. «Он не мог найти работы по специальности и работал простым чернорабочим, таскал камни, зимой копал рвы, исколесил пешком всю Словакию и Подкарпатскую Русь, работал у крестьян за хлеб и кров, был слугой у разбитого параличом чешского художника. Почти перед самой смертью счастье ему улыбнулось, он нашел [место на стройке], но пришла зима, работы остановились, и Алексей Яковлевич снова вернулся в прибежище Чехословацкого Красного Креста. Простудился, слег, и надорванный, изголодавшийся организм не выдержал» (Неделя. 1929. 1 февраля. №7).

¹⁸ Неделя. 1929. 25 января. №6; 26 апреля. №19.

зумии и сдвиге, протянет руку и Россия через головы своих политических вождей! Инженер с инженером, юрист с юристом сговорится скорее и проще, а образованные специалисты везде нужны»¹⁹.

Свидетельством того, что призыв газеты падал на подготовленную почву, служило ускорение процесса самоорганизации русских эмигрантов по профессиональному признаку. Среди «передовиков» в этом деле выделялся Союз русских инженеров и техников в Чехословакии. Откликом на идею сплочения эмиграции явились также многочисленные собрания, съезды (в т.ч. учредительные) и другие совместные акции, которые проводились на рубеже 1920-х – 1930-х годов представителями «деловой» эмиграции в Чехословакии, в частности:

- Союза «Русский земледелец»;
- Союза русских агрономов, лесоводов и ветеринаров в ЧСР;
- Объединения русских юристов в Подкарпатской Руси;
- Союза русских агрономов, техников, инструкторов сельского хозяйства²⁰;
- Корпорации русских инженеров, механиков и электриков, воспитанников Политехнического института²¹;
- Объединения русских инженеров-агрономов, окончивших агрономический факультет Пражского политехникума²²; и др.

В мае 1929 г. сообщалось об объединении «в ближайшем будущем» коммерческих инженеров в ЧСР²³, в январе 1930 г. – о планируемом создании Организации русских коммерсантов в ЧСР²⁴.

¹⁹ Неделя. 1929. 26 апреля. №19.

²⁰ Неделя. 1929. 10 мая. №21; 24 мая. №23, и др.

²¹ Корпорация русских инженеров, механиков и электриков, воспитанников Политехнического института была образована 11 мая 1927 г. Почетными членами объединения являлись: А.С.Ломшаков, А.П.Фан-дер-Флит, К.П.Федоров. Весной 1929 г. корпорация насчитывала 59 членов, «из коих 13 – в Пильзне, 4 – в Градце Кралове, 2 – в Младой Болеславе, 3 – в Южной Америке и остальные – в Праге». По состоянию на май 1930 года в Корпорации числился 61 человек, «из которых 53 – в Чехословакии, 4 – в Аргентине, 2 – в Соединенных Штатах, 1 – в Югославии и 1 – во Франции» (Неделя. 1929. 17 мая. №22; 24 мая. №23; 1930. 17 мая. №59).

²² Неделя. 1929. 31 мая. №24.

²³ В качестве инициаторов объединения назывались А.И.Федоров, Л.И.Новаченко, Д.Я.Врба и В.Абрамов.

²⁴ Неделя. 1930. 10 января. №50.

**Русская Прага:
академическая,
литературная,
студенческая
... земледельческая**

Характерной приметой времени служил и традиционный ежегодный «съезд» русских земледельцев в ЧСР, проходивший в чешской столице в мае, в дни проведения там сельскохозяйственной выставки. Газета свидетельствовала: «русская Прага – академическая, литературная, студенческая, занятая своей жизнью», была мало осведомлена об этих «земледельческих днях», устраиваемых русскими земледельческими организациями, и вообще о судьбе данной категории соотечественников – «представителей той значительной группы русских казаков и земледельцев, которые в количестве 3 000 человек были вывезены из лагерей Константинополя и разбросаны по ЧСР»²⁵.

Устроились эти выходцы из России по-разному: «В большинстве служат сельскохозяйственными рабочими, но многие заняли более выгодные и ответственные должности заведующих отдельными отраслями сельского хозяйства, приказчиков, управляющих мелкими именьями и т.д. Некоторые же женились на чешках и словачках и обзавелись собственным хозяйством»²⁶. Именно среди эмигрантов-земледельцев наблюдался наиболее интенсивный процесс русско-чешской ассимиляции: крестьяне и казаки приспособились к жизненному укладу местного населения, изучили язык. «Представление о российских земельных просторах, которые нужно только справедливо поделить, чтобы зажить богато и счастливо, сменилось сознанием, что пределы удобной земли весьма ограничены и что она требует упорного труда, чтобы могла прокормить человека», – отмечалось в газете. Хорошей школой для выходцев из России послужил высокий агротехнический уровень чехословацкого земледелия. Многие к тому же смогли повысить в Чехословакии свой образовательный уровень – как общий, так и специально в сфере сельского хозяйства²⁷. В «Неделе» особо указыва-

²⁵ Неделя. 1929. 24 мая. №23.

²⁶ Там же. – По законам ЧСР возможность приобретения русскими земельных участков была тогда почти полностью исключена. Поэтому в Чехословакии отсутствовали те перспективы, которые, к примеру, открывались на юго-западе Франции, где сотни русских беженцев «превращались» во французских собственников (Там же).

²⁷ Показательным примером успешной «включенности» передовых русских хозяйств в экономику Чехословакии может служить информация, помещенная в «Неделе» под говорящим заголовком: «Лучшее куроводство в ЧСР – русское». Дело в том, что по итогам конкурса на лучшую дружбежарню (куроводство), объявленного Министерством

лось на еще одну «составляющую» успехов русских земледельцев в этой стране, а именно: их «правильную организационную спайку»: «Через своих уполномоченных они создают центральный орган – Административную комиссию [председатель – Г.И.Долгопятов], которая ведет сношения с правительственными учреждениями Республики и которая поддерживает связь с чешской Аграрной партией, которой особенно близки интересы русских земледельцев». Административная комиссия по делам русских земледельцев регулярно обращалась к выходцам из России, находившимся на сельскохозяйственных работах в чехословацкой провинции, с просьбой прийти на помощь соотечественникам – безработным земледельцам – подысканием мест службы. Поддерживая этот призыв, редакция замечала: «Если каждый русский, которому посчастливилось устроиться, будь это доктор, земледелец или ночной сторож, поможет своему собрату найти кусок хлеба, результат скажется скоро»²⁸.

Среди русскихъ земледѣльцевъ въ ЧСР.

— 18 мая сг. въ залѣ Засѣданій Пражскихъ Ярмарокъ (Prahа VII., Bělského tř.) въ 2 час. дня состоится открытіе земледѣльческаго семинара. Программа: 1. Открытіе. 2. Проф. Д. Иванцовъ: „Почему нѣтъ хлѣба въ СССР.“ 3. Проф. А. Фатѣевъ: „Русскій и чешскій земледѣлецъ“. 4. Докладъ на тему: „Значеніе права и порядка въ жизни земледѣльца“.

— 20 мая въ помѣщеніи Земледѣльской Едноты состоится Общее Собраніе СОЮЗА РУССКІЙ ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ.

— 17 и 18 мая сг. русскіе земледѣльцы, разбросанные по всей Республикѣ, посѣтятъ организованными группами Пражскую Сельско-Хозяйственную выставку.

земледелия Чехословакии по случаю 10-летия Республики, была признана лучшей (по количеству снесенных яиц и по качеству кур породы легхорн) русская друбежарня Л.В.Архангельской около Праги (Nová Sibirina, р. Věchovice). Победительнице была выдана, кроме почетного диплома, высшая премия в 1000 крон. Отмечалось также, что это хозяйство и раньше неоднократно получало на выставках медали, почетные дипломы и денежные награды (Неделя. 1929. 31 мая. №24).

²⁸ Неделя. 1929. 26 апреля. №19; 24 мая. №23; 1930. 12 ноября. №67.

**«Деловое объединение
всей русской эмиграции
– не утопия»**

Красной нитью в публикациях газеты проходила мысль не только об эффективности объединенных усилий эмигрантов внутри одной страны. Отмечалось также, что и «деловое объединение

всей русской эмиграции не утопия и что многое в этом направлении уже сделано». Раскрывая вклад русской эмиграции в Чехословакии в общеевропейское дело единения соотечественников за рубежом, «Неделя» обращала внимание на ряд инициатив Русской академической группы (предс. – проф. С.В.Завадский) и Русского эмигрантского совещания в Праге (предс. – А.С.Ломшаков)²⁹. Показателем быстро набиравших силу центристских тенденций в среде русской эмиграции служил, в частности, съезд федерации Славянских инженеров, проходивший с 21 по 26 июня 1929 г. в Познани (Польша). Союзы русских инженеров-эмигрантов были представлены делегацией в составе председателя Правления Общества русских инженеров в Чехословакии проф. А.С.Ломшакова и товарища председателя того же правления П.П.Юренева, руководителей Союза русских инженеров в Германии (проф. В.И.Ясинский) и Польше (П.Э.Бутенко и проф. Д.М.Сокольников)³⁰.

**О деловомъ объединеніи
русской эмиграціи.**

На эту тему, 30 апрѣля въ 4 час. дня въ помѣщеніи Земледѣльческой Рады по инициативѣ Русской Академической Группы и Русскаго Эмигрантскаго Совѣщанія въ Прагѣ, сдѣлалъ интересное сообщеніе, прѣхавшій для этой цѣли изъ Лондона, проф. В. Г. Коренчевскій. На собраніи присутствовали представители профессиональныхъ и культурныхъ организаций, представители печати и гости. Послѣ вступительнаго слова проф. А. С. Ломшакова, какъ предсѣдателя Эмигрантскаго Совѣщанія и проф. С. В. Завадскаго, какъ предсѣд. Русской Академической Группы, собраніе выслушало обширное сообщеніе о деловомъ объединеніи всей русской эмиграціи. Собраніе было закрытымъ. Не имѣя возможности изложить подробно содержаніе сообщенія проф. Коренчевскаго.

²⁹ Так, по их приглашению в начале мая 1929 г. Прагу посетил В.Г.Коренчевский, один из лидеров Русской академической группы в Великобритании, автор брошюры «Почему нужно деловое объединение русской эмиграции» (1930).

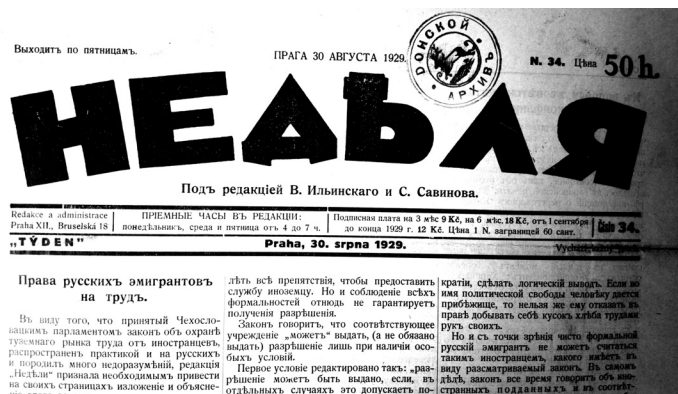
³⁰ Неделя. 1929. 3 мая. № 20; 28 июня. № 28.

Газета всячески старалась поддерживать бодрое, деловое настроение в соотечественниках. В связи с наступлением Нового, 1929-го, года известный журналист К.П.Бельговский обращался со страниц «Недели» к русским эмигрантам с пожеланием «получше укрепляться "на местах", забросив дальше свои эвакуационные чемоданы. Если в 1929 году исполнится сокровенная мечта всех нас о возвращении в освобожденную Россию, то – запаковать вещи всегда можно будет успеть!»³¹

«Нам нужен не Маркс, а Форд!»

Оптимизм членов редакции был связан не в последнюю очередь с настроениями «новой молодежи» – «европейской, американской и, в особенности, русской». Кстати, газета была одним из немногих эмигрантских изданий, которые уделяли внимание поколению «детей», отмечая его характерные черты, сложившиеся под влиянием «практического века сего» как следствие «сурового реализма жизни, войны и революции»: «Достигнуть в жизни личного, экономически сносного благополучия – основной стимул их деятельности... Молодежь создает вокруг себя деятельную атмосферу практицизма, американизма, индивидуализма. Складывается новый активный, духовный тип человека. Действие – вот что вдохновляет современную молодежь. У молодежи нет вкуса к идеологиям и "большим идеям" ("Нам нужен не Маркс, а Форд!")»³².

Молодежь создает вокруг себя деятельную атмосферу практицизма, американизма, индивидуализма. Складывается новый активный, духовный тип человека. Действие – вот что вдохновляет современную молодежь. У молодежи нет вкуса к идеологиям и "большим идеям" ("Нам нужен не Маркс, а Форд!")»³².

³¹ Неделя. 1929. 11 января. № 4.

³² Неделя. 1929. 28 июня. № 28.

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

Отражением данной тенденции стало, по мнению редакции, значительное увеличение интереса русской эмигрантской молодежи к рационализации производства, научной организации труда. В начале 1929 года в Праге было учреждено «Русское общество Тэйлора», по инициативе которого Обществом русских инженеров в ЧСР совместно с Масариковой Академией труда были открыты специальные общедоступные курсы. К чтению лекций там привлекались видные специалисты – как чехи, так и русские эмигранты (инженеры П.М.Ганицкий, К.П.Федоров и др.)³³. «Настроение эпохи» передавали восторженные материалы «Недели» о «пионерах» чехословацкой промышленности, в т.ч. «славянском Форде», «короле обуви» Т.Бате – «неутомимом искателе все новых и новых путей к завоеванию мировых рынков». Ссылаясь на статью С.И.Варшавского, газета описывала «чрезвычайно интересный так называемый город Бати, где работает 8.000 человек и где "своя электрическая станция, свои железные дороги, пересекающие территорию фабрики, своя строительная контора, ряд социальных предприятий: общие столовые, кооперативы, хлебопекарни, молочные, лечебница, родильный приют, психо-техническая лаборатория, школы, курсы, ясли, своя газета, свой театр, кинематограф, свои гимнастические организации, свой оркестр, хоры и т.п. и т.п.»³⁴. «До сих пор Батя имел в Чехословакии 453 собственных магазина. В настоящее время приступлено к открытию новых 500 магазинов на всем протяжении республики. Таким образом, в скором времени в одной Чехословакии будет до 1000 обувных магазинов Бати». Осенью 1930 г., сообщая об очередном достижении предпринимателя, открытии им в Праге «большого торгового дома, построенного из бетона и стекла», газета не скрывала восхищения его очередными грандиозными планами – созданием «целой сети таких, в большинстве пяти–шестиэтажных домов, которые будут выстроены во всех более или менее крупных центрах Чехословакии. Намечена постройка 40-ка "дворцов обуви". План постройки будет осуществлен в течение 1–2 лет. В каждом торговом доме будет находиться, кроме магазина по продаже обуви, мастерская для производства поправок, столовые для служащих, квартиры заведующих и некоторых служащих, институт педикюра и уходами за ногами и т.д.». Отмечалось также, что, «кроме Праги, "дворец обуви" уже построен в Карлсбаде, против колоннады

³³ См.: *Неделя*. 1929. 29 марта. №15; 5 апреля. №16, 12 апреля. №17; 24 мая. №23; и др.

³⁴ *Неделя*. 1929. 28 июня. №28; 1929. 15 ноября. №43; *Неделя*. 1930. 24 сентября. №64.

Мюльбруннема». В начале июня 1930 г., накануне традиционных торжеств по поводу «Дня русской культуры» за рубежом, «Неделя» высказывала пожелание: «Меньше перепевов на культурно-исторические темы, и больше внимания живой действительности»³⁵.

**«По поддержке в беде
узнается истинный друг»**

Заявляя о необходимости «внести в платоническое славянофильство свежую струю славянского американизма», редакция обращалась к чехам и словакам с призывом не оста-

ваться в стороне от «общеславянского дела» помощи русским эмигрантам. Газета напоминала старинную мудрость: «По поддержке в беде узнается истинный друг»³⁶. Следует подчеркнуть, что одним из проявлений «встречного движения» служила деятельность Объединения чехов и словаков из России – общественной организации, учрежденной гражданами ЧСР из числа «тех десятков тысяч человек, которые жили и работали в России задолго до Первой мировой войны» и для кого Россия стала «второй родиной». Восстановление «великой славянской России» являлось для них «залогом общего европейского мира и правильного экономического развития»³⁷. Значимую помощь русским эмигрантам (прежде всего в получении образования, трудоустройстве) оказывали флагманы чехословацкой промышленности.

Среди них:

- завоевавшие своей продукцией международное признание Шкодовы заводы (генеральный директор – Ф.Гануш);
- лучшая в Центральной Европе фабрика турбин, “Josef Prokop a synové v Pardubicích”, принадлежавшая инженеру и изобретателю Иосифу Прокопу, «большому славянину, верному другу России и русского народа»;
- а также заводы акционерного общества “Wichterle a Kovářik” в Простееве на Мораве, специализировавшиеся на производстве сельскохозяйственной техники, легковых автомобилей, а также бензиновых, нефтяных, газовых двигателей, электромоторов, паровых локомотивов. Один из владельцев заводов,

³⁵ Неделя. 4 июня. №61.

³⁶ Неделя. 1929. 26 апреля. №19.

³⁷ Неделя. 1929. 25 октября. №41.

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

К. Вихтерле, характеризовался на страницах газеты как «добрый славянин, принимающий близко к сердцу тяжелые переживания России»³⁸.

Земгор: чехословацкий опыт

Что касается эмигрантских организаций, в трудную минуту подставивших свое плечо соотечественникам, то в литературе уже отмечалась огромная работа пражского

Земгора по обустройству жизнедеятельности русской колонии в ЧСР, в т.ч. хозяйственной адаптации эмигрантов³⁹. Только в 1928 году Земгором было «возбуждено ходатайств на въезд в различные страны – 186, отправлено на работы – 226 чел., оказана материальная помощь выезжающим за границу 55 лицам, оказано содействие различного рода ремесленникам – 164 лицам»⁴⁰. Кроме того, Земгор занимался урегулированием юридического положения русских беженцев, поддерживал связь по этому вопросу с Центральной юридической комиссией в Париже и Лигой наций. В частности, стимулом такой деятельности стал Закон об охране национального рынка труда в ЧСР, принятый в марте 1928 года. Осенью 1929 г. студенческие волнения в Праге и ряде других университетских городов Чехословакии снова обострили вопрос о русских эмигрантах. С удовлетворением на страницах газеты отмечалось, что чехословацкое студенчество, выдвигая требования об ограничении прав «нежелательных» иностранцев, в число последних русских не включило. Тот же такт и благожелательность проявило тогда в отношении выходцев из России и подавляющее большинство чехословацкой прессы⁴¹.

³⁸ Неделя. 1930. 24 сентября. №64; 28 ноября. №68.

³⁹ Объединение Российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (сокращенно Земгор) было учреждено 17 марта 1921 года в Праге по частной инициативе ряда деятелей земско-городских самоуправлений России для оказания помощи бывшим российским гражданам, находившимся в Чехословакии. Финансовой основой деятельности Земгора были субсидии от МИД ЧСР (См.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С.57–114).

⁴⁰ Неделя. 1929. 7 июня. №25.

⁴¹ Неделя. 29 ноября. №45.

**ОРОВУЗ: нет –
деквалификации
и денационализации
дипломированной молодежи!**

Немалый вклад в дело обустройства соотечественников вносило и Объединение русских эмигрантов, окончивших высшие учебные заведения за рубежом (ОРОВУЗ). К

середине 1929 года в этой общественной организации в ЧСР состояло 879 чел. В том числе: «медиков – 53, юристов – 191, электромехаников – 66, агрономов – 114, межевиков – 69, химиков – 38, кооператоров – 94». На Парижском (сентябрь 1930 г.) съезде представителей ОРОВУЗов, существовавших тогда в разных странах, был создан Союз объединений окончивших вузы за рубежом (предс. – И.Г.Савченко). Новая организация насчитывала в своих рядах 10 000 специалистов и ставила своей целью «предохранить от деквалификации и денационализации дипломированных за границей интеллигентных работников», обеспечить «наиболее рациональное расселение молодой русской квалифицированной интеллигенции»⁴².

Деятельность чехословацкого отделения ОРОВУЗа была чрезвычайно насыщенной и многосторонней. «Неделя» имела тесные контакты с ОРОВУЗом, регулярно размещала на своих страницах информацию его отделов (труда и помощи, переселенческого, юридического). Объединение обращалось через газету не только к своим членам, но и ко всем русским с просьбой присылать сведения об имеющихся рабочих местах на заводах и фабриках, строительных, дорожных, землемерных работах, вакансиях шоферов, медицинских работников, инженеров всех специальностей и т.д.

Наряду с содействием устройству своих членов по специальности, ОРОВУЗ оказывал разнообразную помощь безработным – предложение им временной работы, предоставление бесплатных обедов, ссуд, пособий, размещение в общежитиях. Совместно с другими общественными организациями, а также вузами (Общеказачий сельскохозяйственный союз, Русский народный университет в Праге и др.) ОРОВУЗ участвовал в устройстве разного рода курсов (землемерные, дорожно-строительные и др.) для обучения востребованным специальностям желающих⁴³. В газете упоминался случай, когда эту инициативу под-

⁴² Неделя. 1929. 19 июля. №30; 1930. 4 июня. №61; 24 сентября. №64.

⁴³ Сообщалось в частности, что в декабре 1929 г. состоялся второй выпуск техникув-землемеров на Русских землемерных курсах в Праге (заведующий Курсами – инж. В.Т.Васильев, отв. за учебный процесс – проф. И.Пантофличек). 18 выпускников получили

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

держали и сами слушатели курсов – своим решением отчислять «каждым из окончивших курсы, в случае получения им службы, 2% из основного жалования в кассу ОРОВУЗа для организации в дальнейшем новых курсов»⁴⁴.

Отдѣлъ труда.

Отдѣлъ труда ОРОВУЗа сообщает:

1. Въ Марокко требуются инж. строители, архитекторы и горные инженеры. Требования на электромеханиковъ изъ франц. колоній не поступаютъ.

2. Въ Югославіи будутъ производиться большія работы по ирригаціи свыше 1 миллиона гектаровъ земли, въ связи съ чѣмъ является потребность въ землемѣрахъ. Правленіе ОРОВУЗа послало министерству ин. дѣлъ Югославіи запросъ о возможности и условіяхъ пріема русскихъ межевичевъ, равно какъ и ходатайство о содѣйствіи въ выдачѣ имъ визъ.

3. Въ связи съ просьбой группы членовъ ОРОВУЗа о содѣйствіи ихъ переселенію въ Сирію, правленіе запросило довѣренное въ Сиріи лицо о возможности и условіяхъ переселенія. По полученіи отвѣта, таковой будетъ напечатанъ въ „Недѣль“.

Отдѣлъ труда.

Спросъ и предложеніе.

Требуются рабочіе по бетонированію шоссе въ количествѣ 10 человекъ.

Требуются регенты въ Вѣну, знающіе восточные нарѣчья. Условія 20 долларовъ въ мѣсяцъ и квартира. Черезъ годъ увеличеніе жалованія и разрѣшеніе получить австрійское подданство.

Требуются ветеринарный врачъ въ Бельгію.

Требуются женщина зубной врачъ въ Прагу. Жалованье 2000 кч въ мѣсяцъ. Служба постоянная.

Требуются лицо, умѣющее писать по старославянски.

Требуются техникъ путей сообщенія или окончившій Политехникумъ для занятій по курсамъ: мосты, канализація.

Всѣ справки у члена Правленія Оровуза Д-ра Ефанова, Прага II., Румунска I.

«Из жизни эмиграции»: «...искренний личный совет»

Одной из главных задач деятельности этого объединения являлось решение проблемы переселения русских с высшим образованием в другие страны. Газета отмечала, что особенно благоприятные условия для этого сложились с приездом в ЧСР П.А.Гессе, представителя Верховного комиссариата Лиги наций⁴⁵.

особые дипломы на русском, чешском и французском языках за подписями представителей министерства народного просвещения, министерства иностранных дел, министерства путей сообщения, Общеказачьего сельскохозяйственного союза и Русского Народного университета в Праге («последние две организации содержат курсы»), а также учебного персонала Курсов. Семь выпускников приняли приглашение на службу («на сравнительно выгодных условиях»), поступившее от французской компании в Сирии. Другие, как и большинство (из 14 человек) первого выпуска, надеялись устроиться в Польшу, Югославию (Неделя. 1920. 10 января. №50).

⁴⁴ Неделя. 1929. 22 февраля. №10.

⁴⁵ В частности, сообщалось, что Верховный комиссариат Лиги наций по делам беженцев заключил соглашение с целым рядом пароходных обществ, по которому русские эмигранты получили право льготного проезда в Южную Америку: «вместо 22 английских фунтов проезд стоит 13 фунтов 10 шил.» (Неделя. 1929. 18 октября. №40).

ОРОВУЗ занимался изучением рынков труда в других странах, брал на себя оформление виз для отъезжающих, оказывал материальную помощь переселенцам⁴⁶ и др. Через Верховный комиссариат Лиги наций в Женеве ОРОВУЗ получал оперативную информацию по странам возможного переселения русских эмигрантов (емкость рынка труда, востребованные специальности и т.д.). Взгляд на проблему «с другого конца» представляли полученные Правлением ОРОВУЗа (и опубликованные в «Неделе») письма из-за границы от уже обосновавшихся на новых местах русских эмигрантов – выходцев из Чехословакии. Они делились личными наблюдениями и впечатлениями, давали советы тем, кто только «паковал чемоданы». Среди тех, кто «счастливо вырвался из Европы», – инженер-агроном П.И.Калачев⁴⁷. В марте 1929 года было опубликовано его письмо «Как я приехал в Северную Америку». Подробно описывая свой маршрут из Праги через Антверпен в Нью-Йорк, Калачев надеялся, что его сведениями смогут воспользоваться и другие лица из пражской эмиграции, окончившие высшие учебные заведения в ЧСР и желающие уехать в Новый Свет⁴⁸.

⁴⁶ Порядок получения денег переселенцами был таков: желающие покинуть ЧСР должны были написать соответствующее заявление в Правление ОРОВУЗа, указав необходимую сумму и не менее двух поручителей (их подписи необходимо было нотариально заверить, за исключением тех случаев, когда поручители были лично известны руководству ОРОВУЗа). При благоприятном решении Правления оно возбуждало ходатайство перед чехословацким представителем Верховного Комиссариата Лиги Наций и обычно через 18–20 дней проситель мог получить деньги. Условия возвращения денег были следующие: «заем на 1 год – первый платеж через 2 месяца и после ежемесячно по 1/10 суммы; заем на 2 года – уплаты по 1/20» (Неделя. 1929. 26 апреля. №19). В 1929 году пражский ОРОВУЗ оказал помощь по переселению 118 своим членам, из которых 110 человек получили ссуды на переселение в размере 124 646 крон (Неделя. 1930. 10 мая. №58).

⁴⁷ Калачев Павел Иванович (р. 1899, ст. Атаманская, Область Войска Донского – 29 февраля 1956, Богота, Колумбия), предприниматель. Оказавшись в эмиграции в Чехословакии (1920), он окончил агрономическое отделение Пражского политехнического института, специализировался в производстве спирта. 31 декабря 1928 г. покинул Прагу и вскоре оказался в США, где стал успешным бизнесменом – занимал директорские посты на различных предприятиях спиртовой промышленности. В 1955 году был приглашен в Колумбию для руководства технологическими исследованиями, где вскоре скончался (См. о нем: Казачий словарь-справочник. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedia/k.htm>).

⁴⁸ Неделя. 1929. 8 марта. №12.

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

Информация «из первых рук» о ситуации, в которой предстояло очутиться переселенцу (перспективы «закрепиться» на рабочем месте, условия труда и быта, климат и т.д.), размещалась также в специальном разделе газеты («Из жизни эмиграции»), где систематизировалась по странам. Судя по материалам газеты, основными направлениями расселения русских эмигрантов, покидавших Чехословакию в поисках лучшей доли, являлись:

- Европа (Франция, Югославия);
- Ближний Восток (Сирия, Персия и Турция);
- африканский континент (Марокко, Экваториальная и Западная Африка);
- Канада и США;
страны Латинской Америки (Аргентина, Парагвай, Бразилия).

Франция и Югославия

Тем эмигрантам, которые устремлялись в поисках работы во Францию, газета советовала подготовиться к длительному периоду «борьбы за существование». Квалифицированный специалист-иностранец, если и имел шанс получить там «право на труд» (и, вообще, должность с достойным заработком), то далеко не сразу. К примеру, по закону администрация завода Пежо могла приглашать на контрактной основе нефранцузов исключительно на рабочие места («заработок для рабочих от 30 до 40 франков в день при квартире, которая стоит 50 фр. в месяц с освещением, отоплением и бельем»). И только впоследствии, «приглядевшись» к работнику, дирекция могла перевести его, к примеру, на должность инженера с окладом 1500 – 2000 франков. Подобные условия оговаривались заранее, и, если они устраивали русского эмигранта, он мог рассчитывать на присылку ему из Франции визы и документов для оформления контракта. «Каждый из приехавших, отбывший 6-ти месячный контракт, получает необходимое во Франции "право на труд" и будет волен устраиваться, как захочет», – писала газета. При этом нарушение контракта без уважительной причины не только влекло за собой отказ Министерства труда Франции выдать просителю «право на труд», но и могло стать причиной предложения покинуть пределы страны⁴⁹.

⁴⁹ Неделя. 1930. 10 мая. №58.

В 1929 году как одно из наиболее благоприятных мест для жизни и трудоустройства русских эмигрантов в газете характеризовалась Югославия, где к тому времени «осело» около 40.000 выходцев из России. Обращалось внимание на то, что они имеют «верного защитника» в лице короля Александра I, пользуются всеми правами (в т.ч. правом на труд) наравне с коренным населением, а потому могут занимать даже ответственные государственные и общественные должности⁵⁰. Под влиянием личных впечатлений от пребывания в Югославии известный писатель Е.Н.Чириков подтверждал: «Отношение со стороны народа и его интеллигенции в огромном большинстве своем не только сочувственное, но братски дружественное... Насколько позволяет это культурно-экономический размах страны, всякий русский тут "своего счастья кузнец": люди таланта, энергии и предприимчивости, люди с высоким профессиональным цензом оцениваются по достоинству. Милости просим, работайте! Стройте, лечите, торгуйте, учите! Русские врачи, профессора, архитекторы, инженеры, купцы продолжают заниматься своим делом... Несомненно, – замечал Чириков, – такое положение, помимо братского расположения, создалось еще и недостатком собственной профессиональной интеллигенции, истребленной кровавой баней мировой войны». Высоко оценивал писатель деятельность главы т.н. «русской акции» в Югославии академика А.И.Белича, «искреннего друга и почитателя русской культуры», который получил высшее образование в России⁵¹.

В качестве примера заботы о русских в газете приводилось постановление югославского правительства о предоставлении казакам 1.000 гектаров земли, удобной для поселения и обработки. «Дело в том, что массовое переселение казаков за океан, в частности, в Перу, обратило на себя внимание руководства страны, которое поняло, что в лице казаков-земледельцев оно теряет прекрасный человеческий материал для колонизации малонаселенных мест, – комментировала ситуацию редакция «Недели». – Стремление удержать казаков в пределах славянской страны и вера в то, что недалеко то время, когда казаки получат возможность вернуться к себе на Родину и унесут с собой благодарную память о братской помощи, оказанной им сербским народом, и побудило правительство Югославии принять вышеприведенное решение». Данная акция характеризовалась осенью 1929 г. как начало правительственных мероприятий по «прочному обустрой-

⁵⁰ *Неделя*. 1929. 29 ноября. № 45.

⁵¹ *Неделя*. 1930. 31 января. № 52.

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

ству» русских казаков в этой стране⁵². Тогда же газета представляла значительное событие предстоявшего года – планируемый перевод в Югославию Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге. Отмечалось, что данная инициатива проф. В.Ф.Тотомианца была одобрена королем и правительством Югославии, обещавшим институту материальную поддержку и предоставление в пользование здания Скупщины в Белграде, а также статуса правительственного высшего учебного заведения со всеми правами. «Ввиду предстоящей огромной роли кооперации в молодой Югославии, где еще нет опытных руководителей кооперативного движения, Институту предстоит блестящее будущее, – выражала уверенность редакция «Недели». – Уже теперь дипломы Института в Югославии признаны и многие из окончивших Институт получили там места, со временем же перехода в Белград все его слушатели... после окончания получают места по специальности и этим путем смогут принести пользу молодой Югославии». Особо подчеркивалось, что эти отрадные перспективы открылись только после того, как благодаря помощи Чехословакии Институт выпустил образованных кооператоров, своей работой в Югославии, Болгарии, Румынии, Польше и Прибалтике создавших вузу известность⁵³. В 1929 году ОРОВУЗ считал целесообразным и взаимовыгодным участие русских межевиков в масштабных работах по измерению свыше 1 миллиона гектаров земли, запланированных в Югославии⁵⁴.

Однако уже спустя год ситуация в этой стране для трудоустройства русских эмигрантов характеризовалась как «катастрофическая». Причиной этого стало завершение усиленного железнодорожного и шоссевого строительства в Югославии, вследствие чего около 400 русских инженеров и техников остались без работы, «а тем, кто не попал под сокращение, было уменьшено содержание». Кроме того, газета отмечала, что за прошедшие 10–12 лет в Югославии «выросли» собственные кадры молодых инженеров и техников, которым рабочие места предоставлялись в первую очередь, прежде всего, за счет иностранцев, большинство из которых – русские. «Подверглись также сокращению инже-

⁵² Неделя. 1929. 1 ноября. №42.

⁵³ Неделя. 1929. 18 октября. №40.

⁵⁴ Неделя. 1929. 13 декабря. №47.

неры и техники, служившие и в частных предприятиях, где они сохраняли свои места до настоящего времени как более опытные»⁵⁵.

Сирия, Персия и Турция

Собирающимся перебраться в Сирию указывалось на особую развитость в этой стране железнодорожного и гражданского строительства, гидрографических работ и, соответственно, востребованность русских на «интеллигентных работах» (главным образом, инженеров и врачей). Что касается зарплаток, то отмечался, в среднем, «очень скромный» уровень оплаты труда при значительном «разбросе» доходов эмигрантов – «от 800 до 2 000 франков в месяц, прожиточный минимум 600–700 франков» («в провинции жизнь дешевле почти вдвое»). Один из русских «сирийцев» давал соотечественникам «искренний личный совет: если есть хоть какая-нибудь возможность остаться в Европе, лучше там получать мало, чем здесь много. Уж больно серо здесь живется, хотя все мы на спокойных местах». Что касается Персии и Турции, то значительный масштаб строительных работ делал эти ближневосточные страны также привлекательными для русских эмигрантов («оклады в этих государствах – от 2 000 до 4 000 франков в месяц»). Однако, предупреждала газета, попасть в эти края можно было только при наличии нансеновского паспорта⁵⁶.

Марокко, Экваториальная и Западная Африка

«В Марокко стоит ехать», – констатировала газета весной 1930 г. Основными аргументами в пользу такого решения являлись оклады работников, значительно превышающие стоимость жизни, а также большой спрос на специалистов, особенно русских – прежде всего, техников и инженеров (специалисты в сфере путей сообщения, горного дела, строительства). Найти работу в Марокко вполне могли архитекторы, чертежники, счетоводы, рабочие «по строительному делу» (маляры, плотники, декораторы, каменщики, штукатуры, слесари, кузнецы и др.). Одним из стимулов для мобилизации иностранной рабочей силы в Марокко стало открытие близ г. Сафи новых шахт. Вместе с тем уже спустя полгода, вследствие дававшего о себе знать экономического кризиса, «рынок интеллигентного труда» в этой стра-

⁵⁵ Неделя. 1930. 3 октября. №65.

⁵⁶ Неделя. 1929. 10 мая. №21; 1 ноября. №42; и др.

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

не оценивался как «не вполне благоприятный» для русских эмигрантов, за исключением врачей, землемеров и специалистов по фосфатам⁵⁷.

Что касается экваториальной Африки, то выходцам из России рекомендовалось делать ставку не на правительственную службу, а на частные компании, которые «с большим доверием относятся к русским дипломам или, вернее, к русским, дипломированным высшими школами». Подчеркивалось, что с африканскими частными фирмами и предприятиями нетрудно вступить в связь, поскольку почти все они имеют свои представительства в Париже. Характеризуя жизнь семейного специалиста в Западной Африке, «обремененный» подобным опытом врач-эмигрант свидетельствовал: «Преимущество – не так одинок, минусы – трудно содержать семью. Квартира – лачуга, питание сопряжено с немалыми трудностями. Продукты дешевы, но достать их трудно. ... В изобилии рис, ибо это основная еда чернокожих, да ананасы. Климат безрадостный. С октября по май печет солнце, трава высыхает. Впрочем, температура не поднимается выше 40 градусов. ... С мая по октябрь – частые дожди, и тогда грязь кругом невылазная. Дожди здесь – ливни с ураганами, выворачивающими деревья. За хижину нашу тогда страшно становится. Природа нездоровая. Чернокожих одолевают особые тропические язвы, проказы, кровавые поносы, малярия. Под угрозой, конечно, и мы, ибо соприкосновение с местными неизбежно»⁵⁸.

Канада и США

Откликом «Недели» на «тягу в Америку», распространенную в европейской части русской эмиграции, в т.ч. в Чехословакии, стали материалы, полученные от ОРОВУЗа. В частности, своим опытом трехлетних работ в Канаде делился инженер-агроном Т.А.Овчинников, прибывший в эту страну в 1927 году в составе «пражской группы» эмигрантов. По его словам, в центре по распределению рабочих-иммигрантов эта группа, состоявшая, в основном, из людей без специального образования, была тогда выделена специально для отправки на сельскохозяйственные работы. Причем при трудоустройстве на фермы выходцам из России пришлось пройти своего рода испытания: не довольствуясь распросами, фермеры ощупывали мускулы, предлагали поднять ту или

⁵⁷ Неделя. 1929. 13 декабря. №47; 1930. 1 января. №49; 10 мая. №58; 3 октября. №65.

⁵⁸ Неделя. 1929. 1 ноября. №42.

иную тяжесть и т.п. и только после этого приглашали «успешно выдержавших экзамены» на работу. Овчинников также свидетельствовал о том, что очень скоро спрос на рабочие руки среди канадских фермеров заметно сократился вследствие усиленных закупок ими, начиная с 1928 г., сельскохозяйственной техники из США. В результате многим прибывшим в Канаду в составе упомянутой группы пришлось работать лесорубами, также в исключительно тяжелых условиях, вследствие чего «двое заболели нервным расстройством, значительная часть постаралась выехать в другие страны, а оставшиеся вынуждены в поисках работы переезжать с места на место, не имея постоянного и определенного труда».

Реальный шанс на трудоустройство имели в Канаде некоторые специалисты. Прежде всего, это инженеры, которых, однако, брали только на места чертежников. В лучшем положении оказывались врачи, получавшие значительные гонорары благодаря частной практике, которая, с одной стороны, была запрещена для данной категории канадским законодательством, а с другой, – реально («пока») не преследовалась властями. Неустойчивость положения русских врачей была также связана с конкуренцией со стороны «развитого в значительной мере» местного знахарства⁵⁹.

По сообщениям «Недели», в США дела с трудоустройством русских эмигрантов, в среднем, обстояли еще хуже, чем в Канаде. Вскоре после кризиса на Wall-street и массовых сокращений на предприятиях, в том числе на заводе И.И.Сикорского, из Нью-Йорка сообщали, что «настоящий момент для переселения неблагоприятен, особенно для не знающих языка или не имеющих чего-либо определенного». Диплом инженера не обеспечивал в США даже места чертежника. Многие выпускники вузов работали на фабриках, получая обычно 25–30 долл. в неделю, «кое-кто устроился шоферами – обычная плата 30–40 долл. в неделю; некоторые служат в ресторанах». Женщины находили применение своему труду в игольной промышленности, получая редко выше 20–25 долл. в неделю, служили горничными в ресторанах, либо работали в крупных парфюмерных фирмах, «где от вдыхания пудры отравляются легкие, а от запаха эссенции расстраивается нервная система». В общем, по свидетельству члена пражского ОРОВУЗа инженера Э.Лупинского, осевшего в Нью-Йорке, русские эмигранты могли рассчитывать в США прежде всего на физический труд и только потом,

⁵⁹ *Неделя. 1930. 3 октября. №65.*

«НЕ БОЯТЬСЯ НИКАКИХ ЛИШЕНИЙ, ВЕРИТЬ В СЕБЯ...»

«немного подкрепившись финансами, есть возможность двигаться дальше»⁶⁰.

Аргентина, Парагвай, Бразилия

Что касается стран Латинской Америки, то ОРОВУЗ полагал, что о массовом переезде туда русских эмигрантов не может быть и речи. При этом выступавший в качестве эксперта отрицал наличие там преимуществ у какой-либо одной или нескольких специальностей. Гораздо большую ценность при трудоустройстве там имели знание испанского языка и личные качества. Подчеркивалось, что в Аргентине сравнительно легко устраиваются инженеры-строители, архитекторы и вообще те, кто хорошо умеет чертить и рисовать. «В Парагвае сейчас для русских работы мало, в Бразилии русских много, но по специальности устраиваются редко. Аргентина – страна малокультурная, но с большими перспективами и высокой валютой. Ехать сюда может каждый, независимо от специальности, но каждый должен быть физически здоров, не бояться никаких лишений, верить в себя и свою энергию и знать испанский язык»⁶¹.

Анализ публикаций газеты «Неделя» позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на немалые сложности трудоустройства русских эмигрантов в Чехословакии на рубеже 1920-х – 1930-х годов, эта страна, отличавшаяся, в целом, благожелательным отношением к беженцам из России, предоставляла им возможности для обустройства и хозяйственной деятельности. К тому же усилиями многочисленных общественных организаций в ЧСР была налажена помощь русским беженцам в решении жизненных проблем. Тем не менее для эмигрантской молодежи, получившей благодаря «русской акции» чешского правительства бесплатное высшее образование, было характерно стремление к расширению своих «горизонтов» и достижению максимальных карьерных высот. Подобные настроения побуждали многих покидать ЧСР и расселяться практически по всему свету. Таким образом, Чехословакия 1920-х годов сыграла роль своеобразного питомника квалифицированных специалистов из числа русских эмигрантов, труд которых впоследствии «оплодотворил» экономики и способствовал улучшению качества жизни населения многих стран. Наиболее востребованными являлись владевшие

⁶⁰ Неделя. 1930. 1 января. №49; 3 октября. №65.

⁶¹ Неделя. 1929. 13 декабря. №47.

иностранными языками русские инженеры⁶² и техники, архитекторы, врачи. Как характерная тенденция «просматривалось» сокращение контингента специалистов и «рабочей силы» из числа русских эмигрантов в разных странах после биржевого краха 29 октября 1929 г. и далее, по мере углубления Великой депрессии.

⁶² Для большинства русских эмигрантов диплом инженера олицетворял собой «радужное сочетание блестящей карьеры и возможности хорошего заработка». Следствием престижа этого документа стал «бум» учредительства разного рода частных заочных «политехнических институтов» в странах Западной Европы и главным образом в Париже. Эти учебные заведения привлекали легковверную клиентуру сравнительно коротким сроком обучения и относительно дешевой платой за «курс наук». Безответственное предпринимательство в сфере заочной подготовки практически по любой технической специальности стало возможным, поскольку в отличие от «академической школы», для открытия которой в большинстве стран надо было получить разрешение государства, для создания школ заочного преподавания никаких патентов не требовалось. В связи с этим «Неделя» опубликовала открытое письмо ЦК Федерации Союза русских инженеров за границей с целью «оградить русских людей за границей от опасности, которой они могут подвергаться при стремлении заочным обучением достигнуть надлежащих знаний и получения званий и особенно звания инженера». В документе за подписью председателя Общества русских инженеров и техников в ЧСР А.С.Ломшакова и управляющего делами Общества К.П.Федорова говорилось о том, что «дело народного просвещения путем заочного метода только тогда может считаться безупречным и вне всяких подозрений, когда будет осуществлен не фиктивный, рекламный, а действительный контроль, ставящий преграду коммерческой спекуляции в этой сфере» (Неделя. 1930. 11 июня. №62).

Наши авторы

Давтян Ваге Самвелович

кандидат политических наук, преподаватель Российско-Армянского
(Славянского) Университета,

член-корреспондент Инженерной академии Армении

Гутнов Феликс Хазмурзаевич

доктор исторических наук, заведующий отделом Источниковедения
СОИГСИ РАН

Березина Вера Анатольевна

аспирантка Санкт-Петербургского института истории РАН

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН

Ранчин Андрей Михайлович

доктор филологических наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова.

Конявская Елена Леонидовна

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН,
главный редактор журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики»

Николова Анета

кандидат филологических наук,

главный ассистент Великотырновского университета (Болгария)

Пауткин Алексей Аркадьевич

доктор филологических наук, профессор филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Савельев Виктор Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

Трофимова Нина Владимировна

доктор филологических наук, профессор МГПУ

Шайкин Александр Александрович

доктор филологических наук,

профессор Орловского государственного университета

Каравашкин Андрей Витальевич

доктор филологических наук, профессор РГГУ

Лупанова Евгения Михайловна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории
Кунсткамеры и российской науки XVIII в. МАЭ РАН

Гильминтинов Роман Радиевич

слушатель факультета истории Европейского университета, СПб.

Тополянский Виктор Давыдович

кандидат медицинских наук,

доцент Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова

Хайлова Нина Борисовна

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Дома
русского зарубежья им. А.Солженицына, старший научный сотрудник ИРИ
РАН

Our authors

Davtian Vahe Samvelovich

Ph.D. in political sciences, lecturer of the Russian-Armenian (Slavonic) University, corresponding member of the Engineering Academy of Armenia

Gutnov Feliks Hazmurzaevich

D. Sci., historian, head of the Department of Source-study, North Ossetian Institute of Humanities and Social Sciences Research, the RAS and the Government of North Ossetia-Alania

Berezina Vera Anatol'evna

post graduate student of St.Petersburg History Institute, RAS

Kostyrchenko Gennadii Vasil'evich

D.Sci., historian, leading researcher, Institute of Russian History, RAS

Ranchin Andrey Mikhailovich

D.Sci., philologist, Professor, Philological Faculty of Moscow State University

Konyavskaya Elena Leonidovna

D.Sci., philologist, leading researcher, Institute of Russian History, RAS, Editor-in-Chief of the journal "Drevnyaya Rus'. Voprosy Medievistiki"

Nikolova Aneta

Ph.D., philologist, chief assistant of Velikotymovo University, Bulgaria

Pautkin Aleksey Arkadievich

D.Sci., philologist, Professor of Moscow State University

Savel'ev Viktor Sergeevich

Ph.D., philologist, Assistant Professor of Moscow State University

Trofimova Nina Vladimirovna

D.Sci., philologist, Professor of Moscow State Pedagogical University

Shaykin Aleksandr Aleksandrovich

D.Sci., philologist, Professor of Oryol State University

Karavashkin Andrey Vital'evich

D.Sci., philologist, Professor of Russian State University for Humanities

Lupanova Evgeniya Mikhailovna

Ph.D., historian, senior researcher of Museum of Anthropology and Ethnography, RAS

Gel'mintinov Roman Radievich

Student of History Department, European University, St.Petersburg

Topolyansky Viktor Davydovich

Ph.D. in medicine, Assistant Professor of I.M.Sechenov Moscow Medical Academy

Khailova Nina Borisovna

Ph.D., historian, Assistant Professor, senior researcher of Solzhenitsyn House of the Russian diaspora, leading researcher of the Russian History Institute, RAS

ПЕРЕЧЕНЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2014 г.

Теория и практика политических игр

Бялый Ю.В. Новые геоэкономические тенденции. Их отражение в глобальной и региональной политике. №4. С.6

Кургинян С.Е. Баррикады: логика радикализации. Как это начиналось. №1. С.6

Кургинян С.Е. Воля народа и митинговая демократия. №2. С.6

Кургинян С.Е. Темный огонь. №5. С.6

Геоглобалистика

Гриневский О.А. Терроризм и исламский радикализм – глобальный риск номер один. №1. С.78

Давтян В.С. Россия на Южном Кавказе: геополитическая ретроспектива. №6. С.6

Зимонин В.П. Союзники СССР «с атомным камнем» за пазухой, или о том, как и для чего создавалось атомное оружие в годы Второй мировой войны. №1. С.44

Грани катастрофы

Волков А.А., Зверкина Г.А., Иванов А.В., Кургинян С.Е., Тишков М.Б. Отмена ЕГЭ – первый шаг к возрождению образования. №1. С.96

Ресурсы нации

Казакова Н.Ю. Медиа-магнат Иван Сытин. №5. С.96

Келлер А.В. «Средневековый институт» или инновация в духе петровских реформ? Цехи в России и корпоративное самоуправление ремесленников на примере Санкт-Петербурга с начала XVIII до начала XX века. №5. С.74

Лупанова Е.М. Русский север – край лесной: эксплуатация и охрана лесов в XVIII веке. №3. С.94

Лупанова Е. М. Леса Поволжья в правительственной политике XVIII века. №6. С.106

Ярлыки и мифы

Березина В.А. Формирование образа Петрограда-Ленинграда в экскурсионной литературе 1920-х годов. №6. С.52

Дегоев В.В. «Темные» тысячелетия кавказской истории. №2. С.26

Костырченко Г.В. «Эх, Говард!..»: литературная история разрыва Говарда Фаста с СССР. №6. С.64

Лапин В.В. Война памятников и война с памятниками. №1. С.122

Эрлих С.Е. «Без декабристов не было бы и коммунистов»: ленинское «первое поколение» в мифодизайне КППФ. №4. С.50

Национальная доктрина

Гром О.А. «Молдавский вопрос» в Бессарабии в конце XIX – начале XX века: сравнительный аспект. №5. С.44

Гутнов Ф.Х. Об обычном праве осетин. №6. С.26

Россия в мире

Буранок С.О. Начало Сталинградской битвы в зеркале прессы США. №1. С.170

- Гончарова О.В. «Для сохранения спокойствия и благоденствия...»: европейская политика России в посленаполеоновскую эпоху. №3. С.6
Орлик И. И. Россия и Восточная Европа в XXI веке. №4. С.20
Хайлова Н. Б. «Не бояться никаких лишений, верить в себя ...»: хозяйственная адаптация русских эмигрантов «первой волны» в Чехословакии. №6. С.148

Европейские параллели

- Максимычев И.Ф. Место ГДР в истории XX века: восстановление российско-германских отношений. №5. С.22

Страницы истории

- Беспятова Е.Б. «Инакомыслие» Е.А.Преображенского: история взаимоотношений ученого и власти. №3. С.36; №4. С.108
Буранок С.О. Аншлюс, Мюнхен, Польша...: пресса США и угроза войны 1938–1939 годов. №5. С.142
Давыдов А.Ю. Кочевая и мешочническая Россия: адаптация народа к катастрофе гражданской войны. №2. С.126
Давыдов А.Ю. Предыстория и развязка трагедии: террористический акт 28 марта 1922 года в Берлине. №4. С.80
Журавлев В.В. Первая мировая война в человеческом измерении: власть и общество. №2. С.62
Марына В.В. В Словакию через Карпаты: к 70-летию словацкого национального восстания и карпато-дуклинской операции Красной армии. №3. С.58
Монастырев М.М. Отречение Николая II и Михаила Александровича: законность последних манифестов Романовых. №1. С.148; №2. С.96
Ранчин А.М., Конявская Е.Л., Николова А., Пауткин А.А., Савельев В.С., Трофимова Н.В., Шайкин А.А., Каравашкин А.В. Актуальность древнего текста. №6. С.86
Симонова Т.М. Реалии гражданской войны: новые материалы к портрету Станислава Булак-Булаховича. №5. С.112

Актуальный архив

- Гильминтинов Р.Р. В соавторстве с самим собой: две автобиографии С.Я.Аллилуева. №6. С.126
Киянская О.И., Фельдман Д.М. К истории советской региональной печати: дымовское дело. №2. С.162
Киянская О.И., Фельдман Д.М. «Мы, "Крокодил"...»: власть и сатирическая печать в СССР в 1930-х годах. №5. С.162
Лота В.И. Неизвестный «Багратион». №3. С.144
Мальков В.Л. «Я испробовал вино смерти, и его вкус навсегда останется у меня на зубах». №4. С.128
Репников А.В. «Проклятое восстание матери, порабощенной человеком»: современники о Первой мировой войне. №3. С.114
Тополянский В.Д. Конец Пироговского общества. №4. С.168
Тополянский В.Д. Анна Ахматова под надзором МГБ. №6. С.138
Яров С.В. «Вы самый близкий и дорогой для меня человек»: благодарность за помощь в блокадном Ленинграде. №3. С.168

The List of All Published Materials in 2014

Theory and Practice of the Political Games

Byaly Yu.V. New Geo-economic Trends and Their Reflections in the Global and Regional Politics. №4. P.6

Kurginyan S.E. Barricades: Logic of Radicalization. How did that Commence. №1. P.6

Kurginyan S.E. The People's Will and the Meeting Democracy. №2. P.6

Kurginyan S.E. The Dark Flame. №5. P.6

Geopolitics and International Policy Issues

Davtyan V.S. Russia in the South Caucasus: Geopolitical Retrospective. №6. P.6

Grinevsky O.A. Terrorism and Muslim Radicalism: the Global Risk Number One. №1. P.78

Zimonin V.P. The USSR's Allies Harboring the "Atomic Stone" Behind their Back. How and for What Purpose the Atomic Weaponry was Created During the World War II. №1. P.44

The Faces of Catastrophe

Volkov A.A., Zverkina G.A., Ivanov A.V., Kurginyan S.E., Tishkov M.B. The Repeal of the SSE as the First Step to Education Revival. №1. P.96

Resources of Nation

Kazakova N.Yu. Media Magnate Ivan Sytin. №5. P.96

Keller A.V. „Middle Ages Institution“ or Innovation in the Spirit of the Reforms of Peter I? Craft Guilds in Russia and Corporate Self Administration of Craftworkers on the Example of St. Petersburg from the Beginning of the 18th to the Beginning of the 20th Centuries. №5. P.74

Lupanova E.M. The North of Russia is the Woodland: Exploitation and Protection of Forests in the 18th Century. №3. P.94

Lupanova E.M. The Forests of the Volga in the Government Policy in the 18th Century. №6. P.106

Labels and Myths

Berezina V.A. The Formation of the Image of Petrograd-Leningrad at the Tour Literature of the 1920-s. №6. P.52

Degoev V.V. The "Dark" Ages of the Caucasus History. №2. P.26

Erlich S.E. "Without Decembrists there would be no Communists": Lenin's "First Generation" in the CPRF's Myth Designing. №4. P.50

Kostyrchenko G.V. "Heh, Howard...": Literary Story of Howard Fast's Severance of Relations with the USSR. №6. P.64

Lapin V.V. The War of Monuments and the War Against Monuments. №1. P.122

National Doctrine

Grom O.A. "Moldavian Question" in Bessarabia in the Late 19th and Early 20th Century: Comparative Aspect. №5. P.44

Gutnov F.Kh. On the Common Law of the Ossetians. №6. P.26

Russia in the World

Buranok S.O. Beginning of the Stalingrad Battle as Reflected by the US Printed Media. №1. P.170

Goncharova O.V. "For Protection of Peace and Welfare...": Russia's European Policy in the

Post-Napoleonic Era. №3. P.6

Khailova N.B. "Do not be Afraid of any Hardship, Believe in Yourself...": Economic

Adaptation of Russian Emigrants of the "First Wave" in Czechoslovakia. №6. P.148

Orlik I.I. Russia and Eastern Europe: Mutual Relations in the 21st Century. №4. P.20

European Parallels

Maksimychev I.Ph. The Place of the GDR in the 20th Century History: Restoration of Russian–

German Relations. №5. P.22

Pages of History

Bespiatova E.B. Preobrazhensky' "Dissent": Relationships of a Scientist and the Authorities.

№3. P.36; №4. P.108

Buranok S.O. Anschluss, Munich, Poland...: the United States Press and the Threat of War in

1938–1939. №5. P.142

Davydov A.Yu. Nomadic and Meshochnicheskaya Russia: the Survival of the Russian Population

in the Catastrophe of Civil War. №2. P.126

Davydov A.Yu. Prehistory and Epilogue of the Tragedy: the Act of Terrorism in Berlin on March

28th 1922. №4. P.80

Mar'ina V.V. Through the Carpatians to Slovakia: in Commemoration of the 70th Anniversary of

the Slovakian National Uprising and of the Carpathian-Doukla Operation of the Red Army. №3.

P.58

Monastirev M.M. Abdication of Nicholas II and Mikhail Aleksandrovich: Legal Validity of the

Romanovs' Last Manifests. №1. P.148; №2. P.96

Ranchin A.M., Karavashkin A.V., Konyavskaya E.L., Nikolova A., Pautkin A.A., Savel'ev V.S.,

Trofimova N.V., Shaikin A.A. Relevancy of an Ancient text. №6. P.86

Simonova T.M. Realities of the Civil War: New Materials to the Portrait of Stanislaw Bulak-

Balakhovich. №5. P.112

Zhuravlev V.V. World War I in Human Dimension: Power and Society. №2. P.62

Topical Archive

Gil'mintinov R.R. Co-authored with Himself: two Autobiographies of S.Ya.Alliluev. №6. P.126

Kiyanskaya O.I., Fel'dman D.M. The Dymovka Affair: an Episode of the Soviet Regional Press

History. №2. P.162

Kiyanskaya O.I., Fel'dman D.M. "We, "The Crocodile"...": the Power and the Satirical Press in

the 1930s. №5. P.162

Lota V.I. Unknown "Bagration". №3. P.144

Mal'kov V.L. "I have Tasted of the Wine of Death, and its Flavor will be Forever in my Throat".

№4. P.128

Repnikov A.V. "The Damned Revolt of the Matter Enslaved by the Man": Contemporaries on

the World War I. №3. P.114

Topolyansky V.D. The End of the Pirogov Society. №4. P.168

Topolyansky V.D. Anna Akhmatova under Surveillance of the MGB. №6. P.138

Yarov S.V. "For Me You are the Most Close and the Dearest Person": Gratitude for Help

Provided in Leningrad Besieged and Blockaded. №3. P.168

**ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ
в редакции**

Тел. (495)691-74-79
E-mail: russia21@ecc.ru, kurilenkova@ecc.ru
123001, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

**ЖУРНАЛ МОЖНО ЗАКАЗАТЬ
с доставкой по всей России**

в книжном интернет-магазине «Русская деревня»
www.hamlet.ru

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
83496 – по каталогу Агентства «Роспечать».

Для иностранных читателей
подписка проводится через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495)672-70-12, e-mail: export@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.elibrary.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2014. Цена свободная.

Адрес редакции: 123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru <http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 12.12.2014. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,5 печ. л.

Тираж 1500 экз. Заказ № .

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1»
428019, г.Чебоксары, пр.И.Яковлева, 15. Тел. 8(8352)28-77-98, 57-01-87

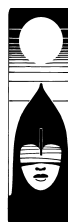
6. 2014 november-december

Geopolitics and International Policy Issues

Vahe Davtyan

Russia in the South Caucasus:
Geopolitical Retrospective _____ 6

National Doctrine

Feliks Gutnov

On the Common Law of the Ossetians _____ 26

Labels and Myths

Vera Berezina

The Formation of the Image of Petrograd-
Leningrad at the Tour Literature
of the 1920-s _____ 52

Gennadii Kostyrchenko

“Heh, Howard”: Literary Story of Howard Fast’s
Severance of Relations with the USSR _____ 64

Pages of History

*Andrey Ranchin, Andrey Karavashkin,
Elena Konyavskaya, Aneta Nikolova,
Aleksy Pautkin, Viktor Savel’ev,
Nina Trofimova, Aleksander Shaikin*

Relevancy of an Ancient Text _____ 86

Resources of Nation

Evgenia Lupanova

The Forests of the Volga
in the Government Policy
in the 18th Century _____ **106**

Topical Archive

Roman Gil'mintinov

Co-authored with Himself: Two
Autobiographies of S.Ya.Alliluev __ **126**

Viktor Topolyansky

Anna Akhmatova
under Surveillance of the MGB __ **138**

Russia in the World

Nina Khailova

“Do not be Afraid of any Hardship,
Believe in Yourself”:
Economic Adaptation of Russian
Emigrants of the “First Wave”
in Czechoslovakia _____ **150**

РОССИЯ XXI